

Vinogradoff

Учебник всеобщей истории

УЧЕБНИКЪ

ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ.

СОСТАВИЛЪ

Павель Виноградовъ.

Профессоръ Московскаго Университета.

ЧАСТЬ I.

ДРЕВНІЙ МІРЪ

МОСКВА.

Книжный магазинъ И. Дейбнера.
Кузнешій мостъ, домъ Варгина.

1893.

Высочайше утвержд. Т-во „Печатня С. П. Яковлева“ Петровка, д. № 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Едва ли нужно распространяться о трудности исторіи, какъ науки и какъ предмета преподаванія. Трудность эта ясна всякому, кто имѣлъ случай наблюдать за усвоеніемъ предмета въ средней школѣ, или хотя бы за результатами этого усвоенія, поскольку они сказываются въ подготовкѣ поступающихъ въ университетъ студентовъ: слишкомъ часто дѣло ограничивается отрывочными свѣдѣніями, затверженными на память и лишенными всякой разумной связи.

Начинающихъ филологовъ и юристовъ слабая постановка исторіи задерживаетъ и затрудняетъ въ ихъ занятіяхъ. А громадное большинство юношества именно изъ историческаго преподаванія средней школы должно получить основы своего гражданскаго образованія, — для будущихъ медиковъ, естественниковъ, техниковъ, коммерческихъ людей, образованныхъ женщинъ, скудно отмѣренные уроки исторіи останутся на всю жизнь единственнымъ вкладомъ школы въ установленіе гражданскихъ понятій.

Впослѣдствіи, конечно, многому научить жизненный опытъ съ своими неожиданными толчками и разочарованіями, научить, при желаніи, беспорядочное чтеніе, случайныя бесѣды и вліянія, — но за эти уроки приходится часто платить слишкомъ дорого и получать ихъ при весьма невыгодныхъ условіяхъ. Средняя, т. е. общеобразовательная школа обязана позаботиться о томъ, чтобы политическое воспитаніе юношества не было предоставлено, главнымъ образомъ, случаю. Лучшее средство для этого — поднять уровень историческаго преподаванія. Заграницей какъ разъ въ настоящее время замѣчается усиленная дѣятельность въ этомъ направленіи. Достаточно указать на французскіе и англійскіе учеб-

ники, хрестоматіи, сборники и популярныя компіляціи, въ которыхъ принимаютъ участіе не только опытные педагоги, но и выдающіеся ученые, вродѣ Гардинера, Юрка Поуеля, Масперо, Монода, Бемона, Лависса, Гиро, Ланглуа. У насъ также пора взяться за дѣло, и нѣтъ недостатка въ попыткахъ, которыя съ разныхъ сторонъ и въ разной формѣ обнаруживаютъ настоящую потребность въ улучшеніи школьнаго преподаванія исторіи.

Предлагаемый учебникъ имѣеть цѣлю—если не удовлетворить вполне этой потребности, то, по крайней мѣрѣ, противодѣйствовать одному особенно существенному недостатку современнаго преподаванія—его отрывочности и безсвязности. Если не удастся провести въ умы учениковъ сознанія тѣсной причинной связи между историческими явлениями, органическаго роста государства, взаимодѣйствія между стремленіями людей и условіями, при которыхъ эти стремленія осуществляются—то можно прямо сказать, что историческое преподаваніе проходитъ безъ пользы. Сколько бы ни было заучено именъ и годовъ, какъ живо не были бы представлены отдѣльные характеры или эпизоды, главный смыслъ великой исторической работы, которая такъ широко развернулась въ нашемъ XIX вѣкѣ, окажется просмотрѣннымъ. А между тѣмъ, какъ мнѣ кажется, выяснить ученикамъ этотъ главный смыслъ совсѣмъ не такъ невозможно.

Первымъ дѣломъ, надо отказаться отъ мысли, что учебникъ долженъ снискать расположеніе учениковъ внѣшней, анекдотической занимательностью. Интересъ къ исторіи можетъ быть двоякій: привлекаетъ объясненіе сложныхъ и разнообразныхъ явленій изъ немногихъ основаній—разумное упрощеніе процесса, который сначала кажется случайнымъ и беспорядочнымъ; привлекаетъ живое изображеніе прошедшаго въ его лицахъ и сценахъ. И то, и другое необходимо въ историческомъ преподаваніи,—но первое можетъ и должно быть достигнуто въ учебникѣ, между тѣмъ какъ второе требуетъ большаго простора и подробностей, которыми учебникъ не располагаетъ. Образное повѣствованіе, оживленное множествомъ конкретныхъ чертъ, можетъ быть вообще дано только отрывками въ средней школѣ: пусть даетъ его учитель по соображенію отпущеннаго ему времени, состава

класса, интереса учениковъ. Пусть подспорьемъ учителю и ученикамъ служатъ хрестоматіи, сборники, книги для чтенія, въ которыхъ матеріалъ по необходимости соберется вокругъ нѣсколькихъ наиболѣе важныхъ и блестящихъ пунктовъ и останутся значительные пробѣлы между этими пунктами. Учебникъ долженъ, напротивъ, ограничиться необходимымъ, обязательнымъ, но давать это необходимое непременно въ связной формѣ съ строго выдержанною послѣдовательностью. Нечего и говорить, что нѣкоторыя эпохи и событія придется описать гораздо подробнѣе другихъ, но относительное мѣсто и развитіе частей опредѣлится не требованиями картиннаго изображенія, а всемірно-исторической важностью или поучительностью явленій.

Въ виду изложенныхъ соображеній, мнѣ кажется своевременнымъ произвести параллельно два ряда работъ—съ одной стороны должны быть составлены учебники, которые устанавливали бы необходимую основу историческихъ знаній; съ другой—желательно облегчить для учителя работу иллюстраціи составленіемъ книгъ для чтенія съ значительнымъ выборомъ образно изложенныхъ статей по наиболѣе характернымъ эпизодамъ и дѣятелямъ исторіи. Для послѣдней цѣли уже въ настоящее время сдѣлано немало, а въ первомъ отношеніи все дѣло еще впереди.

Выпуская въ свѣтъ учебникъ по древней исторіи, я имѣлъ въ виду сопоставить весь тотъ матеріалъ, который, какъ мнѣ казалось, долженъ быть усвоенъ учениками средней школы. Это значитъ, что книга предназначается въ своемъ полномъ объемѣ для учениковъ VIII класса классической гимназіи. Но уже въ IV классѣ нежелательно начинать преподаваніе по другому методу и съ матеріаломъ иного рода. Вѣдь, курсъ IV класса служить основаніемъ для всего преподаванія всеобщей исторіи въ V, VI и VII и сопровождаетъ учениковъ въ ихъ занятіяхъ древними авторами вплоть до старшаго класса. Было бы крупной ошибкой сводить его на степень слишкомъ элементарнаго или эпизодическаго изученія. Если въ VIII классѣ курсъ будетъ пройденъ въ полномъ объемѣ и съ дополненіями изъ книги для чтенія или литературныхъ пособій, то въ IV классѣ его слѣдовало бы пройти съ значительными сокращеніями. А въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ курсъ древней исторіи проходитъ

только одинъ разъ, еще болѣе необходимо придать ему серьезный характеръ.

Противъ серьезнаго, не-анекдотическаго изложенія, существуетъ въ обществѣ извѣстное предубѣжденіе, основанное, по моему, на какомъ то предразсудкѣ. Въ главныххъ политическихъ понятіяхъ, которыми пользуется исторія, нѣтъ ничего запутаннаго и непреодолимо труднаго для дѣтей средняго возраста. Конечно, нужно будетъ нѣкоторое усиліе мысли, чтобы вникать въ историческое преподаваніе, но тѣмъ и лучше — только бы усиліе это приводило къ успѣшному результату и содѣйствовало развитію. Не говоря уже о математикѣ и языкахъ, преподаваніе географіи, напр., постоянно требуетъ отъ учениковъ примѣненія разсуждающей мысли. Одну исторію почему то считаютъ нужнымъ представить исключительно памяти и воображенію.

Что касается до отношенія предлагаемаго учебника къ утвержденнымъ г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія программамъ, то я, конечно, близко ихъ держался, но долженъ оговориться относительно одного пункта. Исторія евреевъ не включена въ учебникъ, потому что я считалъ невозможнымъ изложить ее въ краткомъ очеркѣ такъ, чтобы ученики узнали изъ нее что нибудь новое сравнительно съ рассказомъ Ветхозавѣтной исторіи въ классѣ Закона Божія. При параллельномъ преподаваніи одного и того же отдѣла двумя учителями получатся неизбѣжныя повторенія и, пожалуй, даже разногласія.

Мнѣ остается выразить искреннюю благодарность многочисленнымъ друзьямъ, которые помогали мнѣ при работѣ со вѣтами, какъ относительно формы изложенія, такъ и по содержанію. Безъ этихъ цѣнныхъ указаній со стороны опытныхъ и извѣстныхъ педагоговъ я врядъ ли рѣшился бы приступить къ составленію учебника. Особенно считаю себя обязаннымъ Профессору А. Н. Шварцу, В. Н. Беркуту, Р. Ю. Випперу, П. Н. Милюкову и В. А. Соколову.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе.....	Стр. 1
Введеніе.....	1

Первый отдѣль.—Востокъ.

Гл. 1. Египеть.....	4
Гл. 2. Вавилонія и Ассирія.....	10
Гл. 3. Мидія и Персія.....	15
Гл. 4. Финикія.....	18

Второй отдѣль.—Греція.

Гл. 1. Географическій очеркъ.....	22
Гл. 2. Древнѣйшая культура Грековъ.....	25
Гл. 3. Спарта.....	35
Гл. 4. Аѳины.....	39
Гл. 5. Персидскія войны.....	45
Гл. 6. Аѳины въ V вѣкѣ.....	53
Гл. 7. Греческая образованность. Эпоха процвѣтанія.....	56
Гл. 8. Пелопоннесская война.....	64
Гл. 9. Преобладаніе Спарты и Аѳинъ.....	71
Гл. 10. Македонская монархія.....	75
Гл. 11. Греческая образованность. Эпоха упадка.....	84

Третій отдѣль.—Римъ.

Гл. 1. Географическій очеркъ Италіи.....	91
Гл. 2. Римская культура древнѣйшей Эпохи.....	93
Гл. 3. Борьба патриціевъ съ плебеями.....	97
Гл. 4. Завоеваніе Италіи.....	106
Гл. 5. Завоеваніе Средиземнаго моря.....	111
Гл. 6. Эпоха гражданскихъ смуть.....	123
Гл. 7. Шаденіе республики.....	137
Гл. 8. Принципатъ.....	152
Гл. 9. Распаденіе имперіи.....	170
Гл. 10. Римская культура.....	182

ВВЕДЕНІЕ.

Большая часть земной поверхности занята водными про-
странствами, недоступными для поселенія, да и на сушѣ не
вездѣ живутъ люди: холодъ полярныхъ странъ, безводность
Сахары препятствуютъ селиться человѣку. На громадныхъ
пространствахъ Сибирской и Сѣверо-американской тундры,
хотя и существуетъ населеніе, но рѣдкое и занятое исклю-
чительно заботами о самомъ необходимомъ въ пищу, одеждѣ
и жилищѣ. *Естественно, что люди тѣснятся и умножаются
преимущественно въ плодородныхъ мѣстностяхъ съ умереннымъ
климатомъ.*

Но нельзя сказать, чтобы благосостояніе людей непре-
мѣнно возрастало тамъ, гдѣ блага природы достаются въ
изобиліи. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ и преріяхъ Америки, напр.,
живетъ множество дикихъ племенъ, которыя легкодобываютъ
пропитаніе охотой и потому не напрягаютъ и не развиваютъ
своихъ умственныхъ силъ. Мы называемъ ихъ *дикими*, по-
тому что они довольствуются тѣмъ, что даетъ природа, и не
стараются улучшить свой бытъ съ помощью искусства. Въ
противоположность имъ — европейцы, индусы, китайцы назы-
ваются народами *культурными*. Слово *культура* значитъ „обра-
ботка“, а когда оно прилагается къ быту людей, то обозна-
чаетъ ихъ работу надъ окружающей природой и надъ собою.
Въ самомъ дѣлѣ, люди стараются подчинить себѣ природу,
воспользоваться ею для своихъ нуждъ, но не менѣе необхо-
димо имъ заботиться о собственномъ совершенствованіи—
о приобрѣтеніи знаній, выработкѣ характера, хорошихъ от-
ношеній другъ къ другу. Усилія людей направлены къ
тому, чтобы изучить жизнь, сдѣлать ее болѣе безопасной,

полезной и приятной. Безъ нѣкоторой работы такого рода не обходятся даже дикіе: всѣ люди, напр., пользуются огнемъ, между тѣмъ какъ съ нимъ не умѣютъ обращаться даже самыя смышленныя животныя. Но одни племена производятъ эту работу въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, живутъ изо дня въ день и, достигнувъ кое-чего, остаются въ одномъ положеніи сотни и тысячи лѣтъ, другія же, добившись извѣстнаго успѣха, стараются итти дальше и шагъ-за-шагомъ усваиваютъ множество знаній, привычекъ, порядковъ, которые способствуютъ улучшенію жизни.

Всякій шагъ впередъ въ этомъ отношеніи является великимъ дѣломъ, которое производитъ сильное впечатлѣніе на современниковъ и оставляетъ память въ потомствѣ. *Историческая наука ставитъ себѣ главной задачей собирать свѣдѣнія объ этихъ великихъ дѣлахъ и слѣдитъ за работой человечества надъ природой и надъ самимъ собою.* Къ несчастью, ей приходится отмѣчать не одни успѣхи, а также бѣдствія и времена упадка. Но въ общемъ она свидѣтельствуетъ о томъ, что человечество подвигается впередъ, становится умнѣе и лучше.

Расы и пле-
мена.

Понятно, что исторія не останавливается на дикихъ племенахъ, а занимается народами, достигшими высокой культуры. Такихъ народовъ было сравнительно немного на земномъ шарѣ. Появленіе ихъ, какъ уже было сказано, зависѣло часто отъ благопріятныхъ географическихъ условій. Но, чтобы воспользоваться такими условіями, нужны способности, а не всѣ люди одинаково одарены отъ природы. Историкъ прежде всего долженъ обратить вниманіе на *различія между племенами.* Мы постоянно наблюдаемъ родственное сходство по виду и характеру въ извѣстныхъ семьяхъ; подобнымъ же образомъ и члены одного племени похожи другъ-на-друга и отличаются отъ иностранцевъ. Книга Бытія сообщаетъ намъ, что весь родъ человѣческій пошелъ отъ первой семьи прародителей, потомство которой все разрасталось, расселялось и приобрѣтало племенные отличія, хотя мы не знаемъ въ точности, какъ шло это расселеніе. Въ настоящее время люди по самому цвѣту кожи раздѣляются на три основныя *расы*: на бѣлую, желтую и черную. Къ первой принадлежатъ арійскія и семитическія племена Европы, Азіи и Африки. Кромѣ бѣлизны кожи, она отличается равномернымъ развитіемъ черепа и лица. Желтая раса охватываетъ монгольскія, фин-

скія, туранскія и малайскаія племена Старога Свѣта. Къ ней примыкають туземцы Америки, кожа которыхъ уже переходитъ въ кирпично-красный цвѣтъ. Характерными свойствами лица у большей части представителей этой расы являются выдающіяся скулы и узко-прорѣзанные глаза. Наконецъ, къ черной расѣ принадлежатъ африканскіе негры и австралійскіе папуасы: въ строеніи головы ее болѣе всего отличаетъ выдвинутая впередъ челюсть.

Большинство культурныхъ народовъ пошло отъ бѣлой расы. Желтая выставила самостоятельную китайскую культуру. Черная обнимаетъ только дикія племена. Но, такъ какъ люди пошли отъ одной семьи, то вѣтъ неопределимыхъ препятствій къ распространенію культуры даже среди теперешнихъ дикихъ. Исторія показываетъ часто, какъ народы мало одаренные или находившіеся въ неблагопріятномъ положеніи выходятъ изъ дикаго состоянія и приобрѣтають культуру когда измѣняются условія ихъ жизни.

До сихъ поръ въ виду различія географическихъ условій и племенныхъ характеровъ *призваны были играть дѣятельную роль въ исторіи человечества сравнительно немногіе народы, которые приобрѣтали мало-по-малу вліяніе на сосѣдей.* Ранѣе всего сложилась культура на востокѣ отъ насъ и притомъ въ двухъ почти разобщенныхъ другъ-отъ-друга полосахъ. Монголы въ Китаѣ и арійцы въ Индіи составили значительныя государства и достигли большихъ успѣховъ въ образованности. Съ другой стороны, около Средиземнаго моря возникли культуры Египта и Ассиро-Вавилоніи. Уже подъ вліяніемъ послѣднихъ зародилась образованность Греціи и Италіи, мало-по-малу охватившая весь материкъ Европы. Въ настоящее время эта европейская культура перешла и на другія части свѣта и стала средоточіемъ жизни человечества. Относительно китайской и индійской культуръ достаточно свѣдѣній сообщено въ географіи. Намъ придется заняться исторіей народовъ, сосредоточившихся около Средиземнаго моря.

ПЕРВЫЙ ОТДѢЛЪ—ВОСТОКЪ.

Глава I.

ЕГИПЕТЪ.

Страна.

Древніе называли Египетскую страну „даромъ Нила“. Это оазисъ, который тянется среди бесплодной пустыни вдоль Нила, послѣ выхода его изъ нубійскихъ скалъ. Верхнія части рѣки важны потому, что въ нихъ готовится наводненіе, которому Египетъ обязанъ своимъ плодородіемъ и культурой. Баръ-эль-Абиадъ—„Бѣлый Нилъ“—привоситъ изъ экваторіальныхъ странъ массу растительныхъ остатковъ, драгоценныхъ для удобренія почвы, но его теченіе, растянувшееся на тысячи верстъ при незначительной покатости къ морю, слишкомъ лѣниво и медленно, чтобы произвести наводненіе. Последнее обусловливается „Синимъ“ Ниломъ, Баръ-эль-Азрекомъ, который низвергается съ Абиссинскаго плоскогорья и, набравшись воды вслѣдствіе тропическихъ дождей, какъ бы выталкиваетъ Нилъ изъ береговъ. Все живое въ Египтѣ зависитъ отъ этого наводненія. Люди, животныя, растенія ждуть его, какъ избавленія отъ юньской засухи, когда по недѣлямъ дуетъ вѣтеръ съ пустыни. Въ концѣ юня Нилъ начинаетъ подниматься, мѣняетъ цвѣтъ и, наконецъ, выходитъ изъ береговъ. Періодъ разлитія продолжается около четырехъ мѣсяцевъ.

Илъ и влага, оставленные рѣкой, дѣлаютъ почву Египта одною изъ самыхъ плодородныхъ на земномъ шарѣ, но необходимо руководить наводненіемъ, чтобы воспользоваться его благами. Если предоставить рѣку самой себѣ, то она въ иныхъ мѣстахъ прорвется съ разрушительною силою, въ другихъ образуетъ лужи и болота вредной стоячей воды,

а во многія мѣстности совсѣмъ не проникнетъ. *Природа, такъ сказать, вызываетъ жителей на неустанную и совокупную работу по управленію наводненіемъ.*

Населеніе Египта составилось изъ смѣшенія черной расы съ бѣлымъ, семитическимъ племенемъ. Это населеніе сумѣло воспользоваться естественными условіями. Оно овладѣло рѣкой, благодаря устройству цѣлой сѣти оросительныхъ каналовъ, плотинъ, резервуаровъ. Самымъ замѣчательнымъ памятникомъ этой дѣятельности было большое искусственное озеро въ Файумѣ, нѣсколько южнѣ Мемфиса (Мѣрисъ). Тогда собирали во время наводненія излишнюю воду, а затѣмъ пользовались ею какъ запасомъ, когда надо было поднять уровень рѣки.

Для того, чтобы такія работы были успѣшны, необходимо было производить ихъ общими усиліями и по общему плану, а не врознь. Поэтому египтяне очень рано соединились въ одно большое государство, охватившее теченіе рѣки отъ пороговъ до моря. Правительство.

Все общество было поставлено въ строгое подчиненіе, подобное той военной дисциплинѣ, которая господствуетъ въ настоящее время въ войскахъ. Во главѣ всего стоялъ *фараонъ*, котораго почитали, какъ земного бога, сына солнца. Привѣтствовали его, падая ницъ на землю, изображали какъ и боговъ, въ видѣ исполна въ нѣсколько разъ большаго, чѣмъ обыкновенные люди. Не мудрено, что фараоны старались возвеличить себя не только хорошимъ управленіемъ, заботой объ орошеніи и благосостояніи страны и защитой ея отъ непріятелей, но и внѣшними памятниками своего какъ бы сверхъестественнаго могущества. Надъ могильной пирамидой ¹⁾ Хеопса, по преданію, въ теченіе тридцати лѣтъ работало постоянно по 100.000 человѣкъ, которыхъ смѣняли черезъ каждые три мѣсяца. И до сихъ поръ эта пирамида, достигающая 70 сажень вышины, является самымъ колоссальнымъ памятникомъ человѣческой архитектуры. *Среди народа выдѣлялись сословія воиновъ и жрецовъ*, которые передавали свои должности, права и преимущества по наслѣдству; остальная масса народа была занята

¹⁾ Пирамида получится, если взять за основаніе четырехугольникъ и на немъ возвести сооруженіе, которое постепенно суживалось бы вверху, сходясь къ одной точкѣ.

тяжелымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ трудомъ; впрочемъ, служба фараону могла возвысить даже простаго чело-вѣка до высшихъ степеней. Требовались многочисленные управляющіе, надзиратели работъ, сборщики податей, счетчики, письмоводители. Для всѣхъ этихъ занятій нужна была грамотность и *служба грамотнаго чело-вѣка*, „писаря“, считалась въ Египтѣ самою выгодною и почетною изъ всѣхъ.

Письмо.
За 3000 до Р. X.

Живое общеніе между людьми привело и къ другимъ успѣхамъ. Письмо было придумано египтянами самостоятельно и чрезвычайно рано, болѣе чѣмъ за 3000 лѣтъ до Р. X. Ихъ древнѣйшіе письменные знаки называются іероглифами. Первоначально это были просто *изображенія предметовъ*, о которыхъ шла рѣчь. Напр., чтобы написать слово „rot“ (чело-вѣкъ) рисовали фигуру сидящаго чело-вѣка. Затѣмъ стали употреблять ту же фигуру для обозначенія слова „rot“, въ какихъ бы словахъ онъ ни встрѣчался. Кромѣ того, условились обо-значать опредѣленными знаками мысли и понятія, которыхъ нельзя видѣть, а потому нельзя и нарисовать. Нога въ западнѣ, напр., означала *обманъ*.

Религія.

Большое значеніе въ жизни народа имѣла религія. Внача-лѣ она представляла *грубое мисобожіе, поклоненіе силамъ и явленіямъ природы*, съ могуществомъ которыхъ приходится считаться чело-вѣку. Даже на нѣкоторыхъ животныхъ рас-пространялся суевѣрный страхъ и богопочитаніе: во мно-гихъ мѣстностяхъ поклонялись крокодилу; въ Мемфисѣ дер-жали священнаго быка (Аписъ), въ которомъ видѣли вопло-щеніе одного изъ боговъ. Египтяне вообще нерѣдко пред-ставляли себѣ боговъ въ видѣ животныхъ или съ тѣ-ломъ, частью чело-вѣческимъ, частью звѣринымъ. Пастырь душъ умершихъ, Анубисъ, напримѣръ, изображался съ го-ловою шакала. На Гизехскомъ полѣ, близъ пирамидъ, до сихъ поръ можно видѣть *сфинкса*, статую чудовища съ чело-вѣческой головою и львинымъ тѣломъ—это изображение бога солнца. Среди многочисленныхъ культовъ¹⁾ *мало-по-малу выдѣ-лился главный — почитаніе солнца*. Египтяне признавали нѣ-сколькихъ боговъ солнца. Ра или Амонъ — это высшее бо-жество, солнце, какъ источникъ свѣта, тепла и жизни во

¹⁾ Культъ—почитаніе божества и поклоненіе ему.

всей природѣ. Осирисъ, сынъ Ра, — солнце, какъ дневное свѣтило, которое каждый день восходитъ, совершаетъ путь по небу, заходитъ на западѣ и скрывается на ночь: Египтяне думали, что его побѣждаетъ злой Сеть, богъ ночной тьмы. Побѣжденный Осирисъ сходитъ въ преисподнюю, въ царство смерти, затѣмъ возрождается и, въ свою очередь, побѣждаетъ своего врага. Осирисъ не только богъ дневного солнца, но также и Нила, а Сеть властвуетъ не только надъ ночью, а также и надъ пустыней, съ которой борется Нилъ.

Очень замѣчательны были воззрѣнія египтянъ на загробную жизнь: они полагали, что *судьба души послѣ смерти находится въ тѣсной зависимости отъ судьбы тѣла*. Чтобы душа не погибла, необходимо было сохранить тѣло отъ разложенія—отсюда обычай приготовленія мумій: изъ тѣла умершаго вынимали внутренности, обертывали его въ ткани, пропитанныя благовонными веществами, укладывали въ деревянный футляръ: тѣло высыхало, становилось „муміей“, которая не подвергалась тлѣнію. Затѣмъ надо было позаботиться о приличномъ обиталищѣ для покойника, о снабженіи его пищей, утварью, прислугой. И вотъ ему строили обширную усыпальницу, изображали на ея стѣнахъ всѣ нужные предметы или, по крайней мѣрѣ, называли ихъ въ молитвенной надписи, которую должны были повторять посѣщавшіе могилу: это считалось достаточнымъ, чтобы обезпечить мертвому пользованіе всѣми названными вещами. При такомъ взглядѣ богатые сохраняли свои преимущества надъ бѣдными даже послѣ смерти, потому что тѣла ихъ лучше бальзамировали и могилы можно было лучше обставить. Но египтяне не остановились на этомъ грубомъ, матеріальномъ пониманіи загробной жизни. Въ противоположность ему *является ученіе о судѣ Осириса въ преисподней, на которомъ каждый подвергается испытанію по своимъ грѣхамъ и заслугамъ*; будущность души зависитъ уже не отъ богатства и не отъ попеченія родственниковъ, а отъ безпристрастнаго и всевѣдущаго судьи.

По характеру египтяне были народомъ серьезнымъ и сосредоточеннымъ: этому содѣйствовали однообразіе и величіе окружающей ихъ природы, строгій порядокъ въ обществѣ, великое трудолюбіе и религіозность. Характеръ ихъ сказывается и въ памятникахъ искусства, которые до сихъ поръ свидѣтель-

Искусство.

ствують о значеніи этой древней культуры. Въ архитектурѣ, ваяніи и живописи египтяне достигли высокой степени совершенства, но больше всего они сдѣлали для украшенія мегилъ. Около каждаго изъ ихъ большихъ городовъ находился „городъ мертвыхъ“. Изъ великолѣпныхъ храмовъ боговъ можно назвать храмъ Амона въ Фивахъ, гдѣ теперь находится деревня Карнакъ. Изъ дворцовъ особенное удивленіе древнихъ возбуждалъ Лабиринтъ, на берегу Файумскаго озера, со своими 3000 комнатъ, расположенныхъ на половину подъ землею. Главнымъ украшеніемъ всѣхъ этихъ построекъ служили высѣченные на стѣнахъ рельефы ¹⁾ и картины. Они изображали какъ подвиги боговъ и царей, такъ и сцены изъ обыденной жизни. *Насъ поражаетъ точность и наблюдательность художниковъ, въ соединеніи съ странною неловкостью: фигуры всѣ поставлены въ профиль (боккомъ), а предметы, помѣщенные, въ дѣйствительности, одинъ позади другого, изображаются другъ надъ другомъ. Уже за 3000 лѣтъ до Р. Х. египтяне далеко двинулись въ искусствѣ, но затѣмъ они останавливаются на одномъ уровнѣ и начинаютъ работать по образцамъ, избѣгая уклоненій и новизны. То же самое замѣчается повсюду въ жизни египтянъ: подчиненіе ея строимъ и отредѣленнымъ правиламъ сначала имѣло благопріятныя послѣдствія, но затѣмъ стало задерживать предприимчивость и развитіе.* Этого не могло бы случиться, еслибы египтяне находились въ постоянномъ обмѣнѣ мыслей и пріобрѣтеній съ иностранцами, но культура ихъ сложилась, когда сосѣди ихъ находились въ дикомъ состояніи, и потому они рано научились презирать и отвергать все чужеземное.

За 3000 до Р. X

Главныя со-
бытія.
До 3000.

Уже задолго до 3000 года царямъ города Мемфиса удалось соединить всю страну отъ моря до пороговъ въ одно государство. Памятниками могущественной 4 династіи ²⁾ были три пирамиды и сфинксъ на Гизехскомъ полѣ. Затѣмъ *владенство въ странѣ перешло къ юроду Фивамъ, лежащему выше по рѣкѣ.* Въ это время особенно много было сдѣлано для орошенія и благосостоянія страны. При 12-ой династіи, напр., устроено озеро Мѣрисъ. Сильный ударъ процвѣтанію народа былъ нанесенъ вторженіемъ изъ Азіи кочевниковъ семитскаго

¹⁾ Рельефъ—выпуклое изображеніе.

²⁾ Династія—рядъ государей, происходящихъ изъ одной семьи.

племени, Гиксовъ (около 2000 года). Они господствовали нѣ- 2000 до Р. X.
сколько сотъ лѣтъ, но, наконецъ, были изгнаны египтянами.
Значеніе Египта опять было восстановлено, а фараоны, ободренные успѣхомъ въ борьбѣ съ Гиксами, перешли въ наступленіе: цари 18-ой и 19-ой династій совершили рядъ побѣдоносныхъ походовъ противъ жителей Передней Азии. Въ особенности старались они овладѣть Сирийскимъ побережьемъ. Сначала они легко одерживали побѣды надъ разрозненными азіатскими народами; причемъ особенно прославились фараоны Тутмесь III и Рамсесь II (1300 г.), но всѣ эти успѣхи приводили не къ прочнымъ завоеваніямъ, а только къ опустошенію непріятельскихъ мѣстностей и наложенію дани. Когда въ Азии возникло могущественное ассирійское царство, дѣло измѣнилось: войска египтянъ терпятъ пораженіе, и ассирияне даже завоевываютъ Египетъ. Чтобы вновь приобрести и удерживать свободу, фараоны послѣднихъ династій вступаютъ въ тѣсныя сношенія съ греками, среди которыхъ набираютъ наемниковъ. Благодаря этому, фараонамъ Псамметиху и Нехо удается на время восстановить могущество своей державы. Царствованіе послѣдняго замѣчательно, между прочимъ, тѣмъ, что посланный имъ изъ Краснаго моря флотъ объѣхалъ всю Африку кругомъ и вернулся по простествію трехъ лѣтъ черезъ устья Нила. Но это возрожденіе Египта было кратковременно: большинство туземцевъ враждебно смотрѣло на греческихъ пришельцевъ и греческіе порядки при дворѣ. Внутренніе раздоры содѣйствовали непріятелямъ, и уже самъ Нехо былъ разбитъ Вавилонянами. А въ 525 году фараонъ Псамметихъ потерпѣлъ окончательное пораженіе отъ персовъ, которые присоединили Египетъ къ своему царству. 1300. 525.

Глава III.

ВАВИЛОНІЯ И АССИРІЯ.

Въ Передней Азии культура образовалась ранѣе всего въ такъ называемой Месопотаміи. Географическія условія во многомъ сходны съ тѣми, которыя мы наблюдали въ Египтѣ, но во многомъ и различны. Подобно Нилу, Тигръ и Евфратъ оплодотворяютъ мѣстность своими разливами не иначе, какъ при энергическихъ заботахъ населенія о правильномъ орошеніи. Тѣ Страна.

же поля, которыя въ древности были житницами Азіи, въ настоящее время, при бездѣятельномъ господствѣ турокъ, обратились въ пустыню. Месопотамія распадается на двѣ половины—вдоль средняго теченія рѣкъ лежитъ мѣстность, въ которой падаетъ довольно много дождя; нижнее теченіе проходитъ черезъ совершенно плоскую низменность, въ которой орошеніе всецѣло зависитъ отъ рѣчной воды. Сѣверная половина, съ главнымъ городомъ Ниневіей, составила Ассирійское царство, южная, съ Вавилономъ,—Халдею. Главное отличіе отъ Египта состоитъ въ томъ, что *страна не обособлена самой природой подобно долинѣ Нила, а, напротивъ, находится въ необходимой связи съ цѣлымъ рядомъ разнородныхъ мѣстностей.* Истоки Тигра и Евфрата ставятъ страну въ общеніе съ Арменіей. Въ горныхъ цѣпяхъ и плоскогорьяхъ, подступающихъ съ востока къ Тигру, сидѣли воинственные народы, постоянно угрожавшіе безопасности населенія—персы, мидяне, близъ моря—эламиты. На западъ отъ Евфрата открывается трудно проходимая пустыня, въ которой кочевали разбойничьи племена арабовъ, а на сѣверѣ онъ близко подходитъ къ долинѣ сирійскаго Оронта, и здѣсь завязываются сношенія съ побережьемъ Средиземнаго моря и Египтомъ. Такимъ образомъ, по самымъ условіямъ своего положенія, населеніе Месопотаміи было вовлечено въ очень сложныя и часто враждебныя отношенія къ окрестнымъ племенамъ.

Населеніе и религія.

Зарождается культура Месопотаміи на югѣ, въ области наводненій, у племенъ, которыя называли себя *аккадійцами* и принадлежали къ Туранской вѣтви желтой расы. Въ такія же незапамятныя времена, какъ и въ Египтѣ, появилась здѣсь письменность, въ основѣ которой лежали также іероглифическія изображенія предметовъ, но въ Халдеѣ они скоро потеряли всякое сходство съ образцами и перешли въ форму чертъ, или клиньевъ, соединенныхъ подъ различными углами. Оттого письма эти получили названіе *клинообразныхъ*.

Въ религіи древнѣйшаго населенія Халдеи замѣчательна вѣра въ демоновъ, или духовъ всякаго рода, которыми наполнена вселенная. Во главѣ ихъ стоятъ три божественныя существа, изъ которыхъ одно управляетъ небомъ, другое землю, третье преисподней. Халдеи вѣрили, что *въ жизни*

людей все зависит отъ призванія помощи духовъ и отклоненія ихъ дурныхъ вліяній; болѣзнь и несчастіе можно предотвратить заклинаніями, или талисманами, т. е. волшебными предметами, которые люди надѣваютъ на себя.

Приобрѣтенія аккадійской культуры и связанныя съ нею вѣрованія не были уничтожены, когда страну заняли (еще до 3000 года) завоевателями семитическаго племени. Они усвоили все то, что было сдѣлано ихъ предшественниками, и постепенно смѣшались съ ними. Многие они и прибавили. Особенно замѣчательно превращеніе, совершившееся въ религіи. Пришельцы принесли вѣрованія, отчасти похожія на ученіе Библии: у нихъ, напр., сохранилось преданіе о потопѣ, до мелочей напоминающее библейскій разсказъ. Но, вмѣсто того, чтобы подобно евреямъ утвердиться въ единобожіи, эти семиты восприняли суевѣрія аккадійцевъ и дополнили ихъ поклоненіемъ небеснымъ свѣтиламъ. Они знали пять планетъ и воздавали имъ богопочитаніе. Выше всѣхъ, конечно, стоялъ богъ солнца—Бель. Бель являлся и правителемъ вселенной, дарующимъ благоденствіе людямъ, и смертоноснымъ разрушителемъ, котораго умилостивить можно только кровавыми жертвами. Иштаръ—была богиней земного плодородія, любви и войны. Вѣрующіе не думали постоянно о загробной жизни, какъ въ Египтѣ, а просили прежде всего объ успѣхахъ въ земной борьбѣ. Религія соответствовала характеру народа—энергическому и склонному къ насилию и жестокости.

Особенно рѣзко замѣтны эти черты въ Ассиріи, т. е. въ области по среднему теченію Евфрата и Тигра. Между тѣмъ какъ въ Вавилоніи образуется культура и мирный порядокъ жизни, въ Ассиріи населеніе заимствовало образованность съ юга, но оказалось болѣе воинственнымъ. Поэтому въ древнѣйшую эпоху, когда преобладаніе принадлежало Вавилоніи, страна много терпѣла отъ набѣговъ восточныхъ сосѣдей и временами даже попадала отъ нихъ въ зависимость.

Около 1250 года стала выдвигаться Ассирія, и дѣло измѣнилось. Ассиріане такъ увлекались славою и величіемъ своего народа, что приписывали распространеніе своего могущества богинѣ Иштаръ. Она, будто бы, на время приняла образъ царицы Семирамиды и совершила рядъ подвиговъ и походовъ, которые довели ее до Индіи и Скиѳіи, а подъ конецъ обрѣлась въ голубя и покинула землю. Въ дѣйствительно-

За 3000.

Ассирійское царство.

1250.

Конецъ VIII в.

сти, ассириянамъ пришлось выдержать упорную и продолжительную борьбу со всѣми окрестными племенами. *Шесть вѣковъ продолжались кровопролитныя войны въ Арменіи и Малой Азіи, Мидіи и Персіи, Вавилоніи и Эламѣ, Сиріи, Финикіи и Палестинѣ.* При этомъ, ассиріяне подвигались какъ бы на встрѣчу египтянамъ, съ востока на западъ. Наименьшее вниманіе они обращали на Индію и Персидскій заливъ, хотя къ нему текутъ Тигръ и Евфратъ. Главная цѣль была выйти къ Средиземному морю черезъ Сирію. Въ концѣ VIII вѣка Саргонъ соединилъ подъ своею властью всю Переднюю Азію отъ Средиземнаго моря до Иранскаго плоскогорья и отъ Каспійскаго моря до Персидскаго залива. Внукъ его, Ассаргадонъ, подчинилъ Египеть. Но зависимость большей части разнородныхъ племенъ этого громаднаго царства была весьма непрочно. Не проходило года, чтобы не было войны или возстанія. Ассиріяне и не помышляли о томъ, чтобы примирить побѣжденныхъ со своею властью. Цари ихъ въ длинныхъ, дошедшихъ до насъ надписяхъ, хвалятся тѣмъ, что избивали враговъ тысячами, наполнили рѣки кровью, усыяли землю трупами, сожгли города, опустошили поля. Побѣжденныхъ часто угоняли массами на чужбину. Такъ поступилъ Саргонъ съ остатками израильтянъ послѣ взятія Самаріи.

Культура.

Понятно, что страна побѣдителей достигла въ это время неслыханнаго богатства и роскоши, о которыхъ свидѣлствуютъ до сихъ поръ остатки зданій, построенныхъ великими царями-завоевателями. Соотвѣтственно общему характеру народа наиболѣе замѣчательны не храмы боговъ и не могильные памятники, а развалины дворцовъ, напр. замокъ Саргона, къ сѣверо-востоку отъ Ниневіи (теперь Хорсабадъ). Постройки вавилонянъ и ассириянъ вообще не могутъ выдержать сравненія съ египетскими, между прочимъ, потому, что ихъ возводили не изъ тесанаго камня, а изъ кирпича. Въ Ассиріи можно было бы достать камень, но ассиріяне такъ привыкли слѣдовать въ своей культурѣ примѣру Вавилонянъ, что продолжали строить изъ менѣ прочнаго матеріала только потому, что имъ пользовались въ халдейской равнинѣ, гдѣ камня не было. *Статуи и рельефы, украшающіе стѣны ихъ построекъ, отличаются большою живостью и непринужденностью, сравнительно съ египетскими, но сделаны грубо.* Главное содержаніе изображеній составляютъ сце-

ны военной жизни, охоты, торжественныя процессіи и приемы царей. Нельзя сказать, однако, чтобы въ то время интересовались исключительно внѣшнимъ могуществомъ и пышностью. *Одинъ изъ послѣднихъ царей, Ассурбанипалъ, собралъ громадную библиотеку* государственныхъ грамотъ, договоровъ, замѣчательныхъ произведеній вавилонской и ассирійской словесности. Она состояла не изъ книгъ, а изъ глиняныхъ табличекъ, на которыхъ были вырѣзаны тексты клинообразнаго письма. При раскопкахъ дворца Ассурбанипала, произведенныхъ англичанами въ половинѣ нашего вѣка, была найдена значительная часть этихъ табличекъ: само собою разумѣется, что онѣ служатъ драгоценнымъ памятникомъ для исторіи этой древней культуры.

Хотя, такимъ образомъ, господство ассиріянь привело къ развитію знаній и искусства, но все-таки оно было основано на безпощадномъ подавленіи и ограбленіи цѣлаго ряда самостоятельныхъ народностей. Ниневійскій царь держалъ въ трепетѣ всю Переднюю Азію, но втайнѣ его вездѣ проклинали и ненавидѣли. Стоило только дрогнуть его военному могуществу, чтобы вокругъ него сразу поднялись поработанные племена. Часъ возмездія насталъ, когда при преемникѣ Ассурбанипала, Саракъ, вспыхнула тяжелая война съ мидянами. Вавилоняне не могли простить ассиріянамъ разрушенія Вавилона сыномъ Саргона, Санхерибомъ, и присоединились къ мидянамъ. Войска союзниковъ взяли Ниневію послѣ отчаянной борьбы. Саракъ не ждалъ и не просилъ пощады, а зажегъ свой дворецъ и погибъ въ пламени вмѣстѣ съ своими приближенными (606). Побѣдители срыли Ниневію до основанія и угнали въ рабство чуть не все населеніе страны. Въ борьбѣ съ ассиріянами союзниковъ соединяла только общая ненависть; тотчасъ послѣ побѣды они поссорились. *Наслѣдниками ассирійскаго могущества сдѣлались на нѣкоторое время вавилоняне.* При ихъ царѣ Навуходоносорѣ Халдея стала такимъ же центромъ Передней Азіи, какимъ прежде была Ассирія. Онъ успѣшно сдерживалъ распространеніе мидянъ. Главныя же его усилія были обращены на западъ. Онъ наказалъ арабовъ за ихъ набѣги, разбилъ фараона Нехо въ Сиріи, два раза бралъ Іерусалимъ и во второй разъ (586) разрушилъ храмъ Соломона; осаждалъ Тиръ и подчинилъ своему вліянію Фи-

Вавилонское царство.

606.

586.

никію; наконецъ, совершилъ побѣдоносный походъ въ Египетъ. Несмотря на эти постоянныя войны, Навуходоносоръ находилъ время и силы, чтобы исполнять великія предпріятія внутри страны. Онъ возстановилъ Вавилонъ въ его прежнемъ блескѣ, обнесъ его стѣною почти въ 60 верстъ длины и построилъ мостъ черезъ Евфратъ. Затѣмъ, онъ привелъ въ порядокъ работы по орошенію, пришедшія въ упадокъ во время ассирійскаго господства, и прорылъ каналъ, по которому къ Вавилону могли подходить большіе корабли съ хлѣбомъ. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи оказала прочное вліяніе, тогда какъ побѣды не утвердили могущества вавилонянъ, которымъ была болѣе свойственна мирная работа, нежели продолженіе воинственной дѣятельности ассиріявъ. Послѣ его смерти возобновилась борьба съ восточными сосѣдями. Теперь выступилъ уже новый народъ, обрѣтшій въ VI вѣкѣ перевѣсъ надъ мидянами—персы. Они безъ особаго труда одолѣли преемника Навуходоносора, Набонеда (Валтасара), и въ 538 году заняли Вавилонъ.

538.

Глава III.

МИДИЯ И ПЕРСИЯ.

Страна. Къ востоку отъ Тигра поднимается обширное Иранское плоскогорье. Страна эта не объединяется и не оживляется большими рѣками, какъ Египетъ или Ассири-Вавилонія. Населеніе поэтому размѣстилось по ней сначала въ разбродъ, больше по краямъ, чѣмъ въ центрѣ; часть сосредоточилась на верховьяхъ Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи и вступила въ постоянную борьбу съ кочевниками сѣверной пустыни; часть передвинулась къ сѣверо-западу, въ Мидію, и къ юго-западу, въ Персію, и завязала сношенія съ Ассиріей и Халдеей. Плодородію земли не способствуютъ наводненія, и *хлѣбопашество зависитъ отъ труда отдѣльныхъ хозяевъ болѣе, чѣмъ отъ искуснаго устройства орошенія*. Сообразно съ этимъ населеніе Ирана не сразу перешло къ земледѣлію.

Населеніе. Осѣдлость мало-по-малу установилась въ связи съ появленіемъ *народовъ арійскаго племени*, которые вступили въ борьбу съ туранцами и частью покорили ихъ, частью отгѣснили къ сѣверу. Это завоеваніе было связано съ раз-

селеніемъ арійцевъ, которые разошлись по всѣмъ направле-
ніямъ изъ своей первоначальной родины въ Средней Азии.
Между тѣмъ какъ мидяне и персы, главнѣйшіе представи-
тели Иранской вѣтви, заняли плоскогорье къ востоку отъ
Тигра, другая часть племени спустилась въ Пенджабъ—отъ
нея пошли арійскіе индусы. Значительныя массы арійцевъ
переместились въ разное время въ Европу: сначала греки и ита-
лики, затѣмъ кельты, германцы, наконецъ литовцы и славяне.
Какъ ни различна была судьба этихъ народовъ, однако близ-
кое родство ихъ съ очевидностью обнаруживается въ сходствѣ
обычаевъ, а въ особенности — языковъ. Древне-арійское нарѣчіе
индусовъ, Санскритъ, древне-арійское же нарѣчіе персовъ,
Зендъ, и всѣ основные европейскіе языки не только имѣютъ
множество одинаковыхъ корней и сходныхъ словъ, но и по
грамматическому строенію представляютъ тѣсно сплочен-
ную семью, отличающуюся существеннымъ образомъ отъ дру-
гихъ группъ.

Обще-арійское происхожденіе сказывается также въ рели-
гіозныхъ вѣрованіяхъ, хотя и менѣе рѣзко, чѣмъ въ языкѣ. Иран-
скіе арійцы, подобно индійскимъ, первоначально *выше встѣхъ*
боговъ чтили властителя небесной тверди, причѣмъ солнце они
называли его глазомъ. Этотъ добрый и могучій богъ, Варуна
индусовъ, Ормуздъ иранцевъ, ведетъ постоянную борьбу со
злыми демонами, поражая ихъ громовымъ ударомъ молніи.
Но между тѣмъ какъ по взгляду индусовъ благой богъ под-
чиняетъ себѣ всю природу и оттѣсняетъ злыхъ духовъ, иран-
цы признали за зломъ громадную силу: противъ Ормузда
возстаетъ Ариманъ, глава темнаго начала. *Рѣзкая двойствен-
ность (дуализмъ) проходитъ черезъ всю природу*. Свѣтъ и тьма,
жизнь и смерть, правда и ложь, добро и зло съ самаго со-
творенія міра спорятъ другъ съ другомъ о преобладаніи.
Праведный человѣкъ въ этой войнѣ является пособникомъ
свѣтлаго бога, и каждый долженъ стремиться къ праведной
жизни на землѣ, потому что отъ этого зависитъ и судьба че-
ловѣка по смерти. Души умершихъ проходятъ черезъ мостъ,
одинъ конецъ котораго ведетъ на небо, въ мѣстопробыва-
ніе Ормузда, а другой спускается въ адъ.

Возрѣнія эти, по преданію Персовъ, были открыты лю-
дямъ пророкомъ Заратустра (Зороастръ). До насъ они до-
шли въ священныя книги, составленныя иранскими жре-

Религія.

цами, въ такъ называемой *Зендъ-Авестъ*. *Жреческое сословіе* было совершенно отдѣлено отъ другихъ и очень могущественно, особенно у мидянъ, гдѣ оно носило названіе *маювъ*. Въ его средѣ религія Ормузда сдѣлалась сложнымъ ученіемъ, изъ котораго вытекало множество строгихъ нравственныхъ предписаній. Простой народъ не могъ услѣдить за всѣми подробностями, но основная мысль о постоянной борьбѣ добраго и злого началъ глубоко проникла въ его духъ. Самый бѣдный крестьянинъ считалъ, что своимъ упорнымъ трудомъ надъ воздѣлываніемъ земли онъ служить Ормузду, тогда какъ беззаконный грабитель, кочевой туркменъ, совершаетъ дѣло Аримана. Среди азиатскихъ народовъ мидяне и персы стали извѣстны не только своею храбростью, но также и правдивостью.

Мидійское царство.

Такимъ образомъ, изъ обще-арійскихъ вѣрованій у иранцевъ развилась религія, которая имѣла великое значеніе въ быту этихъ народовъ. Въ другихъ же отношеніяхъ *они подчинились вліянію высокой ассиро-вавилонской культуры*, съ которой соприкасались на западѣ. Отсюда они заимствовали клинообразное письмо, приемы архитектуры и скульптуры. Въ эпоху распространенія ассирійскаго могущества мидяне и персы попали даже въ политическую зависимость отъ ассирійскихъ царей. *Толчокъ, выведшій ихъ изъ этого второстепеннаго положенія, былъ данъ нашествіемъ скивоовъ въ седьмомъ вѣкѣ до Р. Х.* Занимавшія южную Россію кочевья племена, среди которыхъ смѣшивались народы арійскаго и туранскаго происхожденія, пришли въ седьмомъ вѣкѣ въ сильное волненіе. Часть ихъ обрушилась на Иранъ и Малую Азію. Послѣ долгой и сначала неудачной борьбы мидійскій царь, Кіаксаръ, измѣною захватилъ и перебилъ скиескихъ вождей, а затѣмъ справился и съ остальными. Этотъ отпоръ, данный скивамъ, сразу поднялъ значеніе мидянъ. Они не хотѣли болѣе примириться съ преобладаніемъ Ассиріи, и тотъ же Кіаксаръ въ союзъ съ вавилонянами выступилъ въ походъ противъ Ниневіи, закончившійся разгромомъ ассирійскаго царства. *Лѣтъ шестьдесятъ мидяне сохраняли за собою руководство иранскими народами.* Ихъ столица, Эбатана, обстроилась и изукрасилась за это время по образцу Ниневіи и Вавилона.

VII в.

Около 550 года до Р. Х. перевѣсь въ Иранѣ получили персы. Это произошло вслѣдствіе возстанія персидскаго войска подъ начальствомъ Кира, къ которому затѣмъ примкнула и мидійская армія. Власть, такимъ образомъ, перешла къ персидской династіи Ахеменидовъ, и столица была перенесена въ Сузу, въ Эламѣ. Но оба *главныя иранскія племена, мидяне и персы, продолжали дѣйствовать за одно* и одинаково содѣйствовали распространенію и укрѣпленію новаго царства. Киръ. 550.

Соединивъ эти племена подъ своимъ владычествомъ, Киръ прежде всего обратился противъ *Лидіи*. Цари этой страны успѣли собрать разрозненныя малоазіатскія народности. Они подчинили даже греческія колоніи, устроившіяся по берегу Эгейскаго моря. Дворъ лидійскаго царя Креза, въ Сардахъ, сдѣлался центромъ богатства и роскоши: при немъ завязались оживленныя сношенія не только съ народами Сиріи, Передней Азіи и Египта, но также и съ европейскими греками. Но быстрое возвышеніе неблагопріятно подѣйствовало на лидійцевъ; они впали въ изнѣженность и не могли выдержать столкновенія съ болѣе закаленными персами. Киръ не побоялся совершить противъ нихъ походъ въ зимнее время и скоро взялъ Сарды. Его полководцы продолжали его дѣло и покорили всю Малую Азію до самаго моря. Кромѣ того, была покорена Халдея и Сирія.

Передъ смертью Кира (ок. 529 г.) Вавилонское царство принадлежало ему, да, кромѣ того, еще Малая Азія и Иранъ, а сынъ его, Камбизъ, покорилъ Египетъ. 529.
Дарій Гистаспъ. Послѣ смерти Камбиза, не оставившаго наслѣдниковъ, начались усобицы, но одинъ изъ Ахеменидовъ, Дарій Гистаспъ подавилъ ихъ и докончилъ образованіе громаднаго Персидскаго царства, которое при немъ на востокъ охватило Туркестанъ и сѣверо-западную Индію, а на западѣ распространилось на Фракію. Большая часть царствованія Дарія прошла въ походахъ для усмиренія возстаній то въ одной, то въ другой части его обширныхъ владѣній. Однѣхъ побѣдъ было мало для того, чтобы держать въ подчиненіи множество разноплеменныхъ народовъ, раскинувшихся отъ ливійской пустыни до предѣловъ Китая. Дарій не ограничился, подобно ассирійскимъ царямъ поголовными избіеніями и переселе-

ніями побѣжденныхъ; онъ сдѣлалъ попытку организовать ¹⁾ свое царство правильнымъ и, въ то же время, нестѣснительнымъ для подданныхъ образомъ. Для этой цѣли онъ раздѣлилъ ея на двадцать три области. Въ каждой былъ поставленъ губернаторъ — сатрапъ, который долженъ былъ заботиться объ интересахъ персовъ. Подчиненные народы въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ продолжали пользоваться прежними законами и собственнымъ управленіемъ, но сатрапъ взималъ съ нихъ подати, собиралъ ихъ войска въ помощь царю, слѣдилъ за тѣмъ, чтобы не возникало заговоровъ. Сатрапы назначались царемъ по его произволу, изъ какого онъ хотѣлъ сословія и народа, и оставались во власти, пока было угодно царю. Для наблюденія за ними, Дарій посылалъ въ ихъ области довѣренныхъ людей, которыхъ называли „глазами и ушами царя“. Вообще, какъ ни могущественны были сатрапы въ своихъ областяхъ, они зависѣли вполнѣ отъ своего повелителя въ Сузѣ, и достаточно было простого приказанія оттуда, чтобы лишить сатрапа власти, а иногда и жизни. Такимъ образомъ, весь порядокъ персидской державы былъ основанъ на безусловномъ господствѣ „великаго царя“. Никто въ отдѣльности не могъ сопротивляться ему. Но уже при самомъ устройствѣ этого управленія чувствовались его слабыя стороны. Царь принужденъ былъ довольствоваться поверхностнымъ подчиненіемъ разнородныхъ государствъ, вошедшихъ въ составъ его монархіи, и не въ состояніи былъ сдѣлать персами—египтянъ, малоазіатскихъ грековъ или вавилонянъ.

Глава IV.

Ф И Н И К І Я.

Страна.

И ассиріане, и вавилоняне, и мидяне, и персы постоянно стремятся съ востока на западъ. А изъ всѣхъ западныхъ земель больше всего ихъ привлекалъ финикійскій берегъ Средиземнаго моря. Дѣло было не въ плодородіи почвы: финикійскій берегъ былъ узкой полосой песчаной и скалистой земли. Но семи-

¹⁾ Организмъ—живое существо, члены или органы котораго устроены такъ, чтобы содѣйствовать продолженію его жизни. Организовать—устроить по образцу не машины, а живого существа.

тическое население Финикіи сумѣло воспользоваться нѣсколькими благоприятными обстоятельствами: скалы по берегу и близъ него образуютъ хорошую *защиту для судовъ отъ вѣтра и морской волненія*; на нихъ легко было укрѣпиться и противъ нападенія съ суши; передъ глазами открывалось широкое море, по которому можно было проникнуть и въ Европу, и въ Африку; непосредственно позади, въ Сиріи, встрѣчались *пути изъ двухъ великихъ культурныхъ странъ — изъ Египта и Ассири Вавилоніи*. Эти страны обмѣнивались своими произведеніями не прямо, такъ какъ между ними стала Аравія со своими пустынями и разбойничьими племенами. Египетская торговля направлялась къ сѣверу, и ея главные склады были въ сирійскомъ Дамаскѣ и финикійскихъ городахъ. Туда же двигались сначала вверхъ по Евфрату, а затѣмъ внизъ, вдоль Оронта, вавилонскіе и ассирійскіе товары. Положеніе было необыкновенно выгодно для всей Сиріи, но особенно воспользовались ими финикійскіе порты: Сидонъ и Тиръ.

Не ограничиваясь тѣмъ, что было подъ руками, финикійскіе мореплаватели пустились въ Средиземное море и основали свои колоніи (поселенія) по всѣмъ берегамъ. Первымъ ихъ пріобрѣтеніемъ былъ островъ Кипръ: они добывали на немъ мѣдь, и самое имя острова стало нарицательнымъ названіемъ этого металла во многихъ западно-европейскихъ языкахъ (Сургинъ, сургинъ, cuivre, Kupfer). Занятіемъ острова Кипра они пріобрѣли вліяніе на Южную Грецію. Здѣсь они собирали раковины, изъ которыхъ приготовляли пурпуровую краску. На островѣ Фасосѣ, на сѣверѣ Архипелага, они разрабатывали золото. Даже во внутренней Греціи многіе города носятъ слѣды вліянія финикійянъ (Коринѣ, Аргосѣ, Фивы).

Италіи финикійяне почти не коснулись — они захватили своими поселеніями только Сицилію и Сардинію. Зато ихъ колонизація направилась усиленно на Южную Испанію и Сѣверную Африку. Гадиръ (Кадиксъ), близъ Гибралтарскаго пролива, и Картагенъ (новый городъ), въ теперешнемъ Тунисѣ, были ихъ главными опорными пунктами. Въ Испаніи они открыли серебряную руду и столько стали вывозить оттуда серебра, что металлъ этотъ сильно упалъ въ цѣнѣ, тогда какъ прежде онъ былъ дороже золота. Наконецъ, финикійяне не остановились даже передъ Атлантическимъ океаномъ: они основали коло-

Финикійскія
колоніи.

ни на западномъ африканскомъ берегу и завели торговлю съ британскими островами, гдѣ доставали олово. Если прибавить, что въ Финикію стекались продукты азіатской караванной торговли, что тамъ получали благовонныя вещества, пряности и золото изъ Аравіи, драгоценныя камни изъ сѣвернаго Ирана, коней и колесницы изъ Арменіи, хлѣбъ и оливковое масло изъ Сиріи, предметы роскоши изъ Египта и Вавилоніи, наконецъ рабовъ со всѣхъ частей тогдашняго міра, то станетъ понятнымъ, что *маленькая, безплодная Финикія сдѣлалась торговымъ средоточіемъ тогдашняго міра.*

Культура.

Финикіяне занимались не только торговымъ обмѣномъ. Они учились и заимствовали у образованныхъ народовъ, съ которыми встрѣчались, и, въ свою очередь, учили варваровъ. У египтянъ и вавилонянъ они переняли умѣнье дѣлать стекло, готовить и красить ткани, обрабатывать камень и металлы. Всего лучше выразилась ихъ посредническая роль въ томъ, что *они передѣлали египетское письмо*, упростили его и составили азбуку отдѣльныхъ буквъ, отъ этой финикійской азбуки пошла греческая, латинская, всѣ прочія европейскія, а также еврейская, арабская и другія восточныя. Для такой дѣятельности требовалась большая *предпримчивость, смѣлость и изворотливость, умѣнье пользоваться обстоятельствами*: и дѣйствительно, финикіяне вполне сосредоточивались на практической дѣятельности и мало задавались вопросами о загробной жизни, которые такъ интересовали египтянъ; не искали они и военной славы, какъ ассиріяне.

Религія ихъ была во многомъ *сходна съ халдейской*: главными богами были — *Вааль и Астарт*, какъ Белъ и Иштаръ въ Вавилонѣ. Финикійскіе боги имѣли особенно грозный и жестокий характеръ; чтобы умилостивить ихъ, имъ приносили человѣческія жертвы.

Судьба народа отразилась въ сказаніи о томъ, какъ Вааль, въ образѣ героя *Мелькарта*, обошелъ всю землю, совершая повсюду подвиги, достигъ Гибралтарскаго пролива и поставилъ тамъ два столба въ знаменіе того, что на этомъ мѣстѣ оканчивается земля. Греки впоследствии замѣнили Мелькарта Геркулесомъ, и, такимъ образомъ, возникла пословица — дойти до Геркулесовыхъ столбовъ, т. е. до предѣла возможнаго.

Богатство и могущество финикіяне было, однако, не со-

всѣмъ прочно. Ихъ страна состояла изъ ряда юрдовъ, между которыми было мало связи. Въ колоніяхъ финикіяне не старались завоевать и населить области, въ которыхъ появлялись, а устраивали идѣ-нибудь на островахъ или на берегу свои склады и конторы для сношеній съ туземцами. Удивительно, что они болѣе тысячи лѣтъ держали въ своихъ рукахъ міровую торговлю. Сильный ударъ нанесли имъ ассиріяне, которые въ VIII и VII вѣкахъ нѣсколько разъ осаждали Тиръ. Но окончательное паденіе Финикіи было вызвано тѣмъ, что варвары, съ которыми они имѣли дѣло, у нихъ же научились многому и стали вытѣснять пришельцевъ. Когда у грековъ развилась культура и мореплаваніе, они заградили финикіянамъ пути въ Средиземномъ морѣ.

ВТОРОЙ ОТДѢЛЪ—ГРЕЦІЯ.

Глава I.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Страна.

Средиземное море въ сѣверо-восточномъ углу вдается въ материкъ и образуетъ Эгейское и Мраморное моря, которыми оно сообщается съ Чернымъ. Последнее значительно разобщаетъ Азію отъ Европы, но въ Мраморномъ морѣ обѣ части свѣта почти соприкасаются, а въ Эгейскомъ ихъ связываютъ острова Архипелага. *Эти острова, Балканскій полуостровъ къ западу и берегъ Малой Азіи къ востоку, составляютъ въ исторіи одно цѣлое: всѣ эти области заняты были народами греческаго племени и жили въ постоянныхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ.*

Въ Малой Азіи внутренняя страна и берегъ представляютъ рѣзкую противоположность. Внутри поднимается высокое и однообразное плоскогорье, напоминающее Иранъ; къ западу оно понижается и пропускаетъ нѣсколько значительныхъ рѣкъ. *Берега изрѣзаны бухтами и очень удобны для мореплаванія.* Впереди нихъ лежитъ рядъ острововъ, изъ которыхъ важнѣйшіе: Лесбось, Хиось, Самось и Родось. Критъ какъ бы замыкаетъ Эгейское море съ юга, а вдоль европейскаго берега расположены: Клеера, Эвбея, Тасось и др.

Главное значеніе въ исторіи имѣла собственная Греція, или такъ называемая Эллада, южная часть Балканскаго полуострова. Ея граница къ сѣверу—Балканская цѣпь, которая чрезвычайно затрудняетъ сообщеніе съ придунайскими землями. *Греція, такимъ образомъ, какъ бы прижата и обращена къ морю.* Она расчленена многочисленными полуостровами и островами, мысами, бухтами и, чѣмъ дальше къ югу, тѣмъ

береговое развитіе разнообразіе. Немудрено, что жители стали хорошими мореплавателями. Западные берега менѣ удобны вслѣдствіе отмелей и подводныхъ камней, и восточная сторона имѣетъ надъ ними безусловныя преимущества. Здѣсь горы не такъ тѣсно подступаютъ къ берегу, рѣки образуютъ годныя для обработки долины и, главное, берегъ усяянъ хорошими бухтами и обращенъ къ островамъ Эгейскаго моря и противолежащей Малой Азіи. *На восточной половинѣ Греціи лежали все главныя эллинскія государства и на ней происходили главныя событія въ исторіи страны.*

Греція распадается на три части: Сѣверную—отъ Балканъ до Фермопильскаго ущелья, Среднюю—до Коринѣскаго перешейка (Истмъ), и Южную или Пелопоннесъ.

Сѣверная Греція раздѣляется горными хребтами на двѣ части: на верхней половинѣ остаются дикія, населенныя варварами ¹⁾, Иллирія и Македонія, внизу хребетъ Пиндъ и его отроги разгораживаютъ другъ отъ друга Эпиръ и Фессалію. Фессалія Фермопильскимъ проходомъ сообщается съ Средней Греціей.

Средняя Греція расположена около хребта Парнасса. Къ западу лежатъ суровыя и малонаселенныя горныя области (Акарнанія, Этолія, Локрида). На востокъ открываются долины Фокиды, Бѳотіи и Аттики.

Возвышенности *Пелопоннеса* не стоятъ въ связи съ хребтами Средней Греціи. Въ серединѣ его лежитъ горная мѣстность Аркадія, около которой располагаются остальные области: Элида къ сѣверо-западу, Ахея къ сѣверу, Арголида и Истмъ къ сѣверо-востоку, Лаконія и Мессенія къ югу.

Итакъ, Греція была разбита трудно проходимыми горными цепями и изрѣзана берега на множество самостоятельныхъ областей. Каждая изъ нихъ устроилась по своему и составила отдѣльное государство.

Климатъ Эллады очень разнообразенъ и вообще умѣреннѣе, чѣмъ климатъ Аппенинскаго полуострова. Почва довольно скудная и чувствуется недостатокъ въ орошеніи, такъ какъ нѣтъ мѣста для большихъ рѣкъ. *При возрастаніи населенія приходилось, какъ и въ Финикіи, обращаться къ торговлѣ и искать новыя мѣста для житья.*

¹⁾ Необразованные народы.

Древний Д

Племена.

1100.

Первые насельники Греціи и Малоазіатскаго берега получили названіе *пеласговъ*. Мало-по-малу балканскіе греки обособились подъ названіемъ *ахейцевъ* и вступили въ борьбу съ своими азіатскими родственниками. Около 1100 года произошло перемѣщеніе народовъ вслѣдствіе толчка, даннаго сѣверными племенами. Иллирійцы потѣснили граничившихъ съ ними на сѣверо-западѣ грековъ. Тѣ поднялись, заняли Фессалию, и сбили съ мѣста племя *дорянъ*, сидѣвшее около Олимпа. Доряне сначала заняли небольшую горную мѣстность, названную, по ихъ имени, Доридой, а затѣмъ двинулись вмѣстѣ съ примкнувшими къ нимъ этолянами въ Пелопоннесъ. Во главѣ ихъ, по преданію, стояли три Гераклида, потомки героя Геракла. Послѣ долговременной борьбы они завоевали почти всѣ ахейскія государства Пелопоннеса. Элида досталась этолянамъ, а доряне приобрѣли Аргolidу, Мессенію, Лаконію и перешеекъ. Тѣ ахейцы, которые не захотѣли подчиниться, перешли на сѣверо-западный берегъ Пелопоннеса, который сталъ называться Ахеей. Занимавшіе эту мѣстность *іоняне* передвинулись въ Аттику и на Эвбею, а оттуда на другія острова и въ Малую Азію.

Колоніи.

Такимъ образомъ, движеніе не ограничилось Балканскимъ полуостровомъ, а перешло за море: съ XI до VI вѣка греческія области постоянно высылаютъ массы населенія искать счастья въ чужихъ краяхъ, и такимъ образомъ, по всѣмъ берегамъ Средиземнаго моря создается цѣлый міръ колоній, который по своимъ торговымъ успѣхамъ и вліянію на культуру окрестныхъ странъ можетъ поспорить съ финикійскимъ. *Сначала движеніе идетъ на востокъ—на острова Архипелага и Малую Азію; затѣмъ оно направляется, главнымъ образомъ, на северъ, къ берегамъ Чернаго моря и Геллеспонта, наконецъ, переселенцы пускаются на западъ—въ Италию и Сицилію. Дорійскія поселенія устроились на южныхъ островахъ Архипелага (Критъ, Родосъ) и даже въ Сѣверной Африкѣ (Кирена). На малоазіатскомъ берегу важнѣйшей станціей дорянъ былъ Галикарнассъ. Фракія также привлекала ихъ: Коринѣосъ основалъ здѣсь Потидею, а маленькой Мегарѣ принадлежитъ честь основанія у Босфора Византіи, которой суждено было сдѣлаться впоследствии одной изъ столицъ міра. Еще значительнѣе была дорійская колонизація на западѣ. Коринѣосъ выслалъ колонистовъ на островъ Керкиру. Въ 723 году Коринѣосъ же*

723.

основали Сиракузы въ Сициліи. Въ Италіи лаконскіе выходцы основали Тарентъ.

Митилена
300000
Ахейцамъ ¹⁾ принадлежитъ островъ Лесбосъ и сѣверные города по малоазіатскому берегу (главные—Кумы и Смирна). Ахейскіе переселенцы направляются также въ большомъ числѣ на западъ (Кумы, Сибарисъ, Кротонъ въ Италіи).

Всего предприимчивѣе и успѣшнѣе дѣйствовали іоняне. Они заняли важнѣйшіе острова Архипелага (Самось, Хіосъ, Делось) и среднюю часть малоазіатскаго берега (Милеть, Эвесь, Фокея). Отсюда пошла колонизація на сѣверъ. Милеть приобрѣлъ господство въ Черномъ морѣ (Ольвія у устья Буга, Пантикапей, нынѣшняя Керчь, Синопъ, на южномъ берегу). Во Фракіи большое значеніе имѣла колонизація изъ города Халкиды на Эвбеѣ. Оттуда были основаны 32 города на Халкидійскомъ полуостровѣ. На западъ также пошли, главнымъ образомъ, халкидяне: ихъ колоніи—Наксосъ въ Сициліи, Регіонъ въ Италіи и др. Фокейцамъ же удалось основать Массилію въ Южной Галліи (нынѣшнюю Марсель). Колоніальные города рѣдко находились долго подъ властью метрополій ²⁾. Обыкновенно, они приобрѣтали самостоятельность и поддерживали съ выславшими ихъ мѣстностями только богослужебную связь, напр., отправляли депутаціи на ихъ празднества. Но всетаки, устройство колоній имѣло громадное значеніе для метрополій, потому что оно давало возможность устроиться недовольнымъ и безпкойнымъ частямъ населенія и создавало рядъ опорныхъ пунктовъ для торговыхъ сношеній въ дальнихъ краяхъ.

Глава II.

ДРЕВНѢЙШАЯ КУЛЬТУРА ГРЕКОВЪ.

Вѣрованія грековъ развились изъ той же обще-арійской основы, изъ которой вышли религіи Индіи и Ирана. Но между тѣмъ какъ въ Индіи могучая природа тропиковъ пода- Религія.

¹⁾ Послѣ дорійскаго переселенія ихъ стали часто называть *эолянами*, т. е. вестриями, такъ какъ эта группа обнимала большое число мало похожихъ другъ на друга народовъ.

²⁾ Метрополіей называется городъ, выславшій колонію.

вляла человекъ и онъ съ трудомъ находилъ въ своемъ воображеніи чудесные и чудовищные образы, чтобы выразить ея господство, въ Греціи люди какъ-бы сроднились съ доступными для нихъ явленіями природы и *придали самимъ богамъ совершенно человѣческой видъ*¹⁾. Съ другой стороны, если въ Иранѣ религія приняла характеръ нравственнаго ученія о борьбѣ между добромъ и зломъ, то греки сначала мало заботились о сомаціи между религіей и нравственностью. Они считали боговъ хранителями правды и справедливости, но въ то же время приписывали имъ всѣ человѣческія свойства и слабости: отъ людей боги отличаются только тѣмъ, что не знаютъ болѣзней, дряхлости и смерти и обладаютъ сверхъестественными силами. Вслѣдствіе такой человѣкообразности божествъ народныя преданія (миѳы) объ ихъ дѣятельности дали богатый матеріалъ для художественнаго творчества. Ими воспользовались какъ поэты, такъ и скульпторы.

Греки вѣровали, что на самой высокой горѣ Греціи, Олимпѣ, собираются небесные боги; во главѣ ихъ стоитъ царь вселенной, отецъ боговъ и людей, громовержець Зевсъ. Когда онъ нахмуритъ брови, скопляются грозныя тучи; рука его вооружена молніей. *Однако онъ не всемогущъ*. Не онъ создалъ міръ и человекъ. Сотвореніе міра всегда оставалось неяснымъ для грековъ. Люди, по ихъ миѳу, сначала были просто животными. Имъ вдохнулъ искру божественнаго огня, душу, богъ Прометей, котораго Зевсъ въ наказаніе за такой самовольный поступокъ пригвоздилъ къ одной изъ вершинъ Кавказа. Зевсъ не первый и правитъ міромъ: до него господствовали его дѣдъ, Ураносъ (небо), иотець, Кроносъ (время), которые оба побѣждены и оттѣснены новыми богами. Наконецъ, даже послѣ своего воцаренія Зевсъ не сдѣлался полновластнымъ: участь людей и даже боговъ, въ концѣ концовъ, зависитъ отъ безличной и неумолимой судьбы (*моіра*). Зевса окружаютъ различные боги, *представители силъ природы и свойствъ человекъ*: супруга его, Гера, — покровительница семейной жизни, братъ Посейдонъ, — властитель морей, Аресъ — богъ войны, Афродита — богиня красоты и любви.

Посланникомъ Зевса, исполнителемъ его приказаній,

¹⁾ Такое возрѣніе носятъ названіе *антропоморфизма*, — отъ греческихъ словъ *άνθρωπος* (человѣкъ) и *μορφή* (образъ).

является Гермесъ, быстрый, ловкій, изворотливый, покровитель торговли. Любимыя дѣти Зевса—Аѳина и Аполлонъ. Первая олицетворяетъ мудрость, какъ ее понимали греки. Она не только даетъ знаніе, но научаетъ имъ пользоваться въ жизни, предостерегаетъ отъ слѣпого увлеченія, сообщаетъ человеку ясность взгляда, самообладаніе, бодрость духа, рѣшительность. Аполлонъ (Геліосъ, Фебъ—блестящій)—богъ солнца, совершающій на колесницѣ свой путь по небу. Его лучи—смертоносныя стрѣлы, которыми онъ поражаетъ враждебныхъ богамъ и людямъ чудовищъ, а также и неугодныхъ ему людей. Онъ посылаетъ болѣзани и смерть и въ то же время обладаетъ даромъ исцѣлять. И не только въ тѣлесныхъ болѣзняхъ прибѣгаютъ къ нему: у него же просить очищенія тотъ, кто осквернилъ себя преступленіемъ. Наконецъ, *Аполлонъ посылаетъ людямъ вдохновеніе*, которое открываетъ сокровенныя истины и даетъ силу творить прекрасное: отъ Аполлона исходятъ прорицанія, и онъ является предводителемъ музъ, которымъ посвящены искусства. Съ совершенно инымъ характеромъ является богъ вина—Діонисъ (Вакхъ). Его празднества, совершавшіяся осенью, послѣ сбора винограда, были особенно любимы простымъ народомъ. На нихъ царствовало разнузданное веселье; вино заставляло забыть горести и заботы ежедневной жизни. Но иногда дѣло доходило до бѣшеннаго изступленія. По преданію, опьянѣвшія послѣдовательницы Діониса (Мѣнады) разорвали на части самого бога, а Зевсъ собралъ и воскресилъ его тѣло. Богъ скромнымъ и достойнымъ образомъ чествовалась послѣ жатвы хлѣба Деметра (Γῆ μήτηρ, мать—земля), богиня земного плодородія. Въ Аттікѣ съ ея праздникомъ были соединены таинственные очистительные обряды и процессіи Элевсинскихъ мистерій. Чтобы дать объясненіе тому обстоятельству, что жизнь земли совершается, какъ на ея поверхности, такъ и въ глубинѣ, откуда все живое получаетъ питаніе, и куда возвращается мертвое. Греки говорили, что дочь Деметры, Персефона, похищена была царемъ подземнаго міра, Гадесомъ, и возвращается оттуда каждое лѣто на свиданіе съ матерью

Въ этомъ подземномъ мірѣ, по ихъ мнѣнію, пребываютъ и души умершихъ. Но представленія грековъ о послѣднихъ были долгое время очень неясны и противорѣчивы: съ одной

Згробная
жизнь.

стороны, они оплакивали всѣхъ умершихъ, какъ ушедшихъ въ *темное царство, идъ никому нѣтъ радости*; съ другой, они дѣлали *попытки поставить различіе между праведными*, которые послѣ нелицепріятнаго суда будутъ награждены блаженствомъ на Елисейскихъ поляхъ, и *злѣдьями*, которые будутъ низвержены въ Тартаръ и подвергнуты разнымъ мученіямъ. А рядомъ съ этимъ, каждое семейство и каждый родъ представлялъ себѣ своихъ *отшедшихъ предковъ, какъ остающихся въ общеніи съ живыми*. Послѣдніе обязаны были поминать покойниковъ, приносить имъ возліанія и жертвы, и за то рассчитывали на благословеніе и покровительство умершихъ. Это почитаніе предковъ тѣсно соединилось съ *почитаніемъ домашнего очага*, въ которомъ выражалось единство и тѣсная связь семьи въ теченіе переходящихъ поколѣній. Люди рождаются и умираютъ, а семья продолжаетъ жить, подобно тому какъ огонь постоянно горитъ на ея очагѣ, хотя топливо мѣняется. И если кто уходилъ изъ дому на новое мѣсто, онъ долженъ былъ унести съ собою горячій уголь съ родного очага, чтобы зажечь у себя огонь отъ прежняго источника.

Общія культы.

Надо прибавить, что религіозныя воззрѣнія грековъ сильно мѣнялись по мѣстностямъ: каждый городъ имѣлъ любимыхъ боговъ, которыхъ считалъ своими особыми покровителями. Мифы о Зевсѣ, объ Аполлонѣ и другихъ богахъ рассказывались поѣтому весьма различно и только мало-по-малу установились нѣкоторыя общія всѣмъ грекамъ воззрѣнія. Такому объединенію много способствовало то обстоятельство, что *нѣкоторые мѣстные культы получили извѣстность у сосѣдей*. Такъ, въ далекомъ, полудикомъ Эпирѣ находилось знаменитое святилище Зевса: въ Додонѣ почитали этого бога подъ именемъ Пеласгическаго; у него не было изображенія, а голосъ его думали слышать въ шелестѣ листьевъ громаднаго дуба. Въ Средней Греціи возвысилось *святилище Аполлона въ Дельфахъ* (въ Фокидѣ). Главною притягательною силою его были пророчества жрицы, такъ называемой Пивіи. Она сидѣла на треножникѣ близъ распелины въ скалѣ, изъ которой поднимались одуряющія испаренія; съ ней скоро дѣлался припадокъ, и ея безсвязныя слова излагали и толковали присутствовавшіе при этомъ жрецы. Такъ какъ въ святилище постоянно обращались за совѣтами изъ всѣхъ частей Греціи, то *жрецы имѣли возможность превосходно знать всѣ*

условія греческой жизни, и указанія ихъ отличались обыкновенно замѣчательною мудростію. При храмѣ, кромѣ того, устроился союзъ окрестныхъ государствъ, какъ для охраны святилища, такъ и для рѣшенія спорныхъ вопросовъ между членами союза. Въ эту „амфиктію“ входили доряне, іоняне, бѣотійцы, эссалійцы и нѣсколько мелкихъ народовъ средней Греціи (всего 12 членовъ).

Было еще одно объединяющее условіе въ жизни грековъ, именно — игры, которыя устраивались на большихъ празднествахъ и привлекали зрителей и участниковъ изъ окрестныхъ областей. Общенациональное значеніе получили состязанія въ Олимпіи, въ Дельфахъ (Пифійскія), въ Немеѣ (въ Арголидѣ) и на Коринѣскомъ перешейкѣ (Истмійскія). Наиболѣе знамениты были игры, совершавшіяся разъ въ 4 года при храмѣ Зевса Олимпійскаго, въ Элидѣ. Сюда стекались со всей Греціи состязаться въ атлетическихъ упражненіяхъ — въ бѣгѣ, скачкахъ верхомъ и на колесницѣ, въ борьбѣ, въ кулачномъ бою, въ метаньѣ диска ¹⁾ и копья. *Наградой побѣдителямъ были простыя вѣнки, но получить такой вѣнокъ считалось величайшимъ почетомъ и для принимавшаго участіе въ состязаніи, и для его родного юрода.* Въ 776 году до Р. Х. впервые стали записывать имена побѣдителей въ бѣгѣ, и эти записи сдѣланысь основаніемъ общегреческаго лѣтосчисленія ²⁾. Велико было значеніе этихъ собраній, такъ какъ при государственной разрозненности грековъ они были главнымъ средствомъ для поддержанія между ними національнаго общенія.

Съ религіозными мифами близко соприкасаются преданія о герояхъ дальняго прошлаго, совершившихъ различныя необыкновенныя подвиги при участіи боговъ. Нечего и говорить, что эти преданія нельзя считать точными сообщеніями о дѣйствительно случившемся. Если въ иныхъ и заключается доля исторической правды, то ее чрезвычайно трудно распознать подъ украшеніями народной фантазіи. Самымъ замѣчательнымъ изъ сказочныхъ героевъ былъ *Геракль* (Геркулесъ), полубогъ, сынъ Зевса и смертной женщины: онъ приужденъ служить своему старшему брату и совершаетъ, по

¹⁾ Плоскій металлическій кругъ.

²⁾ 700 годъ до Р. Х., наврядъ, считается первымъ двадцатой Олимпіады (Ол. 20, 1).

его приказанію, рядъ великихъ подвиговъ: убиваетъ громаднаго льва и многоглавую змѣю — гидру, осливаетъ великана Анея, сына земли, достаетъ на краю свѣта золотыя яблоки, наконецъ, отправляется въ адъ и уводитъ оттуда сторожевую собаку, трсхглаваго Цербера. Всѣ эти приключенія онъ совершаетъ при содѣйствіи Зевса и Аѣины, несмотря на постоянныя преслѣдованія Геры. Въ концѣ концовъ Геракулесъ отравляется пропитанной ядомъ одеждой убитаго имъ кентавра (получеловѣкъ-полуконь) и въ отчаяніи самъ готовъ сжечь себя на кострѣ, но Зевсъ беретъ его на небо, и онъ становится бессмертнымъ. Въ Атикѣ сложился мифъ о героѣ Ѳесей, который освободилъ страну отъ ужасной дани, наложенной критскимъ царемъ Миносомъ. Отъ времени до времени на Критъ должны были посылать корабль съ избранными юношами и дѣвушками, которыхъ пожиралъ тамъ чудовищный быкъ, Минотавръ. Ѳесей, отправленный однажды вмѣстѣ съ другими, убиваетъ Минотавра и освобождаетъ свою родину отъ критскаго господства. Ѳессалійское сказаніе о походѣ аргонавтовъ дало случай соединить въ одномъ предпріятіи различныхъ мѣстныхъ героевъ. Язонъ изъ Иолкоса, въ Ѳессаліи, отправляется въ Колхиду (Грузія) достать золотое руно - находящуюся тамъ шкуру золотого барана. Чтобы исполнить свое трудное дѣло, онъ строитъ корабль Арго и набираетъ себѣ 50 подвижниковъ, въ числѣ которыхъ являются и Гераклъ, и Ѳесей, и многіе другіе знаменитые герои. Подорогъ корабль подвергается разнымъ опасностямъ и попадаетъ въ самыя дальнія и диковинныя страны. Въ Колхидѣ Язонъ при помощи дочери тамошняго царя, волшебницы Медеи, достаетъ руно. *И эти, и многія другія волшебныя приключенія составляли предметъ поэтическихъ разсказовъ, которые пѣлись подъ звуки лиры искусными пѣвцами (рапсоды).* Для грековъ не могло быть большаго наслажденія, какъ слушать эти былины по вечерамъ за столомъ какого-нибудь знатнаго или вождя.

Поэмы Гомера.

До насъ дошли два обширныхъ разсказа такого рода, приписываемые слѣпому пѣвцу, Гомеру, — поэмы о гнѣвѣ Ахилла (Иліада) и о возвращеніи Одиссея (Одиссея). И та, и другая, связаны съ историческимъ событіемъ, которое стало легендой, сказаніемъ, — именно, съ походомъ грековъ противъ малоазіатскаго города Трои. По преданію походъ былъ

предпринять соединенными силами ахейцевъ въ отищеніе ва то, что одинъ изъ сыновей троянскаго царя Приама, Парисъ, увезъ у спартанскаго царя Менелая его жену, Елену. Во главѣ грековъ стоялъ аргосскій царь, Агамемнонъ, а въ походѣ приняли участіе храбрѣйшіе греческіе вожди—Диомедъ изъ Арголиды, Одиссей съ острова Иоани, Аяксъ съ о—ва Саламина, старецъ Несторъ изъ Пилоса и пр. Но участь похода зависѣла, главнымъ образомъ, отъ ессалійскаго царя, Ахилла, сына Пеллея и богини Фетиды, такъ какъ онъ одинъ обладалъ достаточною силою, чтобы сразить главнаго защитника троянцевъ, Гектора. *Завязка Иліады, т. е. вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависитъ интересъ разсказа, заключается въ томъ, что Агамемнонъ оскорбилъ Ахилла, отнявъ у него плѣнницу.* Ахиллъ отказывается отъ дальнѣйшаго участія въ борьбѣ и удаляется въ свою палатку; въ послѣдовавшихъ затѣмъ битвахъ, ахейцы, несмотря на рядъ блестящихъ подвиговъ, терпятъ неудачу. Троянцы гонятъ ихъ къ лагерю и едва не сжигаютъ ихъ кораблей. Чтобы остановить бѣдствіе, необходимо вмѣшательство Ахилла, но онъ упорно устранился и только въ самый опасный моментъ посылаетъ вмѣсто себя своего друга, Патрокла. Гекторъ убиваетъ Патрокла, и тогда Ахиллъ чтобы отмстить за товарища забываетъ обиду Агамемнона. Онъ знаетъ, что вслѣдъ за Гекторомъ и ему самому придется умереть, но это его не останавливаетъ: онъ настигаетъ Гектора и убиваетъ. Смертью Гектора и его погребеніемъ заканчивается Иліада. Остальные событія похода—смерть Ахилла отъ стрѣлы Париса, хитрость Одиссея, который устраиваетъ громаднаго деревяннаго коня въ подарокъ троянцамъ и наполняетъ его кузовъ воинами, взятіе и разрушеніе Трои,—все это составляло предметъ былинъ, до насъ не дошедшихъ. Точно также изъ многочисленныхъ разсказовъ о возвращеніи греческихъ героевъ домой сохранилась, благодаря своей литературной красотѣ, только Одиссея. Герой совершаетъ свои чудесныя странствованія подъ покровительствомъ Аѳины. Пребываніе его у волшебницы Цирцеи, обратившей товарищей Одиссея въ свиней, плѣнъ у поѣдающаго людей циклона ¹⁾ Полифема, отъ котораго герой избавляется тѣмъ, что выкалываетъ единственный его глазъ, опасное плаваніе мимо чудовищъ Сциллы и Харибды,

¹ Одноглазый великанъ.

мимо сиренъ, завлекающихъ волшебнымъ пѣніемъ путника, чтобы растерзать его, кораблекрушеніе погубившее и судно и спутниковъ, — все это только задерживаетъ Одиссея. Онъ выходитъ невредимымъ изъ всѣхъ опасностей и, подъ конецъ, возвращается къ женѣ, которая все поджидала его, несмотря на неотступное сватовство знатной молодежи острова Иѳаки. Поэма заканчивается разсказомъ объ избіеніи этихъ дерзкихъ жениховъ.

Произведенія греческаго эпоса, т. е. поэтическаго разсказа, служатъ великимъ памятникомъ свѣтлаго, живого духа грековъ и ихъ необыкновенной даровитости. *Занимательность содержанія, тонкая наблюдательность въ обрисовкѣ характеровъ и душевныхъ движеній, образность въ описаніяхъ ставятъ эти поэмы въ рядъ великихъ произведеній искусства*, которыми наслаждается не одна эпоха и не одинъ народъ, а все человѣчество. Надо прибавить, что эти поэмы имѣютъ, кромѣ того, историческій интересъ, потому что даютъ рядъ картинъ древняго быта грековъ.

Восточное
вліяніе.

Замѣчательно, что въ своей повѣсти народъ постоянно возвращался къ одному главному предмету — къ *борьбѣ съ восточными народами и походамъ грековъ за море*. Дѣйствительно, мы знаемъ, что при своемъ распространеніи на островахъ и въ Малой Азіи, греки повсюду должны были встрѣтиться съ родственными имъ туземцами и съ финикійскими купцами. И тѣ, и другіе были проникнуты восточной — сирийской и халдейской — культурой. Греки сначала учились у нихъ и подчинялись имъ, а затѣмъ сдѣлались самостоятельны. Слѣдовъ восточнаго вліянія на Грецію осталось очень много. Благодаря финикіянамъ, греки установили свой алфавитъ. Съ востока же они получили свои мѣры вѣса и ёмкости и денежный чеканъ; въ основаніе послѣдняго положенъ былъ вавилонскій расчетъ на таланты въ 60 минъ. При раскопкахъ на мѣстѣ древней Трои, Микенъ въ Арголидѣ, Орхомена въ Беотіи найдено множество предметовъ изъ металла и глины, изготовленныхъ по восточнымъ образцамъ, а также нѣкоторыя украшенія египетскаго и вавилонскаго происхожденія, очевидно привезенныя финикійскими купцами. *Заемствованіе замѣтно также и въ религии*. Почитаніе греческой Афродиты на Кипрѣ, Кибера, въ Коринѣ и другихъ мѣстахъ прониклось обрядами, взятыми изъ поклоненія сирийской Астарты. Легенда о

Геркулесъ сложилась подъ вліяніемъ сказанія о Мелькартѣ. Въ исторіи Тесея сказывается уже сопротивление иноземцамъ: герой побѣждаетъ критскаго быка—олицетвореніе Ваала. Въ общемъ греческій народъ удачно справился съ трудной задачей устроить свои отношенія къ высшей иностранной культурѣ. Онъ не отстранился отъ нея, а воспользовался всѣми указаніями, какія она могла дать, и на время даже какъ бы подчинился ей. Но въ концѣ концовъ онъ сумѣлъ обратить ее въ собственное достояніе и сталъ развиваться самостоятельно, вырабатывая культуру еще болѣе значительную.

Въ настоящее время всѣ образованные народы живутъ въ Родовой строй. юсударствахъ. Въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ одному или нѣсколькимъ лицамъ передана власть, которой всѣ остальные должны подчиняться; на случай сопротивленія власть, или правительство, имѣетъ въ своемъ распоряженіи *вооруженную силу*. Дѣлается такъ для того, во-первыхъ, чтобы люди не могли притѣснять другъ друга, а обращались къ государственному суду въ случаѣ споровъ между собою, во-вторыхъ, чтобы всѣ вмѣстѣ могли защищаться отъ нападений со стороны другихъ народовъ. Хотя это устройство просто и мы такъ привыкли къ нему, что намъ трудно представить себѣ какое-либо иное, но, въ дѣйствительности, оно вырабатывалось съ трудомъ и постепенно. Восточныя государства возникли такъ рано, что мы почти ничего не знаемъ объ ихъ образованіи. Зато въ Греціи мы сначала узнаемъ о порядкѣ иного свойства, который называютъ *родовымъ*. Защита отдѣльныхъ людей отъ насилія долго принадлежала не правительству городовъ, на которые распадался народъ греческій, а родственникамъ. *Родственники, близкіе и дальніе, составляли общину, называющуюся родомъ*. Она управлялась старѣйшиной, власть котораго походила на власть отца въ семьѣ. Въ рукахъ старѣйшины былъ судъ по поводу споровъ и обидъ между родичами. Онъ распоряжался вооруженною силою рода, которая составлялась изъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, онъ завѣдывалъ общимъ, неподѣленнымъ имуществомъ рода—землею и стадами; наконецъ, онъ заботился о богослуженіи и жертвахъ богамъ, героямъ и предкамъ, которыхъ чтилъ родъ. Во всѣхъ отношеніяхъ онъ дѣйствовалъ не самовластно, а *по соглашенію съ членами отдѣльныхъ семействъ или даже съ собраніемъ всѣхъ взрослыхъ*

лыхъ мужчинъ рода. Родство считалось только по мужчинамъ. Если кто-либо бралъ жену изъ чужого рода, то она отрекалась отъ общенія со своими прежними родственниками и ихъ богами, принимала религію мужа и подчинялась одной съ нимъ родовой власти. Если происходило столкновение между членомъ рода и постороннимъ, родъ вступался за своего члена, защищалъ его, а въ случаѣ надобности мстилъ за нанесенную ему обиду или смерть, или требовалъ за нихъ соотвѣтственнаго выкупа.

Городская об-
щина.

Если бы каждый родъ былъ въ состояніи жить совершенно отдѣльно и обходиться безъ другихъ, то онъ былъ бы маленькимъ государствомъ. Но жить совершенно отдѣльно роды не могли: они были слишкомъ малы и слабы и подверглись бы неминуемо насилію и порабощенію со стороны иноплеменниковъ. Поэтому, повсюду отдѣльные роды сходятся въ союзы по городамъ, образуютъ городскія общины. Первая задача такого союза — устройство общаго войска. Но понятно, что разъ союзъ составился, то онъ не могъ уже равнодушно допускать распри и усобицы между вошедшими въ него родами. Въ дополненіе къ родовымъ судамъ являются поэтому городскіе, которые стараются улаживать споры между членами различныхъ родовъ одного и того же города. Такимъ образомъ, надъ родовыми властями устраивается какъ бы второй этажъ — союзное городское правительство. Какъ ни много было самостоятельныхъ городовъ въ Греціи, однако это правительство устроилось сначала повсюду одинаково. Старшины нѣсколькихъ родовъ (геронты) составляли советъ, который обсуждалъ и рѣшалъ всѣ общія дѣла и производилъ судъ въ случаѣ споровъ, возникавшихъ между членами разныхъ родовъ. Для предводительства на войнѣ выдвигался главный старѣйшина, царь (*βασιλεύς*). Онъ считался какъ бы отцомъ всего города и поэтому приносилъ жертвы и совершалъ богослуженіе богамъ городской общины. Въ важнѣйшихъ случаяхъ созывали собраніе изъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе (эклесія). Ему сообщали принятыя рѣшенія и иногда принимали во вниманіе его настроеніе, но никакого правильнаго обсуждения на этомъ собраніи не было. Рано появились неравенства между членами этихъ обществъ. Взятые на войнѣ плѣнники становились рабами, вещью или орудіемъ въ рукахъ господъ. Но и свободные были не всѣ въ одина-

ковомъ положеніи. Семьи, присоединившіяся къ уже составившемуся союзу родовъ, попадали въ невыгодное положеніе: ихъ члены не получали участія въ городскомъ правительствѣ. Даже въ главныхъ родахъ выдвигались семьи, которыя преимущественно завѣдывали богослуженіемъ и правительственною властью. Потомство младшихъ братьевъ все болѣе и болѣе отставало отъ потомства старшихъ. Такимъ образомъ, уже въ древнюю эпоху *греческіе народы раздѣляются на аристократію (знатныхъ, или лучшихъ) и на демосъ (народъ), который имѣлъ мало значенія въ государствѣ.*

Глава III.

С П А Р Т А.

Изъ государствъ, основанныхъ дорьями, наиболѣе силь- Военное устрой-
нымъ и знаменитымъ была Спарта или Лакедемонъ. Такъ ство дорянь.
какъ дорьянамъ пришлось насильно пробиваться среди усѣвшихъ уже по мѣстамъ народовъ, то они вообще усвоили себѣ привычки и порядки военные. *Даже въ мирное время нѣкоторые изъ ихъ городовъ оставались лагерями.* Мужское населеніе раздѣлялось на группы по палаткамъ, члены которыхъ обѣдали вмѣстѣ (сисситіи), составляли присяжное товарищество (эномотию) и стояли отдѣльнымъ взводомъ въ строю. Въ Спартѣ военное положеніе примѣнялось особенно строго, потому что послѣ завоеванія Лаконіи спартанскіе доряне не смѣшались съ побѣжденнымъ ахейскимъ населеніемъ, а держали его силою въ полномъ подчиненіи. Часть его была обращена въ рабство, но отдана во владѣніе не отдѣльнымъ спартиатамъ, а государству. Эти „гелоты“ обрабатывали землю и платили оброки хлѣбомъ, на которые содержались спартанскія семьи. Если спартанское правительство опасалось недовольства или заговоровъ среди гелотовъ, оно безпощадно уничтожало ихъ. Каждый годъ высылались отряды спартанской молодежи (криптии), которые должны были слѣдить за настроеніемъ гелотовъ и убивать подозрительныхъ. Остальная часть покоренныхъ ахейцевъ составила классъ *періэковъ*. Они жили въ городскихъ общинахъ съ нѣкоторымъ самоуправленіемъ, но по всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ зави-

сѣли отъ Спарты, ставили въ ея походахъ вспомогательныя войска и платили дань.

Спартанское
правительство.

Понятно, что періэки, а особенно гелоты, не любили своихъ порабитителей и готовы были бы страхнуть иго, если бы ихъ не останавливалъ страхъ передъ воинственностью и крѣпкой организаціей спартиатовъ. Всѣ старанія послѣднихъ направились къ тому, чтобы развить эти свойства: *имъ они пожертвовали всѣмъ остальнымъ—богатствомъ страны, успѣхомъ въ знаніи и искусствахъ, свободой отдѣльныхъ личностей жить, какъ каждый хочетъ и можетъ.* По преданію, нѣкто Лигургъ, опекунъ одного изъ царей, при содѣйствіи дельфійскаго оракула, установилъ въ Спартѣ строгіе законы, которые безъ измѣненія существовали около семи вѣковъ, до покоренія страны римлянами. Во главѣ города стояли *два царя*. Двойственность царской власти произошла вслѣдствіе того, что двѣ первоначально раздѣльныя общины соединились въ одну, причеиъ сохранились оба царскіе рода. Цари по старинѣ были представителями города передъ богами и предводителями на войнѣ; въ остальныхъ отношеніяхъ они были только двумя старшими членами *герусіи, совѣта тридцати старѣйшинъ*. Совѣтъ этотъ былъ сначала важнѣйшимъ правительственнымъ учрежденіемъ Спарты. *Народное собраніе*, хотя и созывалось, но не имѣло большого значенія, какъ это было во всѣхъ греческихъ государствахъ въ древнѣйшую эпоху. Съ теченіемъ времени, однако, произошла весьма существенная перемѣна. Около половины

Половина VIII в. VIII вѣка появилась *выборная должность эфоровъ*. Ихъ было пятеро, и собраніе ихъ избирало на одинъ годъ. Такимъ образомъ, они являлись выборными представителями гражданской общины въ противоположность царямъ и старѣйшинамъ (послѣдніе также избирались, но на всю жизнь). Такое замѣщеніе эфората давало ему большое вліяніе, и эфоры мало-по-малу забрали въ руки всѣ главныя права въ государствѣ. Они производили слѣдствіе по дѣламъ о преступленіяхъ, рѣшали споры между гражданами, наблюдали за всѣми должностными лицами и за нравственностью частныхъ людей, имѣли даже право пріостанавливать власть царей и подвергать ихъ суду. Такимъ образомъ, хотя Спарта и не свергла царской власти, но, въ дѣйствительности, она обратилась въ республику. *Это была республика олигархическая, т. е. господство немногихъ*, потому что народное собраніе не имѣло са-

мостоятельнаго значенія, и власть всегда оставалась въ рукахъ небольшого круга лицъ. Но въ самой гражданской общинѣ *все спартиаты были равны* (ὅμοιοι), не было никакого раздѣленія на сословія.

Если въ устройствѣ своего правительства Спарта сохранила въ значительной степени общегреческіе порядки древнѣйшей эпохи, то въ образѣ жизни населенія она сильно разошлась съ другими государствами. Никто въ Спартѣ самъ себя не принадлежалъ, все принадлежало государству, которое всѣми руководило къ одной цѣли— *военной вытравкѣ*. Едва родился человекъ, его несли показать старѣйшинамъ и только здороваго ребенка оставляли жить; слабыхъ безъ милосердія забрасывали. Съ семи лѣтъ мальчика брали изъ семьи и до восемнадцати воспитывали вмѣстѣ со сверстниками въ государственныхъ гимназіяхъ. Обучались молодые спартиаты гимнастикѣ, военному строю и боевымъ упражненіямъ, игрѣ на флейтѣ и пѣнію. На остальное мало обращали вниманія. Особенно старались спартиаты выработать характеръ и выносливость. Мальчики ходили во всякую погоду въ легкомъ плащѣ, босые и съ непокрытой головой; кормили ихъ въ проголодь. Считалось величайшимъ позоромъ кричать или плакать отъ боли, и молодые спартиаты безъ стона выносили удары и увѣчья во время своихъ боевыхъ упражненій и бичеваній, которымъ ихъ подвергали передъ алтаремъ Артемиды. Женщины учились гимнастикѣ подобно мужчинамъ. *Взрослые оставались до гроба подъ строгимъ надзоромъ государства*. Общіе обѣды препятствовали развитію роскоши стола; чтобы устранить изящество въ отдѣлкѣ домовъ, запрещено было употреблять на постройку какія-либо орудія, кромѣ пилы и топора. Улучшеніе утвари и обстановки было задержано тѣмъ, что спартанское правительство сдѣлало невозможной сколько-нибудь значительную торговлю: оно не чеканило денегъ изъ золота и серебра, а удержало неуклюжую древнюю монету изъ желѣза или бронзы. Чужестранцевъ безъ крайней надобности не допускали въ Лаконію, а спартиатовъ не пускали за-границу. Владѣніе землею было также стѣснено: спартанцы упорно держались древняго права, по которому землею владѣлъ не отдѣльный человекъ, а вся семья, причемъ было строго опредѣлено количество земли—надѣлъ, котораго нельзя было раздробить, продать или завѣщать. При

Образъ жизни.

такомъ строе спартіаты сдѣлались, дѣйствительно, очень похожи другъ на друга и во многомъ непохожи на остальныхъ грековъ. *Между ними рѣдки были талантливые люди, за то всѣ отличались здоровымъ смысломъ и желѣзнымъ характеромъ.* По всей Греціи была извѣстна ихъ манера выражаться мѣтко и кратко (лаконизмъ). Нечего и говорить, что они становились образцовыми воинами. Помимо атлетической подготовки, и дисциплины важно было ихъ *тѣсное товарищество*: для членовъ эномотіи, которые всю жизнь проводили вмѣстѣ, немислимо было разбѣжаться на полѣ сраженія.

Завоеванія. Ко-
нецъ VIII и сере-
дина VII в.

Первые военные успѣхи спартанцевъ достались имъ однако нелегко. Два раза начиналась упорная война съ мессенцами—въ концѣ VIII и въ серединѣ VII вѣка. Дѣло шло не о простомъ подчиненіи мессенскаго государства, а объ отнятій у мессенцевъ ихъ земель и приведеніи ихъ въ личную зависимость отъ спартіатовъ. При отсутствіи торговли и мореплаванія послѣдніе почти не выводили колоній ¹⁾. Имъ приходилось искать завоеваній уже потому, что надо было какъ-нибудь устроить избытокъ населенія. Покореніе Мессеніи привело къ бѣгству значительной части ея жителей, остальные стали гелотами. Мало-по-малу къ Спартѣ присоединилась, въ качествѣ союзниковъ, большая часть пелопоннесскихъ государствъ. Условія союза были на первый взглядъ чрезвычайно выгодныя для побѣжденныхъ: общія дѣла рѣшались на совѣтѣ, въ которомъ Спарта имѣла предсѣдательство и одинъ голосъ; ей представлялось также руководство военными предпріятіями. Въ дѣйствительности, влияние Спарты было гораздо значительнѣе: *она поддерживала въ каждомъ союзномъ городѣ извѣстную партію „друзей Спарты“* (обыкновенно знатныхъ, олигарховъ) и съ ея помощью проводила всѣ свои планы. Если „друзья Спарты“ терпѣли поражение въ своемъ городѣ, то ихъ покровительница вмѣшивалась оружіемъ и посылала иногда въ союзную общину „гармоста“, который устраивалъ дѣла по своему усмотрѣнію. Благодаря *пелопоннесскому союзу*, Спарта сдѣлалась въ VI вѣкѣ самымъ могущественнымъ изъ греческихъ государствъ.

¹⁾ Единственная—Тарентъ, высланная въ концѣ VIII в.

Глава IV.

А Э И Н Ы.

Руководящимъ іонійскимъ государствомъ были Аѣины. Жители Аттики гордились тѣмъ, что область ихъ никогда не была завоевана—дорическое переселеніе остановилось у ея границъ. Городъ Аѣины и самое государство образовались вслѣдствіе того, что нѣсколько маленькихъ самостоятельныхъ общинъ устроили одно общее правительство; часть ихъ населенія собралась въ одномъ городѣ—въ Аѣинахъ. Такого рода соединеніе мелкихъ общинъ въ одну крупную встрѣчается не разъ въ греческой исторіи и называется *синойкизмомъ*. Правительство находилось въ рукахъ царя и совѣта, *ареопата*, составленнаго изъ старѣйшинъ главныхъ родовъ. Какъ въ Спартѣ цари сдѣлались старшими членами герусіи, такъ и въ Аѣинахъ царская власть была не уничтожена, а постепенно подчинена ареопагу.

Господство
эвпатридовъ.

Сначала въ помощь царю на войнѣ стали избирать полководца, *полемарха*; затѣмъ отдали часть судебныхъ дѣлъ поставленному ареопагомъ *архонту*; затѣмъ присоединили, также для суда, еще шесть *весмоветовъ*. Кончилось тѣмъ, что за царемъ осталось только богослужбное представительство общины и разборъ дѣлъ объ убійствѣ; онъ превратился изъ наслѣдственнаго вождя въ выборное должностное лицо.

Оказалось девять членовъ правительства вмѣсто одного царя: всѣ девять стали называться архонтами. Первый (эпонимъ), именемъ котораго обозначали аттической годъ, былъ главнымъ судьей, завѣдывалъ родовыми дѣленіями общины и, между прочимъ, рѣшалъ дѣла о наслѣдствахъ. Архонты избирались на одинъ годъ, но зато отбывшимъ свою должность архонтамъ было предоставлено вступать въ ареопагъ. Аттика сдѣлалась незамѣтно изъ монархіи республикой, но отъ этого измѣненія не стало лучше большей части народа—*демосу*. *Власть оказалась всецѣло въ рукахъ знатныхъ и богатыхъ семействъ, такъ называвшихъ эвпатридовъ, которыхъ заштыцами своими членами ареопата и архонтата.* Въ довершеніе всего, *мелкій людъ попалъ въ доли къ эвпатридамъ, которые присвоили себѣ лучшія земли и обладали извѣстными денежными запасами, или капиталами.* Въ случаѣ неурожая, падежа, раззо-

рительной войны бѣднякамъ приходилось брать у нихъ займы за громадные проценты; долги выплачивались съ трудомъ, и большая часть мелкихъ землевладѣльцевъ принуждена была обрабатывать свои участки въ пользу заимодавцевъ, съ удержаніемъ только шестой части жатвы на прокормленіе собственного семейства. Должниковъ, не имѣвшихъ земли, брали въ кабалу ¹⁾ и даже продавали въ рабство.

621. Невыносимое положеніе афинскаго демоса вызывало постоянное волненіе въ государствѣ. Демось старался добиться участія въ правительствѣ и облегченія отъ долговъ. Въ 621 году эвпатриды рѣшили сдѣлать нѣкоторую уступку; они поручили еесмовету Дракону составить *писанные законы вмѣсто тѣхъ неопредѣленныхъ обычаевъ, которыми до тѣхъ поръ руководствовались эвпатридскіе архонты*. Часть записей Дракона сохранила свое значеніе и впослѣдствіи, напр., его законы объ убійствѣ. Но Драконъ не измѣнилъ по существу суроваго долгового права. Поэтому народъ остался недоволенъ его дѣятельностью, и раздраженіе его достигло такихъ размѣровъ, что пришлось, въ концѣ концовъ, измѣнить старый порядокъ.

594.

Реформа Солона.

Необходимая реформа была произведена въ 594 году Солономъ. Мелкіе люди такъ запутались въ долгахъ, что Солонъ долженъ былъ прибѣгнуть къ крайнему средству: *онъ уничтожилъ существующія домовыя обязательства (сисахтія) и воспретилъ впредь личную кабалу должниковъ*. Онъ совершенно измѣнилъ также и правительственное устройство. Рядомъ съ ареопагомъ онъ поставилъ *советъ изъ 400 человекъ (βουλή)*, которыхъ избирали всѣ граждане. Обязанность этого совѣта была слѣдить за дѣйствіями должностныхъ лицъ и помогать имъ своими указаціями. Избраніе кандидатовъ на должность архонтовъ было также предоставлено всему народу. Должностныя лица, отбывшія срокъ службы, представляли свой отчетъ *народному собранію*; оно же обсуждало и принимало важнѣйшія рѣшенія и постановляло законы. Общее наблюденіе за государствомъ и за частной жизнью отдѣльныхъ гражданъ осталось за *ареопагомъ*, который по своему усмотрѣнію, могъ наказывать всякаго, за дурное поведеніе и имѣлъ право отмѣнять даже рѣшенія народнаго собранія, если они казались ему противорѣчащими основнымъ законамъ государства.

¹⁾ Кабала—невольная служба частному человѣку за долгъ или обиду.

Но Солонъ не отдалъ народу права замѣщать всѣ должности, которое отнялъ у эвпатридовъ. Онъ устроилъ такъ называемую *тимократію*: каждому предоставлены были права въ государствѣ соответственно его обязанностямъ: кто больше служилъ, тотъ получаетъ и больше вліянія. Для распредѣленія правъ и обязанностей, всѣ граждане были раздѣлены на четыре класса ¹⁾. Въ *четвертый*, низшій классъ (*веты*) зачислялись граждане, получавшіе со своихъ земель 200 медимновъ ²⁾ ячменя въ годъ и менѣе. Они служили въ войскѣхъ легковооруженными, т. е. выходили въ походъ со щитомъ, лукомъ и стрѣлами, или шли въ гребцы на корабли. Ихъ участіе въ правительствѣ ограничивалось тѣмъ, что они допускались въ народное собраніе. Люди *третьяго* класса (*земиты*) имѣли отъ 200 до 300 медимновъ дохода, служили въ тяжелооруженной пѣхотѣ *оплитами* и потому выходили на войну въ шлемѣ, панцырѣ и наножникахъ, со щитомъ и копьемъ. Они могли быть избираемы въ совѣтъ 400. *Второй* классъ (*всадники*) получалъ отъ 300 до 500 медимновъ дохода и служилъ въ конницѣ. Имъ было предоставлено право избранія на должности. Люди *перваго* класса (*пентакосіомедимны*) имѣли 500 медимновъ дохода и болѣе. Кромѣ военной службы, они дѣлали разныя затраты на общественныя нужды, снаряжали, напримѣръ, корабли, участвовали въ устройствѣ праздниковъ и т. п. Они пользовались особеннымъ уваженіемъ въ государствѣ и занимали, большею частью, главныя должности.

Реформа Солона подорвала значеніе эвпатридовъ, но не удовлетворила народа, потому что главное вліяніе было все-таки предоставлено людямъ состоятельнымъ. А затѣмъ, хотя законы о долгахъ были смягчены, и долговыя обязательства единовременно уничтожены, но *остались въ полной силѣ причины, которыя приводили къ задолжанію* — *неравномерное распредѣленіе имущества и отсутствіе дешеваго кредита*, т. е. невозможность въ трудное время получить ссуду за умеренныя проценты. Поэтому броженіе, вызвавшее реформу Соло-

Писистратъ.

¹⁾ Классы, или сословія существовали и до этого времени, но Солонъ положилъ въ основаніе дѣленію точную расцѣнку имущества и, сообразно съ ней, распредѣлилъ права гражданъ.

²⁾ Медимнъ немного менѣе получетверика.

на, не прекратилось и послѣ нея. Раадорами городскихъ партій воспользовался одинъ изъ самыхъ знатныхъ аѳинянъ,— Писистратъ. Это былъ способный и честолюбивый человѣкъ, которому мало было значенія, принадлежавшаго ему наравнѣ со многими другими гражданами. Онъ стремился властвовать одинъ и понялъ, что можетъ достигнуть власти, если сумѣетъ привлечь на свою сторону низшіе классы и вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія. Поэтому онъ отдѣлился отъ своихъ знатныхъ товарищей и присталъ къ демосу. Онъ скоро приобрѣлъ любовь народа и, улучивъ удобную минуту, захватилъ Акрополь. Два раза изгоняли его изъ Аѳинъ, и два раза онъ возвращался. Во второй разъ ему удалось прочно утвердить за собою господство—*тираннію* въ Аѳинахъ (540 г.).

Писистратъ совсѣмъ не былъ тиранномъ въ нашемъ смыслѣ слова, т. е. жестокимъ притѣснителемъ. Правда, многие изъ его враговъ бѣжали изъ города, и у оставшихся представителей знати онъ отобралъ дѣтей въ качествѣ заложниковъ; но, обезпечивъ, такимъ образомъ, свою безопасность, онъ не прибѣгалъ къ казнямъ и жестокостямъ и оставилъ даже въ силѣ постановленія Солона; такъ какъ главныя должности замѣщались его родственниками и приверженцами, а соперники его были изгнаны или обезсилены, то въ дѣйствительности правилъ одинъ Писистратъ. Онъ окружилъ себя стражей изъ еракійскихъ наемниковъ, но *значеніе ея отиралось все-таки прежде всего на сочувствіе народа, который отказался отъ участія въ управленіи, чтобы улучшить свое матеріальное положеніе.* Первой заботой Писистрата было достигнуть прочнаго улучшенія въ бытѣ народа: для этого онъ открылъ нуждающимся землевладѣльцамъ кредитъ изъ средствъ государства и цѣлымъ рядомъ построекъ въ Аѳинахъ далъ заработки тысячамъ бѣдняковъ. При немъ впервые Аѳины выступили въ качествѣ значительной морской державы: онъ завязалъ сношенія съ островами Эгейскаго моря и старался утвердиться въ Троадѣ. Наконецъ, Писистратъ не забывалъ и духовныхъ интересовъ: онъ привлекъ въ Аѳины нѣсколькихъ знаменитыхъ поэтовъ своего времени и заботился о томъ, чтобы были собраны и точно записаны гомеровскія поэмы. Однимъ словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ онъ показалъ себя крупнымъ государственнымъ человѣкомъ, многосторон-

нимъ и настойчивымъ. Со времени его господства начинается процвѣтаніе Аѣинъ.

Но *послѣ его смерти* (527) *аѣиняне познакомились и съ об-* Сыновья Пи-
ратной стороны тиранніи. Старшій сынъ Писистрата, Гип- систрата.
пій, былъ также правитель дѣльный и энергическій, но его 527.
господство по многимъ причинамъ сдѣлалось тягостнымъ для
аѣинянъ: во-первыхъ, имъ надоѣло платить налогъ, кото-
рымъ обложилъ ихъ еще Писистратъ для покрытія издержекъ
своего дорогого стойваго управленія; затѣмъ, подроставшія
молодые поколѣнія гражданъ уже не помнили безпокойной
борьбы партій и притѣсненій богатыхъ и съ неудовольствіемъ
смотрѣли на Писистратидовъ, которые изъ простыхъ гра-
жданъ стали господами города и устраняли всѣхъ другихъ отъ
участія въ политическихъ дѣлахъ. Сами Писистратиды стали
забывать шаткость своего положенія и, вмѣсто осторожности
отца, обнаруживали высокомеріе, позволяли себѣ насилія надъ
отдѣльными гражданами. Оскорбленіе, нанесенное братомъ
Гиппія, Гиппархомъ, сестрѣ одного знатнаго аѣинянина
вызвало заговоръ: Гиппарха убили, но Гиппій справился съ
заговорщиками и жестоко отомстилъ имъ. Начались пытки и
казни. Мѣсто прежней приверженности къ тиранну заступили
въ народѣ страхъ и ненависть. Этимъ настроеніемъ воспользо-
вались аѣинскіе изгнанники, которые собрались на границѣ
Аттики и только ждали удобнаго случая, чтобы вернуться на
родину и свергнуть тиранновъ. Особенно дѣятельно возбу-
ждалъ аѣинянъ противъ Писистратидовъ знатный родъ Алкмео-
нидовъ. Имъ удалось привлечь на свою сторону дельфійскій
оракулъ, а съ его помощью и спартанцевъ. Тѣмъ не менѣ,
Гиппій долго держался противъ враговъ и нѣсколько разъ раз-
бивалъ изгнанниковъ и ихъ союзниковъ. Задѣтые въ своемъ
самолюбіи спартанцы отправили, наконецъ, противъ него ца-
ря Клеомена, которому удалось захватить въ плѣнъ дѣтей
тиранна и этимъ вынудить его на сдачу Аѣинъ.

Гиппій бѣжалъ къ персидскому царю, и его врагамъ пред- Реформы Клис-
ставлялась возможность переустроить Аѣины по своему усмо- сена.
трѣнію. Сначала, подъ вліяніемъ спартанскаго отряда, верхъ
взяли знатные олигархи; *они думали просто вернуться къ по-*
ложенію дѣлъ, какъ оно было не только до Писистрата, но даже
до Солона. Народъ аѣинскій, конечно, не могъ примириться
съ такими нелѣпыми притязаніями: произошло возстаніе подъ

508. руководствомъ Алкмеонида Клисѣена: олигарховъ и спартанцевъ прогнали, и Клисѣенъ провелъ (506) свою реформу, которая сдѣлалась основаніемъ дальнѣйшей государственной жизни въ Аѣнахъ.

Законы Дракона и Солона касались только городской общины, т. е. какъ бы второго, верхняго этажа, аѣинскаго общества. Въ нижнемъ этажѣ, въ родахъ, изъ которыхъ составлялся городъ, продолжали править эвпатриды. *Чтобы окончательно сломить вліяніе знати, Клисѣенъ устроилъ народъ по новымъ дѣленіямъ и отнялъ въ нихъ власть у эвпатридовъ.*

Прежде граждане дѣлились на четыре *филы*, каждая фила на три *фратріи*, а каждая фратрія на извѣстное число родовъ. Всѣ второстепенныя дѣла, не доходившія до городскихъ властей, рѣшались эвпатридами, управлявшими въ родахъ, фратріяхъ и *филахъ*. Клисѣенъ не уничтожилъ этихъ дѣленій вполне, но оставилъ за ними только богослужебное значеніе и кое-какія дѣла семейнаго характера, напр., принятіе новорожденныхъ въ списки семействъ. Въ политическомъ отношеніи, т. е. для суда, военнаго устройства, выбора должностныхъ лицъ и т. п., онъ раздѣлилъ народъ на десять новыхъ филъ и каждую филу составилъ изъ *демовъ*, т. е. изъ мѣстныхъ округовъ. Въ демахъ родовая знатность не имѣла никакого значенія—собирались не родственники, близкіе и дальніе, а случайные сосѣди, принадлежавшіе къ разнымъ родамъ. Второй мѣрой Клисѣена было зачисленіе въ граждане значительнаго числа такъ называемыхъ *метэковъ*, т. е. людей, жившихъ въ Аѣнахъ на положеніи иностранцевъ. Они не принадлежали къ гражданской общинѣ, лишены были всякаго участія въ ея дѣлахъ и подвергались разнымъ стѣсненіямъ относительно суда и податей. Расширеніе числа гражданъ прінятіемъ метэковъ усилило демократическую, или народную, партію, такъ какъ вновь принятые граждане не имѣли никакого отношенія къ аттическому родовому порядку и не могли подчиняться вліянію знатныхъ семействъ.

Всѣ государственныя учрежденія были измѣнены въ согласіи съ устройствомъ десяти новыхъ филъ. вмѣсто совѣта 400 явился совѣтъ 500, по 50 отъ каждой филы. Его обязанностью было попрежнему помогать должностнымъ лицамъ вести управленіе, а также готовить рѣшенія народнаго собранія составленіемъ проектовъ постановленій (*пробулема*). Цѣлый рядъ должностей былъ если не созданъ Клисѣеномъ, то введенъ въ составъ десяти членовъ, соотвѣтственно десяти филамъ. Важнѣйшей была должность полководца (*стратегъ*). Каждый изъ нихъ командовалъ ополченіемъ одной филы.

Избирали стратеговъ голосованіемъ (поднятіемъ руки) на одинъ годъ.

Наконецъ, Клисеевъ учредилъ *остракизмъ*. Онъ предоставилъ народному собранію изгонять изъ государства лицъ, которые казались подозрительными, тайнымъ голосованіемъ, безъ всякаго правильнаго обвиненія или суда. *Мысль эта была придумана для того, чтобы устранять зачинщиковъ политическихъ волнений*: по горькому опыту, въ Атикѣ боялись происковъ партій, особенно попытокъ тиранновъ вернуться къ власти. *Въ общемъ, реформа Клисеева сдѣлала Аѳины государствомъ демократическимъ, т. е. передала власть народу*. Она нѣсколько расширила права народнаго собранія, а главное — окончательно сломила значеніе эвпатридовъ.

Новый порядокъ скоро пришлось отстаивать оружіемъ: спартацы, оскорбленные изгнаніемъ своего отряда, двинули на Аѳины значительное войско, къ которому примкнули бѳотійцы и эвбейскіе города. Казалось, не было возможности сопротивляться. Но въ арміи союзниковъ не было главнаго условія успѣха — согласія. Спартанскіе цари были въ ссорѣ другъ съ другомъ; пелопоннесскіе союзники неохотно поддерживали Спарту противъ Аѳинъ, и коринтяне ушли домой, не дождавшись сраженія; за ними потянулись другіе, и, наконецъ, отступили и сами спартацы. Аѳиняне бросились тогда на бѳотійцевъ и эвбейцевъ и разбили ихъ на голову. Война была въ томъ отношеніи очень выгодна для Аѳинъ, что онѣ, благодаря ей, получили возможность отправить бѣднѣйшую часть своего населенія колонистами (*клерухи*) на Эвбею, а это во многомъ облегчило ихъ внутреннее положеніе.

Раздоръ партій, продолжавшійся, по крайней мѣрѣ, полтора года, былъ, наконецъ, поконченъ. Аѳиняне гордились своимъ новымъ устройствомъ и сознавали въ себѣ силу, необходимую для того, чтобы пользоваться свободой и защищать ее.

Глава V.

ПЕРСИДСКІЯ ВОЙНЫ.

Къ концу VI вѣка окончательно опредѣлились отношенія Второстепеннаго государства. въ двухъ главныхъ городахъ Греціи — въ Спартѣ и въ Аѳинахъ. *Другіе города все проходили подобную же исторію*: вездѣ царская власть была не столько отиѣнена, сколько подчинена знатными родами; вездѣ началась борьба между этими

родами и демосомъ. Въ большинствѣ случаевъ поражение знатныхъ было достигнуто не прямо захватомъ власти со стороны народа, а учрежденіемъ тиранніи, т. е. передачей управления одному гражданину, который заботился о матеріальномъ улучшеніи въ жизни народа. Но тираннія была рѣдко долговѣчна: гражданамъ было трудно привыкнуть къ произвольному возвышенію одного изъ ихъ же среды; тираннамъ приходилось искать опоры въ насилиі; изгнанники и сосѣдніе города разжигали неудовольствіе народа и помогали свергнуть иго. При восстановленіи народнаго правленія замѣчалась значительная разница: одни склонялись болѣе къ олигархическому порядку, по образцу Спарты, другіе — къ демократіи, по образцу Аѳинъ.

Въ то же самое время, когда, такимъ образомъ, сложился государственный порядокъ въ греческихъ городахъ, наступилъ кризисъ ¹⁾ на востокѣ, — въ политикѣ персидскаго царства. Дарій предпринялъ походъ за Черное море въ Скиѳію чтобы отучить кочевниковъ отъ нападений на его владѣнія. Войско его двинулось черезъ Фракію и Дунай, но не достигло прочныхъ успѣховъ въ равнинахъ южной Россіи. Враги оказались неуловимы. Они тревожили персовъ, избивали отставшихъ, затрудняли подвозъ припасовъ, но не вступали въ большія сраженія, а уходили въ степь. Пришлось вернуться ни съ чѣмъ. Эта неудача была поводомъ, который ускорилъ давно подготовлявшіяся событія. Азіатскіе греки не могли хладнокровно нести иго персовъ. Они тяготились наложенной на нихъ податью, участіемъ въ далекихъ походахъ, злоупотребленіями сатраповъ, господствомъ по городамъ тиранновъ, навязанныхъ персами. Уже во время отступленія Дарія къ Дунаю раздавались среди нихъ голоса, что надо разрушить дунайскій мостъ и тѣмъ погубить персидскую армію въ голодныхъ сѣверныхъ пустыняхъ. По окончаніи похода во главѣ движенія сталъ Аристагоръ Милетскій. Ему удалось поднять возстаніе; попытка добиться помощи отъ балканскихъ грековъ привела только къ тому, что Аѳины и Эретрія на Эвбеѣ прислали по нѣскольку кораблей. Сначала дѣла возставшихъ шли хорошо. Они двинулись внутрь Малой Азіи, заняли Сар-

¹⁾ Переломъ, переворотъ.

ды и сожгли городъ. Последнее было громадной ошибкой. Лидійцы, которые не любили персовъ и могли бы пристать къ грекамъ, сдѣлались врагами послѣ разгрома своей столицы. Когда персидскія войска собрались противъ грековъ, послѣдніе принуждены были отступить къ берегу. И здѣсь *только изъ окончательнаго побѣдо въслѣдствіе того, что города не умѣли дѣйствовать за одно.* Каждый хотѣлъ защищать только себя. Въ рѣшительной битвѣ (496) самосцы первые бросили товарищей; ихъ примѣру послѣдовали и другіе. Персы одержали полную побѣду и взяли одну за другой всѣ возставшія колоніи. 496.

Но Дарій не ограничился покореніемъ бунтовщиковъ. Онъ рѣшилъ отомстить аеинянамъ за поддержку, оказанную возстанію, и въ то же время расширить предѣлы своего царства, подчинивъ ему Балканскій полуостровъ. Персы совершили уже столько завоеваній, что это послѣднее предпріятіе не могло утратить ихъ. Слабая сторона греческаго быта, раздробленность, вполне сказалась во время малоазіатскаго возстанія, и Дарій не ожидалъ особенно значительнаго сопротивленія. Походы Дарія.

Первыя дѣйствія грековъ могли только укрѣпить его надежды. Когда царь послалъ герольдовъ въ Грецію требовать „земли и воды“, т. е. подчиненія страны, только спартанцы и аеиняне показали полную готовность сопротивляться -- въ обоихъ городахъ персидскіе посланцы были убиты. Остальные греки частью держались нерѣшительно, частью прямо изъявили покорность. Первоначально Дарій думалъ двинуться на Грецію съ сѣвера, изъ Фракіи. Планъ этотъ пришлось оставить, потому что персидскій флотъ потерпѣлъ крушеніе, а безъ флота нельзя было идти дальше, такъ какъ на немъ везли припасы. Тогда былъ снаряженъ второй флотъ и на него посажено войско подъ начальствомъ Датиса и Артаферна (490). Экспедиція, къ которой присоединился бывший тиранъ аеинскій, Гиппій, пошла прямо черезъ Эгейское море, благополучно заняла Эвбею, сожгла Эретрию и двинулась черезъ проливъ къ Атикѣ. На Мараѳонской равнинѣ высадилась большая часть стотысячной арміи персовъ. Греки опять-таки оказались разрозненными. Аеиняне очутились одни лицомъ къ лицу съ персами. Спартанцы мѣшались, несмотря на усиленные просьбы о помощи. Къ десяти тыся-

чамъ аѳинскихъ гоплитовъ примкнула только одна тысяча платейцевъ. Начальство, по общему согласію командировъ, было передано стратегу одной изъ филъ, Мильтіаду, который былъ одно время тиранномъ во Фракійскомъ Херсонесѣ, подъ властью персовъ, и хорошо зналъ ихъ особенности. Въ сраженіи сказались не только храбрость и патріотизмъ аѳинянъ, но и великое преимущество греческаго военнаго строя. Персы шли безпорядочными толпами; ихъ пѣхота была вооружена луками и плохо снабжена оборонительными доспѣхами. Напротивъ, греки выступили тѣсной, сомкнутой фалангой копейщиковъ, которые привыкли дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ. *Побѣда аѳинянъ была въ то же время побѣдой тѣсно сплоченной городской общины надъ случайнымъ сбродомъ азіатскихъ племенъ.*

Приготовленія
грековъ къ но-
вой войнѣ.

Неожиданное избавленіе отъ опасности не обманывало грековъ относительно будущаго. Всѣ понимали что придется считаться съ новымъ и болѣе страшнымъ нападеніемъ персовъ. Болѣе всего готовились къ войнѣ въ Аѳинахъ, гдѣ душой вооруженій былъ Θемистоклъ. Онъ сталъ знаменитъ своими хитростями и умѣньемъ пользоваться слабой стороной противниковъ, но не менѣе замѣчательна и оригинальность его замысловъ: надъ нимъ не имѣли власти усвоенныя привычки, которыя мѣшаютъ другимъ людямъ находить новое; онъ отгадывалъ истинный путь, когда никто еще не могъ распознать его. Такъ, во время приготовленій къ новой войнѣ онъ выступилъ противъ мнѣнія большинства, гордившагося мараѳонской побѣдой и возлагавшаго всѣ надежды на гоплитовъ. Θемистоклъ понималъ, что *на сушѣ аѳинянамъ придется избѣгать открытаго сраженія, чтобы не быть раздавленными численностью. На морѣ можно было лучше сопротивляться въ проливахъ.* И онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы заставить аѳинянъ построить большой флотъ.

Ему удалось это сдѣлать, благодаря поддержкѣ ареопага, который въ это трудное время выдвинулся среди прочихъ городскихъ учреждений: ареопагъ состоялъ изъ бывшихъ архонтовъ и потому могъ судить о возникавшихъ вопросахъ съ большимъ знаніемъ дѣла. Граждане были настолько благоразумны, что подчинялись его руководству во все время персидскихъ войнъ.

Помимо собственных вооружений, афиняне сдѣлали все отъ нихъ зависящее, чтобы добиться союза грековъ. Опасность представлялась такую грозною, что греческіе города до нѣкоторой степени отложили свои распри и уговорились о союзѣ. Въ 481 году на Коринескомъ перешейкѣ состоялось соглашеніе между спартанцами, афинянами и большей частью другихъ городовъ. Рѣшено было собрать общее войско, а предводительство (гегемонія) было предоставлено спартанцамъ.

Въ 480 году показались азіатскія полчища. Дарій умеръ въ промежуткѣ между двумя походами, и персидское войско шло подъ начальствомъ его сына, Ксеркса. Варвары переправлялись черезъ Гелеспонтъ: тутъ были отряды изъ всѣхъ частей громаднаго царства; сосчитано было при переправѣ 1,700,000 воиновъ. Ксерксъ шелъ, какъ на триумфъ, въ упоеніи своей неслыханной силой. Между тѣмъ, *предпріятіе оказалось затруднительнымъ какъ разъ вслѣдствіе многочисленности арміи.* Нечѣмъ было кормить ее въ бѣдныхъ хлѣбомъ греческихъ областяхъ; ей крайне трудно было даже передвигаться по дурнымъ дорогамъ Эллады, въ узкихъ долинахъ среди горныхъ хребтовъ. Во всякомъ случаѣ, итти впередъ можно было только при совмѣстныхъ дѣйствіяхъ сухопутнаго войска и флота, подвозившаго ему припасы; случись что съ флотомъ— и сухопутному войску оставалось только уходить. Всѣ эти особенности подсказывали эллинамъ планъ войны. Надо было пользоваться узкими проходами— горными ущельями и проливами, чтобы не давать врагу развернуться; надо было затруднять движеніе флота. Ради первой цѣли, греки заняли Термопильскій проходъ, ведущій изъ Фессалии въ Среднюю Грецію. Несмотря на то, что тутъ были выставлены только незначительныя силы, онѣ успѣшно сопротивлялись персамъ, которые въ узкомъ мѣстѣ не могли воспользоваться своимъ численнымъ перевѣсомъ. Нашелся однако измѣнникъ, который указалъ персидскому отряду тропинку для обхода грековъ съ тыла. Начальникъ греческаго войска, спартанскій царь Леонидъ, замѣтивъ, что его обходятъ, отпустилъ отряды союзныхъ городовъ и остался одинъ со спартанцами. Ихъ было всего 300, и они легли всѣ до послѣдняго человѣка.

Вслѣдствіе взятія Термопильскаго ущелья, полчищамъ царя открылась Средняя Греція. Бэотійцы приняли ихъ съ покор-

481. *Не Таллиссес*
Фл. Серг. а

480.
Паходъ Ксеркса.

Сержантъ

ностью; аттическое население бѣжало. Ксерксъ разрушилъ Аѳины и приготовлялся къ дѣйствіямъ противъ Коринскаго перешейка, который былъ занятъ союзнымъ греческимъ войскомъ. Защищать перешеекъ было возможно, но только въ томъ случаѣ, если будетъ задержанъ персидскій флотъ, такъ какъ иначе онъ могъ всегда высадить отрядъ въ тылу грековъ. Такимъ образомъ, все зависѣло отъ положенія дѣлъ на морѣ. Флоты уже успѣли сразиться (при Артемисіѣ) одновременно съ Термопильскимъ сраженіемъ. Исходъ былъ нерѣшительный, но противники, такъ сказать, познакомились другъ съ другомъ, оцѣнили взаимно свою силу и слабыя стороны. Персидская эскадра сильно пострадала отъ бурь, но все-таки она численностью во много разъ превосходила греческую, и зерно ея составляли суда опытныхъ моряковъ, финикіянь. Греки должны были наверстывать малочисленность знаніемъ мѣстности и искуснымъ пользованіемъ ею. Они выбрали очень хорошую позицію—въ проливѣ между небольшимъ островомъ Саламиномъ и материкомъ; здѣсь азіаты опять-таки не могли развернуть своихъ силъ. Тѣмъ не менѣе, греческіе вожди приготовлялись уже оставить эту позицію и идти къ Истму, гдѣ ихъ, вѣроятно, раздавили бы персы.Themistocle, начальствовавшій аѳинскимъ отрядомъ, одинъ понялъ положеніе и убѣждалъ грековъ сразиться въ проливѣ. Не добившись своего на совѣтѣ вождей, онъ послалъ гонцовъ къ Ксерксу предупредить его, что греки собираются уйти. Ксерксъ не хотѣлъ терять удобнаго случая покончить съ эллинскимъ флотомъ и поспѣшилъ отрѣзать ему выходы. Началось сраженіе, на которое царь смотрѣлъ съ берега, какъ на праздничное состязаніе. Греки бились съ храбростью отчаянія, ихъ небольшіе корабли лучше изворачивались среди скалъ и отмелей хорошо знакомаго пролива; азіаты давили другъ друга своею массою; въ ихъ флотѣ находились отряды племенъ, не имѣвшихъ ничего общаго и даже враждовавшихъ другъ съ другомъ; малоазіатскихъ грековъ трудно было заставить дѣйствовать согласно съ финикіянами; *главное, весь этотъ сборъ народовъ относился безучастно къ властолюбивому предпріятію своего царя.* При этихъ условіяхъ искусство и воодушевленіе грековъ одержали полную побѣду. Значительная часть персидскаго флота была уничтожена. Этого одного удара было достаточно, чтобы заста-

+ *примечаніе*

480.

вить громадную массу азіатскаго войска покатиться назадъ. Ксерксъ не рѣшился напасть на перешеекъ, и ему нечѣмъ было кормить свои войска въ опустошенной Средней Греціи. Онъ ушелъ обратно въ Азію, оставивъ въ Бѣотіи 300-тысячную армію подъ начальствомъ Мардонія.

Въ 479 году греки начали военныя дѣйствія заразъ въ двухъ направленіяхъ. Сухопутныя силы (около 100,000 человекъ), которыми командовалъ спартаецъ Павсаній, двинулись противъ Мардонія. Спартанскій царь, Леотихидъ, и аеинянинъ Ксантидъ съ флотомъ отправились черезъ море къ малоазіатскимъ берегамъ, чтобы поднять тамъ греческія колоніи. Въ Бѣотіи, при Платеѣ, повторилось въ главныхъ чертахъ мараѳонское столкновеніе. Несмотря на преимущество азіатскихъ стрѣлковъ и конницы, сплошная стѣна спартанской фаланги одержала верхъ; напрасно бросались на нее отборные храбрецы Мардонія, — они бились врознь и потому безуспѣшно. вмѣстѣ съ персами сражались измѣнившіе общему дѣлу бѣотійскіе и еессалійскіе греки: ихъ разбили аеиняне. Другое греческое войско одержало не менѣ блестящую побѣду при мысѣ Микалѣ; малоазіатскіе города и острова спѣшили бросить персидскихъ утѣснителей и примкнуть къ соотечественникамъ.

Этими сраженіями закончился первый періодъ персидскихъ войнъ. Но борьба была еще далеко не кончена. Предстояло очистить Фракію и архипелагъ отъ персидскихъ гарнизоновъ, прочно занять малоазіатскій берегъ, разбить грозную морскую силу финикіянь. Обстоятельства складывались неблагоприятно для разрѣшенія всѣхъ этихъ задачъ.

Во время нашествія раздоры между городами замолкли на минуту; когда опасность прошла, они стали возникать съ новою силою. Спартацы завидовали аеинянамъ, которые обнаружили необыкновенную проникаемость, самоотверженіе и жерію, между тѣмъ какъ сами они только доказали лишній разъ стойкость своихъ юпитовъ. Однако гегемонія въ союзѣ принадлежала Спартѣ, и она не расположена была отказаться отъ нея, хотя теперь приходилось вести войну преимущественно на морѣ, гдѣ спартацы вичего не значили. Положеніе спартанскаго полководца среди отряда, составленнаго исключительно изъ людей и кораблей другихъ городовъ, было неловкое и непріятное. А Павсаній, которому поручено

Мардонія

Синто пр.
Тристан
и
Синто

Аеинскій союзъ.

было командованіе эскадрой, дѣйствовавшей во еракійскихъ водахъ, способенъ былъ только увеличить затрудненія: онъ сильно возмечталъ о себѣ послѣ платейской побѣды, обращался съ союзниками дерзко и сурово, и даже вступилъ въ тайныя сношенія съ перси скимъ царемъ, въ надеждѣ пріобрѣсти тиранию надъ греками.

478. Это напряженное положеніе разрѣшилось тѣмъ, что отряды острововъ Хіоса, Лесбоса и другихъ объявили, что они не хотятъ долѣе повиноваться спартанцамъ и желаютъ продолжать войну подъ руководствомъ аеинянъ (478). Этотъ поступокъ могъ бы вызвать открытое столкновение, но спартанцы на него не рѣшились. Они сами и ихъ пелопоннесскіе союзники отстали отъ дальнѣйшихъ походовъ и предоставили аеинянамъ дѣйствовать противъ персовъ. Такимъ образомъ, *изъ общаго греческаго союза выдѣлился болѣе тѣсный, аеинскій.* Онъ былъ устроенъ аеиняниномъ Аристидомъ, который при этомъ заслужилъ славу справедливѣйшаго изъ грековъ. Всѣ участники имѣли равныя права и равный голосъ на союзномъ съѣздѣ, мѣстомъ для котораго былъ избранъ островъ Делосъ. Тамъ же должна была находиться союзная казна, составлявшаяся изъ взносовъ всѣхъ членовъ. Организация эта дѣйствовала чрезвычайно успѣшно. Одинъ за другимъ примыкали къ ней города и острова эллинскаго востока, одна за другой слѣдовали ея побѣды надъ персами и финикиянамъ. Въ семидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ V вѣка блестящій полководецъ союза, Кимонъ, сынъ Мильтіада, очистилъ отъ персовъ берега Эгейскаго моря. Самое страшное пораженіе онъ нанесъ неприятелямъ, приготовлявшимся къ новому вторженію въ Грецію, при Эвримедонѣ (466), въ Памфиліи. Около 300 отдѣльныхъ общинъ вошло въ составъ союза въ его пяти округахъ (еракійскій, геллеспонтскій, островной, іонійскій, карійскій).

466. Но если внѣшній успѣхъ былъ неожиданно быстръ и полонъ, то внутреннее устройство союза измѣнилось за это время никакъ не къ выгодѣ большинства его членовъ. Перевѣсъ Аеинъ становился все рѣзче, прочіе города тяготились ежегодными походами и стали откупаться отъ нихъ. Аеиняне охотно брали на себя веденіе войны, но зато они и вели ее какъ хотѣли. *Откупавшіеся города устранялись отъ съѣзда и попадали изъ положенія союзниковъ въ положеніе данниковъ.* Мало-

по-малу съѣздъ потерялъ значеніе, и аѣиняне стали распоряжаться въ союзѣ по произволу. Еще хуже стало дѣло вслѣдствіе того, что нѣкоторыя общины спохватились, хотя и поздно, и пробовали отдѣлиться отъ союза. Такую попытку сдѣлалъ, на примѣръ, островъ Наксосъ, затѣмъ Фасосъ. Аѣиняне смотрѣли на эти отпаденія, какъ на возстанія. Имъ было нетрудно справиться съ отдѣльными городами, потому что между ними не было никакой связи и они поднимались поодиночкѣ. За подавленіемъ возстанія слѣдовали строгія мѣры, и непокорная община переходила въ разрядъ подданныхъ. *Въ концѣ концовъ, аѣиняне обратили союзъ (συνδικία) въ свое государство (ἄρρη)*. Подати городовъ назначались въ Аѣинахъ и были значительно возвышены (передъ пелопоннесской войной 600 талантовъ); важнѣйшія судебныя дѣла переносились въ аѣинскіе суды; въ городахъ стояли аѣинскіе гарнизоны; для надзора за управленіемъ, а иногда для переустройства управления назначались должностныя лица изъ аѣинянъ. Въ 454 году обращеніе союза въ государство завершилось перенесеніемъ союзной казны изъ Делоса въ Аѣины. Такимъ образомъ, *главнымъ результатомъ греко-персидскихъ войнъ было образованіе великой аѣинской державы, которая получила господство на греческомъ востоку.*

454.

Глава VI.

АѢИНЫ ВЪ V ВѢКѢ.

Быстрый ростъ Аѣинскаго могущества не могъ не отозваться на внутреннихъ дѣлахъ государства. Прежде всего аѣиняне обратились къ морю, сдѣлались торговымъ, мореходнымъ народомъ. Вслѣдствіе этого теряли смыслъ послѣдніе остатки тимократіи, основанной на землевладѣніи. Четвертый классъ, обдѣленный Солоновымъ устройствомъ, сдѣлалъ не менѣе, если не болѣе, для спасенія государства, нежели гоплиты и всадники. Онъ спасъ отечество при Саламинѣ и продолжалъ постоянно служить ему въ походахъ Аристиды и Кимона. *Такимъ образомъ, вѣты заслужили уваженія съ друими сословіями и, дѣйствительно, доступъ къ должностямъ былъ открытъ всѣмъ классамъ.* Въ то же время многія должности стали замѣщаться *по жребію*: предпола- Время Аристи-
да и Немистон-
ла.

лось, что всѣ граждане одинаково способны, достойны и подготовлены для занятія большинства должностей. Чтобы никого не обидѣть, предоставляли выборъ жребію.

Архонтовъ уже ранѣе назначали жребіемъ изъ кандидатовъ, избираемыхъ філами, но сначала число кандидатовъ было небольшое, такъ что жребій не имѣлъ особеннаго значенія; въ V вѣкѣ стали выставлять 100 кандидатовъ, изъ которыхъ приходилось взять девять архонтовъ. Кончилось тѣмъ, что даже кандидатовъ стали намѣчать жребіемъ. Вслѣдствіе такого случайнаго замѣщенія должность потеряла свою важность.

Особенно возвысилась въ это время должность стратеговъ которые прямо избирались народомъ и держали въ рукахъ военныя, иностранныя и союзныя дѣла. Всѣ эти измѣненія совершались постепенно, силою вещей, безъ рѣзкаго переворота. Имъ много содѣйствовалъ Аристидъ, который не остался слѣпымъ защитникомъ землевладѣльческой тимократіи, существовавшей при Солонѣ и Клисѣенѣ, а сообразовался съ новымъ положеніемъ Аѣинъ, какъ великой морской державы. Еще далѣе его шелъThemistocle: его безпокойный умъ снова былъ занятъ открытіемъ неизвѣданныхъ путей. Онъ уже предчувствовалъ борьбу со Спартой и оказалъ великую услугу своему родному городу, добившись того, что его спѣшно обвесли укрѣпленіями, несмотря на неудовольствіе и противорѣчіе спартанцевъ. Затѣмъ, онъ сталъ покровительствовать метэкамъ и завелъ сношенія съ Павсаніемъ, который пробовалъ поднять гелотовъ противъ спартанцевъ. Оба знаменитые полководца пали жертвою своего честолюбія: Павсанія спартанцы обложили въ храмѣ и уморили голодомъ, Themistocle былъ изгнанъ остракисмомъ и бѣжалъ къ персидскому царю Артаксерксу.

Кимонъ и Эфиальтъ.

Въ Аѣинахъ, между тѣмъ, вновь образовались двѣ партіи. Одна, съ Кимономъ во главѣ, поддерживала преданія персидской войны, настаивала на необходимости ладить со Спартой, чтобы успѣшнѣе воевать въ Азіи, а дома противилась дальнѣйшимъ измѣненіямъ государственнаго строя и проводила на выборахъ членовъ знатныхъ фамилій. Другая, демократическая партія, слѣдовавшая за Эфиальтомъ и Перикломъ, открыто готовилась къ борьбѣ со Спартой, нападала всѣми средствами на аристократовъ—боролась противъ нихъ на выборахъ, возбуждала противъ нихъ обвиненія въ судахъ; наконецъ, она замышляла дальнѣйшее измѣненіе городского порядка въ пользу демократіи. Слава Кимона и его по-

пулярность долго сдерживали демократовъ. Народъ оставался вѣренъ любимому полководцу, несмотря на то, что открывалась возможность приобрести новыя выгоды насчетъ аристократовъ. Значеніе Кимона было, наконецъ, подорвано его политикой относительно Спарты. Онъ закрывалъ глаза на явное недоброжелательство лакедемонянъ и даже добился, хотя и съ великимъ трудомъ, что афиняне послали его съ войскомъ на помощь Спартѣ во время вспыхнушаго тамъ страшнаго возстанія гелотовъ и мессенцевъ. Спартянцы были, конечно, очень довольны такимъ оборотомъ дѣлъ: онъ показывалъ возставшимъ, что имъ нечего ждать поддержки отъ Афинъ. Но они держали афинскій отрядъ вдали отъ мѣста дѣйствій и при первой возможности отправили его обратно. Вся экспедиція оказалась крупной политической ошибкой: спартянцы отвѣтили афинянамъ не благодарностью, а обидой. Подъ впечатлѣніемъ этой ошибки афиняне изгнали Кимона остракисомъ. Хотя онъ впоследствии вернулся и даже былъ стратегомъ, но его политическое вліяніе было утрачено.

463

Реформы были начаты Эфіальтомъ. Онъ лишилъ ареопагъ значительной части его власти. Это было единственное учреждение, не зависѣвшее отъ народа. Засѣдатели его назначались самимъ ареопагомъ на всю жизнь и притомъ исключительно изъ бывшихъ архонтовъ; ареопагу принадлежалъ надзоръ за всѣми другими властями и, между прочимъ, за народнымъ собраніемъ. Во время персидскихъ войнъ онъ приобрѣлъ и проявилъ большую силу. Эфіальтъ положилъ конецъ этому могуществу, *отнявъ у ареопага наблюдение за учрежденіями и законами*. За нимъ оставлена была отчасти судебная роль и надзоръ за нравами (462). Реформа Эфіальта вызвала такое ожесточеніе среди аристократической партіи, что реформатора убили. Но Периклъ продолжалъ его дѣло.

Реформы Перикла.

Необходимо было передать кому-нибудь обязанности, отнятыя у ареопага—онѣ достались геліѣѣ, комиссіямъ афинскихъ присяжныхъ, которыхъ ежегодно избирали въ числѣ 6000 для отправленія правосудія. Геліѣя была учреждена еще при Солонѣ, но только теперь она получила великое значеніе въ государствѣ. Ей былъ переданъ отъ ареопага надзоръ за народнымъ собраніемъ: запрещено было проводить новые законы, не опровергнувъ предварительно стараго передъ комиссіей присяжныхъ. Нарушавшіе это правило подвергались уголовному преслѣдованію за противозаконіе (*ὑπερὶ παρανόμων*).

462.

Въ то же время въ геліѣю были переданы почти всѣ су-

дебныхъ дѣла. Архонты сдѣлались простыми предсѣдателями судовъ. Такимъ образомъ, *земля возвысилась надъ всеми учрежденіями въ Афинахъ, даже надъ народнымъ собраніемъ.* Для того, чтобы провести эту обширную судебную и политическую реформу, мало было одного приказанія: надо было дать народу возможность дѣйствительно принимать участіе въ судахъ. Засѣдателей было такъ много, отъ нихъ требовалась такая затрата труда и времени, что *нельзя было требовать этой службы, не обеспечивъ ее какимъ-нибудь вознагражденіемъ.* Периклъ ввелъ небольшое вознагражденіе въ размѣрѣ двухъ оболовъ въ день (около 8 коп.); на эту сумму можно было пообѣдать, хотя и очень скромно. И этой суммы оказалось достаточно, чтобы привлечь народъ къ исполненію судебныхъ обязанностей: афиняне предпочитали интересную работу судебного разбирательства болѣе выгодному промышленному труду. Такъ какъ демократическая партія задавалась цѣлью передать правительственное вліяніе народу, т. е., его малосостоятельному большинству, то приходилось вообще подумать о жалованьѣ, о платѣ за правительственные обязанности. Люди богатые могутъ служить безъ жалованья, ради почета и власти, которые даетъ служба. Люди бѣдные не въ состояніи такъ жертвовать своимъ временемъ и трудомъ. Хотя древніе граждане, даже и бѣдные, были въ исключительномъ положеніи, такъ какъ рѣдко у кого не было раба, трудившагося на него; однако и имъ необходимо было хоть маленькое вознагражденіе. *Проведеніе демократіи при Периклѣ необходимо ведетъ за собой назначеніе жалованья за посѣщеніе совѣта и народнаго собранія, а также за службу въ войскѣ и флотѣ.* Кромѣ того государство выдавало деньги на покупку мѣста въ театрѣ; затѣмъ раздачу стали увеличивать съ тѣмъ, чтобы дать возможность купить пищу въ дни празднествъ. Эта раздача (теориконъ) объясняется тѣмъ, что народъ былъ государемъ въ Афинахъ и не долженъ былъ отсутствовать на собственныхъ праздникахъ.

Откуда брались деньги для всѣхъ этихъ раздачъ и расплатъ? Нелѣпо было бы выдавать гражданамъ въ видѣ жалованья деньги, которые брали съ нихъ же въ видѣ подати. И дѣйствительно, афинскій гражданинъ не платилъ податей, *государство пополняло свою казну изъ* пошлинъ съ предметовъ торговли, изъ дани съ метэковъ, а главное изъ взносовъ союзниковъ.

Взносы эти шли уже далеко не на веденіе войны съ персами, а на всѣ нужды столицы, на вознагражденіе ея гражданъ, на устройство празднествъ, на постройку храмовъ. Аѳиняне оправдывали себя тѣмъ, что они защитили Грецію отъ нашествія, и что они же продолжаютъ нести всю тяжесть союзнаго управленія и походовъ.

Кромѣ жалованья и заработковъ при общественныхъ постройкахъ, бѣднѣйшіе аѳиняне могли рассчитывать на зачисленіе въ колонисты, которымъ государство отводило земли, отнятыя у варваровъ или союзниковъ. Такимъ образомъ, были устроены при Кимонѣ и Периклѣ нѣсколько десятковъ тысячъ семействъ.

Периклѣ проводилъ сначала свои мѣры въ постоянной борьбѣ съ остатками аристократической партіи. Но въ 445 году народъ изгналъ остракисмомъ его главнаго противника, Фукидида (сына Мелесія), и съ тѣхъ поръ Периклѣ пользовался неоспоримымъ преобладаніемъ почти до смерти. Пятнадцать лѣтъ подрядъ его выбирали стратегомъ, и хотя онъ раздѣлялъ эту должность съ девятью другими предводителями, но всѣ остальные ему подчинялись, потому что *весь народъ смотрѣлъ на него, какъ на главное руководящее и ответственное лицо въ государствѣ*. Это исключительное положеніе содѣлалось въ силу необходимости: ни народное собраніе, ни даже совѣтъ, не могли успѣшно вести сложныя, трудныя дѣла союзной и иностранной политики. Они сохраняли надъ этими дѣлами общее наблюденіе и для главныхъ мѣръ приходилось заручиться одобреніемъ совѣта и собранія, но подробности исполненія всего лучше было предоставить одному довѣренному лицу. Такимъ довѣреннымъ, своего рода главнымъ министромъ аѳинской демократіи, былъ Периклѣ, и народъ обнаружилъ большой политическій смыслъ предпочтеніемъ, которое онъ ему оказывалъ. Конечно, это было отчасти оплатой за мѣры, завершившія устройство демократіи; но и помимо этого, Периклѣ внушалъ довѣріе своею полною преданностью интересамъ города, благородствомъ характера и силою сужденія—умѣнемъ видѣть существенное и избирать лучшее. Среди подвижныхъ, шумливыхъ аѳинянъ этотъ всегда серьезный, всегда занятой, всегда владѣвшій собою человекъ производилъ нѣсколько стѣснительное впечатлѣніе. Они называли его въ шутку громовержцемъ, но

Кимонъ

Власть Перикла. 445.

Фукидидъ
Фукидидъ
Фукидидъ

имѣли достаточно ума и вкуса, чтобы цѣнить и его умѣлую политику, и его вѣское, проникнутое глубокимъ смысломъ слово.

И Периклъ былъ не только политическимъ дѣятелемъ и полководцемъ; подобно Писистрату, но еще въ гораздо большей степени, онъ сумѣлъ сосредоточить вокругъ себя все, что было лучшаго въ литературной и художественной жизни Греціи того времени. Городъ украсился цѣлымъ рядомъ великолѣпныхъ построекъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: храмъ покровительницы города, Аѣины (Паренонъ), колоннада при входѣ въ Акрополь (Пропилеи) и Одеонъ, театръ, посвященный поэтическимъ и музыкальнымъ состязаніямъ. Ближайшими друзьями Перикла были философъ Анаксагоръ и художникъ Фидій, одинъ изъ знаменитѣйшихъ скульпторовъ всѣхъ временъ. Среди тѣхъ же высоко развитыхъ аѣинянъ писалъ свои драмы величайшій трагикъ Греціи, Софоклъ. Въ Аѣинахъ же на продолжительное время поселился малоазіатскій уроженецъ, историкъ Геродотъ. Однимъ словомъ, то былъ золотой вѣкъ греческой образованности, и Периклъ могъ съ полнымъ правомъ сказать, что Аѣины—столица Греціи и ея учитель. Чтобы вполне оцѣнить значеніе этого времени и великаго вождя необходимо оглянуться на исторію духовной жизни грековъ, прошедшую между составленіемъ гомеровскихъ поэмъ и высшимъ процвѣтаніемъ ея въ V вѣкѣ.

Глава VIII.

ГРЕЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ ЭПОХИ ПРОЦВѢТАНІЯ. (VIII—V ВѢКА).

Упадокъ эпоса.
Лирика.

Когда греки успѣлись болѣе или менѣе по мѣстамъ и закончилась героическая эпоха племенныхъ передвиженій, эпическая поэзія, возникшая подъ вліяніемъ этихъ странствованій и войнъ, стала изсыхать. Такъ называемые киклики продолжали разрабатывать „кругъ“ сказаній, сложившійся около Троянской войны, но ихъ поэмы не выдерживали сравненія съ Илиадою и Одиссеей. Въ нихъ не было изобрѣтательности, свѣжести, яркости гомеровскихъ пѣсенъ. Время беззаботнаго поэтическаго разсказа, который не стѣснялся повтореніями,

эпизодами ¹⁾ и подробностями, и съ любовью останавливался на описаніяхъ, очевидно прошло. Бэотіецъ Гезіодъ (VIII в.) разсуждаетъ и поучаетъ; его *Θεογονία* представляетъ попытку установить порядокъ среди міеовъ о богахъ, опредѣлить положевія и отношенія между богами. Въ „Дѣлахъ и дняхъ“ онъ даетъ полезныя, скупноватыя правоученія мелкому землевладѣльцу, занятому полевыми работами. Характеренъ не только переходъ отъ военныхъ приключеній къ мирной дѣятельности, но и сословное измѣненіе: *Иліада* и *Одиссея* принадлежатъ совершенно аристократической обстановкѣ; ихъ герои — вожди, а простой народъ остается на заднемъ планѣ; Гезіодъ обращается къ челоуѣку съ небольшимъ состояніемъ и скромными цѣлями въ жизни.

Другой признакъ измѣнившихся обстоятельствъ это *развитіе лирики, поэзія мнимо чувства.* Эпическій разсказъ предполагаетъ согласно-живущее общество, въ которомъ люди думаютъ болѣе или менѣе на одинъ ладъ. Рапсоудъ не ожидалъ у своихъ слушателей противорѣчивыхъ интересовъ и мнѣній. Но когда началась въ городахъ ожесточенная борьба между знатыми и демосомъ, спокойное безпристрастіе эпоса стало неумѣстнымъ. Поэты пользуются силою своего воображенія и мѣткостью слова, чтобы возвеличить свое дѣло и пустить стрѣлу въ противника. *Θεογидъ* Мегарскій, напр., пишетъ стихи, чтобы выразить свои горькія чувства по поводу захватовъ демоса. Разъ вступивъ на эту дорогу, поэзія охватила всѣ виды личнаго чувства: торжественная ода Пиндара выражала гордость побѣдителя на состязаніи эллиновъ, Сафо и Анакреонъ въ разныхъ формахъ воспѣвали любовь...

Большая часть лириковъ принадлежала къ ахейскому или эоійскому племени. Атикѣ суждено было выдвинуть драму— поэзію *δραμα*. Драма получила начало изъ пѣсенъ хора на праздникъ *Διονиса*. Хористы, переодѣтые спутниками бога — сатирами, въ козлиныхъ шкурахъ ²⁾, описывали приключенія обошедшаго и побѣдившаго всѣ племена *Διονиса*. Стали брать и другіе предметы для пѣсенъ, выбирая ихъ преимущественно изъ сказаній, способныхъ волновать слушателей, внушить имъ страхъ или состраданіе. Во время Солона составитель

¹⁾ Вставленные въ главное повѣствованіе и слабо связанные съ нимъ разсказы.

²⁾ *τραγός αἰγός*—козелъ-пѣвецъ; отсюда трагедія.

такихъ пѣсень, Тесписъ, придумалъ выступить изъ хора и изображать главное лицо, о которомъ шла рѣчь. Отсюда былъ уже одинъ только шагъ до введенія нѣсколькихъ актеровъ и изображенія пѣлыхъ дѣйствій. Этотъ шагъ сдѣлала позднѣйшая аѳинская трагедія Эсхила и Софокла. Такимъ образомъ, рассказъ становился какъ-бы самымъ дѣйствіемъ. Присутствовавшіе не просто слушали о давно минувшихъ дѣлахъ, но воочию наблюдали за героями и ихъ судьбой. Драма вмѣщала черты и лирики, и эпоса, прибавляя къ нимъ нѣчто собственное. Ея дѣйствующія лица выражали — каждое — соотвѣтствующія его положенію чувства; всѣ вмѣстѣ они передавали зрителю рядъ событій. Но событія были подобраны не случайно и вольно, какъ въ эпосѣ, а съ пѣлюю возможно сильнѣе захватить зрителя, вовлечь его въ дѣйствіе и внушить ему подобіе чувствъ, одушевлявшихъ дѣйствующія лица. Подробности, конечно, различны, но во всѣхъ пьесахъ возвращается одна главная мысль: *жизнь людей направляется роковой судьбой, на рѣшенія которой они не имѣютъ вліянія; но въ ихъ внутреннемъ мірѣ, въ ихъ совѣсти есть сила, которая дѣлаетъ ихъ свободными, которая возвышаетъ ихъ надъ превратностями успѣха и бѣдствія*. Если зритель испытывалъ удовольствіе отъ подобія страха и страданія, навѣяннаго на него трагедіей, то причина заключалась въ возвышающемъ чувствѣ, что дѣйствительно караетъ человѣка только совѣсть, а сознаніе правоты спасаетъ его даже въ несчастіи. Трагедія избирала самые крайніе примѣры человѣческихъ испытаній, потому что на нихъ тѣмъ сильнѣе обнаруживалась сила внутренней правды. Въ „Персахъ“ Эсхила сказалось вліяніе великой борьбы грековъ съ востокомъ. Пьеса проникнута трагическимъ ужасомъ, навѣяннымъ на зрителя превратностью въ судьбѣ персидскаго царя: онъ выходитъ въ несравненномъ, неслыханномъ могуществѣ, а возвращается разбитый и уничтоженный. И зрителей удовлетворяетъ этотъ исходъ, потому что совѣсть ихъ осуждаетъ ненасытное властолюбіе Ксеркса. Въ трилогіи ¹⁾ Эсхила „Орестія“ взято положеніе, при которомъ нельзя сказать сразу, въ чемъ правда, и поэтому остается долго неяснымъ исходъ.

1) Трилогіей назывались три драмы, которыя давались одна за другой и изображали тѣсно связанныя между собой событія.

Орестъ убиваетъ свою мать, Клитемнестру, въ отмщеніе за то, что она убила его отца. Онъ совершилъ свое страшное дѣло по чувству долга; тѣмъ не менѣе, его преслѣдуютъ Эвмениды—олицетвореніе карающей совѣсти. Афина и ареопажъ рѣшаютъ дѣло въ его пользу. Чувство греческихъ зрителей въ этомъ столкновеніи обязанностей оправдывало сына, рѣшившагося отомстить родной матери. Въ „Скованномъ Прометее“ борьба между внѣшнимъ могуществомъ судьбы и духовной свободой человѣка выразилась въ потрясающемъ образѣ Прометея: Зевсъ властенъ его сковать и мучить, но не имѣетъ силы надъ его сознаниемъ правоты и непокорною волею. Въ „Эдипѣ“ Софокла герой обреченъ богами на случайное злодѣяніе: онъ, самъ того не зная, убилъ отца и женился на матери. Судьба запутала его въ ужасное положеніе, но онъ находитъ выходъ изъ него, совершивъ надъ собою добровольную казнь: онъ самъ себя ослѣпляетъ, бросаетъ царство и идетъ скитаться по міру. Изображеніе успокоенія и смерти Эдипа, трогательные подвиги его дочери, Антигоны, ни въ чемъ неповинной и всюду сопровождающей отца, участвующей въ его страданіяхъ, идущей на смерть, чтобы исполнить послѣдній долгъ—похоронить убитаго брата, это величайшія созданія греческой драмы, вѣчный памятникъ глубины и благородства греческаго духа. Добро торжествуетъ, но не въ случайномъ внѣшнемъ успѣхѣ, а въ просвѣтляющемъ сочувствіи и удовлетвореніи зрителей.

Такъ называемыя „пластическія“ ¹⁾ искусства также достигли высокаго совершенства. Въ архитектурѣ греки не стремились къ обширности размѣровъ или нагроможденію подробностей. *Красота ихъ зданій достигалась искуснымъ расчлененіемъ цѣлаго.* Для этого они стали болѣе пользоваться колоннами, чѣмъ было въ обычаѣ на востокѣ. Дорическое и іоническое племя выработали и тутъ двѣ различныхъ формы: простая дорійская колонна заканчивалась небольшою чашкой, изящная іонійская—рогами барана; позднѣе образовался еще вычурный коринтскій типъ съ завершеніемъ въ видѣ листьевъ „аканѳа“. Особенно много сдѣлали греки для скульптуры. Любовь къ атлетическимъ упражненіямъ и значеніе ихъ въ

Пластическія
искусства.

¹⁾ Искусства, преобразующія матеріаль (плáστω): архитектура и скульптура, потому что онѣ изъ камня образуютъ зданіе и статую.

воспитаніи сильно содѣйствовали этому. Подъ южнымъ небомъ для гимнастики и разнаго рода состязаній раздѣвались на-голо, благодаря чему являлась возможность хорошо изучить формы и движенія обнаженнаго тѣла. Произведенія древнѣйшей скульптуры свидѣтельствуютъ еще о значительномъ вліяніи восточныхъ мастеровъ. Но скоро греки пошли собственнымъ путемъ, изучая природу и стараясь какъ можно вѣрнѣе передать ее. Искусство ихъ, однако, не свелось на простое подражаніе природѣ, какъ не осталось въ зависимости отъ данныхъ чужимъ мастерствомъ образцовъ. *Греческая скульптура служила сначала преимущественно религіознымъ цѣлямъ, и ея произведенія получаютъ идеализирующій ¹⁾ характеръ.* Художники стремятся сдѣлать свои статуи достойными изображеніями боговъ и героевъ. Божественность и героизмъ они выражаютъ не громадностью и не соединеніемъ человѣческихъ и животныхъ формъ, какъ дѣлали на востокъ, а идеальной красотой и величіемъ. Высшимъ проявленіемъ этой религіозной скульптуры могутъ считаться творенія Фидія. Его статуи—Зевса, въ Олимпіи, и Аѳины Паллады, въ Аѳинахъ, — доводили человѣческій образъ до величайшаго доступнаго ему достоинства и мощи. Естественно, что *скульптура этого времени создаетъ спокойные образы*: ея богамъ и героямъ неприлично было бы искажающее черты волненіе. *Они блаженны и потому обладаютъ гармоніей — счастливымъ равновѣсіемъ духа.*

Философія и
исторія.

Въ области знанія греки цвѣтущей эпохи сдѣлали не такъ много, какъ въ области искусства, хотя и тутъ за ними числятся громадныя заслуги. Въ іонійскихъ колоніяхъ возникаетъ самостоятельная философія—„исканіе мудрости“. У восточныхъ народовъ, у египтянъ, индусовъ, персовъ, не было недостатка въ глубокомысленныхъ соображеніяхъ о значеніи міра и человѣческой жизни, но они перемѣшивались съ религіозными мифами. *Греки первые стали заниматься философіей ради ея самой.* Мудрецы іонійскіе, а затѣмъ южно-итальянскіе не останавливались передъ величайшими трудностями, пытались объяснить все существующее въ мірѣ и разбирали законы нашего мышленія. Одинъ изъ нихъ, Пифагоръ, сталъ

¹⁾ Идеаломъ называется представленіе чловѣка о лучшемъ, чего можно достигнуть въ извѣстномъ отношеніи: о высшей красотѣ, силѣ, мудрости и т. п.

задумываться надъ вопросомъ о загробной жизни, такъ неясно разрѣшеннымъ въ греческой религіи, и остановился на мысли, что душа послѣ смерти переселяется въ другое тѣло для постепеннаго совершенствованія, очищенія отъ грѣховъ и наказанія за проступки. Кромѣ того, онъ составилъ въ Кротонѣ союзъ философовъ, который долженъ былъ вліять всѣми способами на дѣйствительную жизнь, распространять его ученіе и, по возможности, забрать въ руки управление греческими государствами, такъ какъ управлять должны только лучшіе люди, воспитанные на философіи. Проповѣдь Пиеагора не остановила развитія демократіи, но ея вліяніе сильно сказалось въ эпоху разложенія греческихъ государствъ.

Замѣчательныя событія, совершавшіяся въ отдѣльныхъ городахъ, геройская борьба съ азіатами, попытки соединить разрозненныя части эллинскаго міра—все это не могло не вызвать интереса къ изученію исторіи. И дѣйствительно, въ V вѣкѣ появляется Геродотъ, заслужившій названіе „отца исторіи“. Его повѣствованіе представляетъ рядъ рассказовъ о всѣхъ странахъ извѣстнаго тогда міра и заключается описаніемъ персидскихъ войнъ. Уроженецъ Галикарнасса, въ Малой Азій, Геродотъ самъ объѣздилъ многія изъ странъ, о которыхъ говоритъ, былъ въ Вавилоніи и Египтѣ, затѣмъ долго жилъ въ Аѳинахъ и Южной Италіи. Такимъ образомъ, онъ прошелъ весь эллинскій міръ съ востока на западъ и знакомъ былъ лично съ бытомъ государствъ, вступившихъ въ борьбу съ Греціей. Въ рассказѣ онъ отдалъ должное иноземцамъ, хотя самъ полонъ горячей любви къ Греціи и ея свободнымъ учрежденіямъ. Онъ не имѣлъ времени и охоты дѣлать старательныя изысканія для своей исторіи, а заботился, главнымъ образомъ, о занимательной передачѣ фактовъ. Черезъ все повѣствованіе проходитъ красною нитью мысль, которая сказывается и въ „Персахъ“ Эсхила: *боги рано или поздно караютъ чрезмѣрныя притязанія и попытки людей*. Заносчивость, дерзость, даже просто неумѣренные успѣхи отдѣльнаго человѣка вооружаютъ ихъ противъ него; такъ и персы были позорно разбиты, потому что вышли изъ предѣловъ возможнаго могущества и хотѣли покорить весь міръ.

Въ этой идеѣ сказывается одно изъ основныхъ свойствъ греческаго народнаго характера—чувство мѣры. Сами греки хорошо сознавали въ этомъ отношеніи разницу между собою

Геродотъ
V.

и окружавшими их народами. Их отталкивала односторонность и слѣпое увлеченіе. Но не вездѣ одинаково осуществлялись эти идеалы: казарменная обстановка Спарты уродовала людей, отнимала у нихъ высшія духовныя стремленія, дѣлала ихъ ремесленниками войны. Всего болѣе сдѣлали для греческой образованности Аѣины. Ихъ граждане заботились о всестороннемъ, художественномъ развитіи своихъ силъ и стремленій. Обстоятельства сложились такъ выгодно для нихъ, что они находили полное удовлетвореніе въ оживленной, разнообразной жизни своего города. Знаменательными для *аѣинскаго идеала гармоніи способностей и стремленій* являются слова Перикла: мы любимъ красоту и не впадаемъ въ изнѣженность, любимъ мудрость и не страдаемъ слабостью воли.

Глава VIII.

ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА.

Причины войны. Въ Греціи V вѣка, при всемъ ея блескѣ, были нѣкоторыя очень невыгодныя условія, подвергавшія опасности народную жизнь. Все тамъ дѣлалось для городскихъ общинъ съ небольшимъ кругомъ гражданъ. Вслѣдствіе этого въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ успѣхъ и упадокъ зависѣли отъ поведенія очень незначительнаго числа людей. *Такой маленькій кружокъ леко было довести до высшей образованности, но трудно было удержать отъ нравственной порчи — отъ эгоизма и распушенности.* Въ Аѣинахъ, около которыхъ образовалось большое государство, всѣ интересы были подчинены выгодѣ и желаніямъ какихъ-нибудь 30.000 семействъ. *Съ другой стороны, отдѣльныя городскія общины не въ состояніи были слиться въ одно народное цѣлое.* Разными — частью насильственными — способами было достигнуто образованіе двухъ большихъ союзовъ, но дальнѣйшему соединенію препятствовала непримиримая противоположность не только между интересами, но и между характерами спартанцевъ и аѣинянъ. Одни были представителями устойчивости, ксности въ жизни и учрежденіяхъ, другіе отличались подвижностью и предприимчивостью. Рано или поздно должно было произойти столкновеніе, и заслуга аѣинскихъ демократовъ заключалась въ

томъ, что они это сознавали и, по мѣрѣ возможности, приготавливались къ войнѣ. Силы противниковъ уравновѣшивали другъ друга. Спарта опиралась на государства Пелопоннеса и Бэотию (за исключеніемъ Платей), Аѣины располагали городами и островами Эгейскаго, Чернаго и Мраморнаго морей. Спарта могла выставить почти вдвое болѣе гоплитовъ, чѣмъ Аѣины, зато послѣдніе имѣли безусловный перевѣсъ на морѣ. Спартанское государство было прочнѣе и выносливѣе; Аѣиняне имѣли въ своемъ распоряженіи значительныя финансовыя средства и сложное финансовое управленіе.

Сообразно съ этими условіями Периклъ составилъ свой военный планъ. На сушѣ онъ рѣшилъ дѣйствовать противъ главныхъ силъ Спарты оборонительно, пожертвовать Аттической областью и отстаиваться за стѣнами. Ради этой цѣли Аѣины и прилегавшій къ нимъ портъ (Пирей) были обнесены обширными укрѣпленіями, противъ которыхъ неумѣлые въ крѣпостной войнѣ спартанцы были безсильны. Господствуя въ морѣ, Периклъ имѣлъ въ виду, съ своей стороны, тревожить Спарту нападеніями во всѣхъ слабыхъ пунктахъ ея области и союза. Онъ не надѣялся на скорый успѣхъ, но *разсчитывалъ, въ концѣ концовъ, одолѣть благодаря значительнымъ денежнымъ средствамъ.* Одинъ запасный фондъ былъ мало-помалу доведенъ до 6000 талантовъ (около 10 милл. золотыхъ рублей), — по тогдашнему времени сумма громадная.

Три раза вспыхивала въ управленіе Перикла война съ спартанцами. Въ первый разъ она пошла было довольно выгодно для аѣинянъ, но они принуждены были закончить ее пятилѣтнимъ перемиріемъ (451), потому что разбросали свои силы, стали поддерживать возстаніе противъ персовъ въ Египтѣ и потеряли тамъ неудачу. Второе столкновеніе было, наоборотъ, въ пользу спартанцевъ; появился зловѣщій для Аѣинъ признакъ — возстали союзные города на Эвбей, и Спартанцы благодаря этому сильно стѣснили Аѣинянъ. Въ 445 году удалось, однако, заключить перемиріе на 30 лѣтъ. Периклъ воспользовался перерывомъ, чтобы поправить дѣла въ союзѣ. Въ 440 году онъ подавилъ возстаніе на островѣ Самосѣ. Въ тридцатыхъ годахъ собралось опять столько горячаго матеріала, что война должна была возобновиться еще до истеченія срока тридцатилѣтняго перемирія. Повсюду стаялись интересы противниковъ. Соединивъ подъ своею властью греческій востокъ, аѣиняне начали обращаться на западъ и завязывать сношенія въ Сициліи и Южной Италіи, гдѣ до тѣхъ поръ преобладало дорическое племя. Аѣиняне поддерживали ахейскіе и

*См. в. н. п.
Пелопоннес
в. н. п.
451
д. н. п. Коринт
445
440*

443.

ионійскіе города въ Сициліи протпвъ дорическихъ Сиракузъ, основали колонію Эуріи въ Великой Греціи, а главное, приняли подъ свое покровительство коринескую колонію Керкиру, у Иллирійскаго берега, которая давно уже сбросила власть метрополіи, и въ концѣ тридцатыхъ годовъ вступила съ ней въ открытую войну. Съ другой стороны, коринѣяне вызвали возстаніе союзной аеивянамъ Потидеи во Эракіи. На перешейкѣ — Мегара примыкала то къ Спартѣ, то къ Аеинамъ, а въ Эотіи началась война между Платеей, которая придерживалась Аеинъ, и Эивами, сгоявшими на сторонѣ Спарты.

431. Въ 431 году произошелъ разрывъ между главными государствами: началась пагубная пелопоннесская война.

Война до Нинива мира.

Военныя дѣйствія пошли согласно плану Перикла: спартанцы ежегодно вступали въ Аттику, опустошали страну и загоняли ея населеніе въ городъ; аеивяне дѣлали высадки по берегамъ Пелопоннеса. Осуществленіе плана оказалось, однако, очень тягостнымъ: среди скучившагося въ Аеинахъ и размѣщеннаго кое-какъ населенія началась чума, которая уносила тысячи жертвъ; въ городѣ господствовалъ страхъ и распущенность отчаянія; роптали, что Периклъ безъ пользы губить множество людей, которымъ лучше было бы умереть въ сраженіи. Враги Перикла воспользовались этимъ неудовольствіемъ. Его ненавидѣли какъ аристократы, такъ и нѣкоторые члены демократической партіи, завидовавшіе его вліянію. Уже нѣсколько разъ противъ его друзей возбуждали недѣльные обвиненія: философъ Анаксагоръ бѣжалъ изъ Аеинъ, Фидій самъ наложилъ на себя руку въ тюрьмѣ. Наконецъ, рѣшились выступить противъ самого Перикла. Его обвинили въ казнокрадствѣ, и судъ приговорилъ его къ большому штрафу. Вскорѣ послѣ этого позорнаго рѣшенія народъ одумался. Перикла вновь выбрали въ стратеги, но ему уже не суждено было продолжать начатое дѣло: въ 429 году его сразила чума.

429.

Руководство демократіей перешло, главнымъ образомъ, къ Клеону, человѣку грубому и постоянно подстрекавшему къ насилію. *Онъ не ходилъ самъ въ походы, а своими рѣчами и предложеніями въ собраніи и совѣтѣ возбуждалъ народъ противъ полководцевъ.* Онъ постоянно доказывалъ, что война ведется недостаточно энергично. Подъ его вліяніемъ взносы съ союзниковъ были удвоены, на самихъ гражданъ наложена подать.

Скоро появились опять признаки, что на союзниковъ расчи-

тывать нельзя: возсталъ важный островъ Лесбось. Когда бунтъ былъ подавленъ, Клеонъ потребовалъ, чтобы перерѣзали все мужское населеніе, и добился было своего; только на другой день умѣренной партіи удалось выхлопотать, чтобы казнили лишь 1000 человекъ.

Въ 425 году на долю аѳинянъ выпала удача: одинъ изъ ихъ стратеговъ, Демосѳенъ, занялъ Пилось въ Мессеніи, а это сейчасъ же отозвалось бунтами мессенцевъ и гелотовъ. Спартанцы еще ухудшили дѣло, пославъ отрядъ на островъ Соактерію, у входа въ Пилосскую гавань. Аѳиняне разбили пелопоннескій флотъ и отрѣзали спартанскій отрядъ; затѣмъ, такъ какъ Клеонъ утверждалъ, что стратеги затягиваютъ дѣло, что съ запертыми спартанцами давно можно было бы покончить, народъ отправилъ его самого на Соактерію. Спартанцы къ этому времени были доведены до послѣдней крайности, и остатки ихъ, дѣйствительно, сдались Клеону. Взято было всего 120 человекъ, но они принадлежали къ самымъ вліятельнымъ спартанскимъ семьямъ, и аѳиняне держали ихъ, какъ заложниковъ. Спартанцы принуждены были прекратить набѣги на Аттику и ограничались посылкой полководца Брасида во Фракію. Брасидъ оказался замѣчательнымъ воиномъ. Онъ поднялъ многіе фракійскіе города противъ Аѳинъ и взялъ ихъ главный опорный пунктъ—Амфиполисъ. Противъ него отправился Клеонъ, который послѣ соактерійской удачи воображалъ себя настоящимъ полководцемъ. Брасидъ разбилъ аѳинское войско, но въ битвѣ и онъ, и Клеонъ пали. Неудача спартанцевъ при Соактеріи съ одной стороны, разстройство аѳинской власти во Фракіи, съ другой, склоняли обѣ стороны къ замиренію. Въ 421 году былъ заключенъ Никіевъ миръ на условіи возстановленія положенія, въ которомъ находились обѣ стороны до войны.

Но миръ этотъ былъ очень непроченъ. При возвращеніи занятыхъ противниками городовъ обѣ стороны старались обмануть другъ друга. Особенно обострились отношенія, когда въ Аѳинахъ послѣ Клеона любимцемъ народа сдѣлался Алкивиадъ. Онъ былъ молодъ, красивъ, необыкновенно талантливъ, но не имѣлъ никакихъ убѣжденій и выше всего ставилъ выгоду и славу собственной личности. Онъ мечталъ о блестящихъ побѣдахъ и потому подбивалъ аѳинскій народъ возобновить войну. Для начала онъ въ са-

425.

Демосѳенъ

Никіевъ миръ
421.

Алкивиадъ и Сицилійскій походъ.

С

момъ Пелопоннесъ возстановилъ противъ спартанцевъ Аргось и нѣкорыя аркадскія общины. Спартанцы разбили возставшихъ, но эта неудача не остановила Алкивіада отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Онъ уговорилъ аѣинянъ затѣять рискованный походъ противъ Сиракузъ, рассчитывая этимъ начать завоеваніе Запада. *Попытка эта совершенно противорѣчила плану Перикла, который предостерегалъ отъ постороннихъ и слишкомъ дальнихъ предпріятій.* Замыселъ былъ, однако, очень привлекателенъ для аѣинянъ, которые не любили дѣйствовать слишкомъ осторожно и медленно. Они снарядили большое войско и флотъ и назначили Алкивіада начальникомъ экспедиціи (415). Передъ самымъ отплытіемъ случилось дѣло, которое сразу охладило ихъ воинственный пылъ. Въ темную ночь неизвѣстные злоумышленники перебили статуи Гермеса, стоявшія на перекресткахъ улицъ. Народъ взволновался: такое святотатство казалось дурнымъ предзнаменованіемъ и обличало присутствіе въ средѣ гражданъ людей беззаконныхъ и невѣрующихъ. Началось слѣдствіе, и стали, между прочимъ, высказывать подозрѣнія на самого Алкивіада, извѣстнаго своимъ вольнодумствомъ. Его, однако, отпустили вмѣстѣ съ экспедиціей, но, по его отплытіи, многочисленныя враги и завистники повели противъ него дѣло такъ искусно, что за нимъ была послана тріера съ приказаніемъ сложить командованіе и вернуться на судъ въ Аѣины. Алкивіадъ не подчинился приказанію и бѣжалъ въ Спарту.

Въ его отсутствіе сицилійская экспедиція пошла плохо. Въ Сиракузахъ сопротивленіе было организовано спартанцемъ Гилиппомъ. Сообщенія съ Аѣинами были затруднительны. Туземное населеніе внутри страны сочувствовало аѣинянамъ, но они не сумѣли воспользоваться, какъ слѣдуетъ, его помощью. Между стратегами — осторожнымъ Никіемъ, неохотно принявшимъ участіе въ походѣ, и предприимчивымъ Демосеевомъ — не было согласія. Дѣло кончилось полнымъ крушеніемъ. Сиракузянамъ удалось преградить аѣинскому флоту выходъ изъ гавани въ море. Сухопутное войско сдѣлало попытку отступить внутрь страны, но вслѣдствіе, суевѣрія Никія, испугавшагося луннаго затменія, отступление было предпринято слишкомъ поздно, — когда сиракузяне уже успѣли занять горныя ущелья на пути. Послѣ цѣлаго ряда изнурительныхъ битвъ и маршей, аѣинское войско сдалось Гилиппу. Съ плѣн-

ными поступили чрезвычайно жестоко: большая часть была загнана въ каменоломни, гдѣ и погибла отъ лишений и болѣзней, а нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ полководцевъ, казнили (413). Аѣины потеряли въ этомъ несчастномъ походѣ 10,000 однихъ гоплитовъ, не говоря о легковооруженныхъ и матросахъ. А въ то же самое время Спарта воспользовалась совѣтами Алкивіада и начинала рѣшительныя дѣйствія. Пелопоннесцы заняли Декелею въ Атигѣ, укрѣпились тамъ и не оставляли въ покоѣ населенія, которое принуждено было искать безопасности за аѣинскими стѣнами. Затѣмъ они заключили союзъ съ персами, чтобы получить отъ нихъ то, чего до сихъ поръ имъ не доставало—деньги и корабли.

Народъ въ Аѣинахъ палъ духомъ. Аристократическая партия, которая казалась совѣтмъ уничтоженной, подняла голову. Вездѣ говорили, что вина въ плохомъ веденіи дѣлъ падаетъ на демократію: масса народа не имѣетъ достаточной подготовки, чтобы управлять государствомъ; она поддается вліянію льстивыхъ и безчестныхъ демагоговъ ¹⁾, которые подстрекаютъ ее къ опрометчивымъ рѣшеніямъ. *Отчаяніе аѣинянь было такъ велико, что въ 411 году они почти безъ сопротивленія поддались олигархическому заговору.* Народное собраніе само отреклось отъ демократіи и передало власть въ руки комиссіи, которая должна была выработать новое устройство. Совѣтъ 500 былъ распущенъ, а вмѣсто него составленъ совѣтъ 400, сосредоточившій всѣ дѣла въ своихъ рукахъ. Число гражданъ, имѣвшихъ право участвовать въ народномъ собраніи, было ограничено 5000 наиболѣе достаточныхъ, да и тѣхъ не созывали. Всѣмъ управляло нѣсколько человекъ олигарховъ (Писандръ, Фринихъ, Антифонъ, Ферамевъ). Непріятныхъ людей казнили или просто убивали.

Такой порядокъ долго держаться не могъ. Олигархи не имѣли подъ собой иной почвы, кромѣ временнаго страха аѣинянь. Уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ свергло сухопутное войско, а флотъ, стоявшій у острова Самоса, съ самаго начала отказался повиноваться ихъ приказаніямъ, выбралъ собственныхъ стратеговъ и пригласилъ Алкивіада. Возвращеніе послѣдняго было ознаменовано нѣсколькими побѣдами надъ Пелопоннесскимъ флотомъ. Уже въ 409 году де-

Гереоропы въ Аѣинахъ.
Велл...
411.
409

¹⁾ Вожаки народа

мократія была вполнѣ восстановлена въ Аѣинахъ, и Алквивіада съ триумфомъ встрѣтили въ городѣ. Но достаточно было одной военной неудачи, чтобы опять совершенно испортить настроеніе аѣинянъ и лишить ихъ благоразумія. Въ отсутствіе Алквивіады, начальствовавшій вмѣсто него полководецъ потерпѣлъ поражение: аѣиняне разгнѣвались на самого Алквивіады, и онъ долженъ былъ вторично бѣжать.

Конецъ войны.

Послѣ этого дѣла пошли все хуже и хуже. Союзники, много натерпѣвшіеся отъ Аѣинъ, отставали одинъ за другимъ; пелопоннесскій флотъ, во главѣ котораго сталъ искусный полководецъ Лисандръ, сильно тѣснилъ аѣинскія суда; малоазіатскій сатрапъ, Киръ Младшій, ревностно поддерживалъ спартанцевъ, въ надеждѣ такимъ путемъ вернуть потерянное въ персидскихъ войнахъ. Еще разъ улыбнулось аѣинянамъ счастье, но они очень дурно имъ воспользовались. На выручку отряда, запертаго пелопоннесцами у Лесбоса, былъ посланъ снаряженный изъ послѣднихъ средствъ флотъ, который разбилъ непріятеля въ сраженіи при Аргинузскихъ островахъ (406). Казалось, слѣдовало радоваться такому успѣху. Но стратеги не успѣли похоронить убитыхъ и подобрать раненыхъ на разбитыхъ тріерахъ, такъ какъ спѣшили къ Лесбосу, а оставленные именно для этихъ цѣлей суда не исполнили порученія вслѣдствіе поднявшейся бури. Народъ былъ до крайности раздраженъ противъ стратеговъ: непочтеніе къ мертвымъ было въ его глазахъ еще болѣе тяжелой виной, чѣмъ невниманіе къ раненымъ. Родственники убитыхъ требовали мести, такъ какъ души, оставшіяся безъ погребенія, должны были, по тогдашнимъ воззрѣніямъ, блуждать безъ успокоенія близъ входа въ подземное царство. Подъ вліяніемъ религіознаго негодованія народъ дѣйствовалъ до крайности несправедливо. Въ дѣлѣ стратеговъ всѣ законныя формы были нарушены, противорѣчіе отдѣльныхъ членовъ народнаго собранія и, между прочимъ, предсѣдательствовавшаго въ немъ Сократа было устранено насиліемъ, и стратеги осуждены на казнь. Народъ одумался, когда полководцы были уже казнены.

406.

Исходъ аргинузскаго дѣла показывалъ, что аѣинская демократія была совершенно разстроена измучительной войной. Ей вообще было трудно самой руководить военными предпріятіями, а между тѣмъ она не могла и не хотѣла никому

довѣрить руководства. При этихъ условіяхъ стратеги дѣйствовали вяло, неохотно и несогласно. Въ 405 году Лисандръ застигъ аѳинянь врасплохъ у мѣстечка Эгоспотамось, на берегу Геллеспонта, и разбилъ ихъ наголову, а въ 404 году онъ голодомъ вынудилъ къ сдачѣ и самый городъ. Условія мира были тяжелы: распушеніе союза, срытіе стѣнъ, выдача флота, за исключеніемъ 12 триеръ. Такой исходъ войны объясняется не только неудачей рискованнаго сицилійскаго предпріятія, вмѣшательствомъ персовъ, измѣной дурно расположенныхъ къ Аѳинамъ союзниковъ, военною выдержкою спартанцевъ: несомнѣнное вліяніе имѣло *постоянное вмѣшательство въ дѣла демократическаго собранія*, мало пригоднаго для руководства военными дѣйствіями, и *нравственный упадокъ*, быстро наступившій въ малочисленномъ классѣ гражданъ послѣ необыкновеннаго умственного и нравственного возвышенія.

Глава IX.

ПРЕОБЛАДАНІЕ СПАРТЫ И ФІВЪ.

Пелопоннесская война навсегда уничтожила, если не живучесть, то могущество Аѳинъ. Чѣмъ ниже онѣ пали, тѣмъ болѣе выдвинулась Спарта. У ней болѣе не было соперниковъ въ Греціи. Все греческія государства признали ея гегемонію, и повсюду она учредила или укрѣпила олигархическое управленіе. Въ Аѳинахъ власть попала въ руки такъ называемыхъ *тридцати тиранновъ*, съ Критіемъ и Фераменомъ во главѣ; въ другихъ важнѣйшихъ городахъ прежняго аѳинскаго союза были учреждены *декархїи*, правленія десяти. Вездѣ начались казни, преслѣдованія, конфискаціи ¹⁾ имущества. Спартанскіе гарнизоны и спартанскіе гармосты поддерживали порядокъ. Но была ли способна Спарта руководить дѣлами греческаго міра? У ней хватило силы разрушить аѳинское государство, но предстояла болѣе трудная задача создать свое собственное. А между тѣмъ, *война страшно изжирила этотъ городъ*. Число полноправныхъ гражданъ уменьшилось до какихъ-нибудь двухъ тысячъ семействъ, кото-

¹⁾ Отобраніе въ казну.

ря ревниво оберегали свои преимущества и ничего не дѣлали, чтобы пополнить свои ряды и поднять благосостояніе другихъ классовъ общества. *Въ сношеніяхъ съ городами проявлялась только дерзкая сила:* слово спартіата признавалось закономъ, даже если онъ былъ частный человѣкъ, безъ всякой должности или порученія.

Получивъ наслѣдство Аѳинъ, Спарта принуждена была принять на себя и продолженіе ихъ восточной политики. Конецъ пелопоннесской войны сблизилъ ее съ малоазіатскимъ сатрапомъ, Киромъ Младшимъ, безъ помощи котораго едва ли удалось бы справиться съ аѳинскимъ флотомъ. Опираясь на спартанцевъ, Киръ набралъ значительный отрядъ греческихъ наемниковъ и рѣшился на смѣлое дѣло. Онъ возсталъ противъ своего брата, Артаксеркса, и двинулся вглубь Азіи отнимать у него царство. Вблизи Вавилона, при Кувакѣ, произошло сраженіе, въ которомъ Киръ былъ убитъ. Его войско сразу распалось, и греки, побѣдившіе на своемъ крылѣ, оказались одни. Въ довершеніе опасности, персидскій полководецъ, Тиссафернъ, подъ предлогомъ переговоровъ, заманилъ греческихъ начальниковъ въ засаду и перерѣзалъ ихъ. Въ этомъ отчаянномъ положеніи греки еще разъ блестящимъ образомъ доказали несравненное преимущество своего военнаго строя надъ азіатскимъ. Черезъ всю переднюю Азію, отъ Вавилона до Трапезунта на Черномъ морѣ, прошли они, пролагая себѣ путь среди мало извѣстныхъ странъ и враждебныхъ племенъ и постоянно отбиваясь отъ наслѣдовавшаго на нихъ персидскаго войска (401). Одинъ изъ ихъ вождей, аѳинянинъ Ксенофонтъ, описалъ этотъ подвигъ „десяти тысячъ“ въ своемъ Анабасѣ (отступленіе).

401.

Побѣда Артаксеркса надъ Киромъ, преслѣдованіе греческихъ наемниковъ, нападенія персовъ на малоазіатское побережье поставили персидскаго царя лицомъ къ лицу со спартанцами. Послѣдніе выслали царя Агесилая въ Азію, и онъ оказался достойнымъ продолжателемъ Кимона. Онъ одержалъ надъ персами рядъ побѣдъ, возстановилъ греческое господство вдоль берега и приготовлялся уже двинуться внутрь страны. Но персы нашли средство остановить его: въ тылу у него, въ самой Греціи, они устроили союзъ враждебныхъ Спартѣ городовъ и оказали имъ дѣятельную поддержку деньгами и флотомъ.

Возстановленіе
самостоятельно-
сти городовъ.

Тотчасъ послѣ окончанія пелопоннесской войны началась въ греческихъ городахъ сначала глухая, а затѣмъ открытая борьба противъ Спарты. Фивы, до тѣхъ поръ постоянно державшія ея сторону, испугались за свою независимость и дали убѣжище покинувшимъ Аѳины демократамъ. Уже въ 403 году эти изгнанники, подъ начальствомъ Фрасибула, вторглись

403.

въ Аттику, гдѣ тридцать тиранновъ свирѣпствовали съ постоянно возрастающей жестокостью. Такъ какъ между самими олигархами начались раздоры, и приверженецъ крайнихъ мѣръ, Критій, погубилъ вождя болѣе умѣренныхъ— Θерамена, то Θрасибулъ и его товарищи безъ особеннаго труда справились съ тираннами и восстановили въ Аѣинахъ демократію. Спартанцы не сочли нужнымъ вмѣшаться, потому что хотѣли избѣжать новой войны въ Греціи; но эта неожиданная уступчивость только ободрила ихъ противниковъ, и въ 395 году въ союзъ съ персами противъ нихъ вступили Аѣины, Θивы, Аргосъ и даже Коринѣъ. Спарта была спасена Агесилаемъ, но ея гармостовъ и друзей, олигарховъ, прогнали отовсюду, ея флотъ былъ разбитъ персами, которыми руководилъ одинъ изъ аѣинскихъ стратеговъ пелопоннеской войны, Кононъ, а на перешейкѣ, близъ Коринѣа, затянулась утомительная война, въ которой успѣхи одерживала то одна, то другая сторона. Спартанцы сочли себя счастливыми, когда, при этихъ условіяхъ, имъ удалось добиться такъ называемаго Анталкидова мира (387); *всѣ греческія городскія общины были объявлены самостоятельными, греческія колоніи въ Азіи уступлены персидскому царю; новый порядокъ поставленъ подъ охрану Спарты и покровительство великаго царя*. Результатъ семнадцатилѣтняго спартанскаго господства получился неслыханно-позорный: *побѣдителями изъ греческихъ войнъ вышли персы*. Они почти безъ бою добились того, чего не достигли Дарій и Ксерксъ при напряженіи всѣхъ силъ: восточныя колоніи были возвращены въ составъ царства, а въ европейской Греціи признано, если не господство, то преобладаніе персовъ.

395.

387.

И все-таки спартанцы считали этотъ миръ выгоднымъ, потому что онъ давалъ имъ возможность вмѣшиваться въ дѣла городовъ, подъ предлогомъ поддержки чьей-нибудь самостоятельности. Въ 382 году они измѣной захватили крѣпость Кадмею, въ Θивахъ, устроили въ городѣ излюбленную олигархію и считали, что имъ удалось избавиться отъ опаснаго противника, который помѣшалъ имъ воспользоваться въ полной мѣрѣ послѣдствіями Пелопоннеской войны; но какъ разъ это новое насиліе сдѣлалось для нихъ источникомъ великихъ бѣдствій.

382.

Возвышеніе
Фивъ.

379.

Какъ Фивы послѣ взятія Аѳинъ приняли Трасибула и его товарищей, такъ Аѳины теперь дали убѣжище изгнаннымъ изъ Фивъ патріотамъ. Въ 379 году Пелопидъ и еще нѣсколько еиванскихъ изгнанниковъ пробрались домой. Переодѣвшись танцовщицами, они проникли въ домъ, гдѣ пировали олигархи, и убили ихъ. Спартанскій гарнизонъ сдалъ Кадмею подъ условіемъ свободнаго пропуска въ Спарту. Аѳиняне воспользовались неудачей своихъ враговъ, чтобы устроить второй союзъ, къ которому они привлекли важнѣйшіе острова Эгейскаго моря. Но пока спартанцы сохраняли свое первенство на сушѣ, всѣ попытки стряхнуть ихъ гегемонію имѣли весьма непрочные результаты. Фиванцамъ удалось разрушить славу непобѣдимости спартанскихъ голпитовъ. Въ 371 году, при Левктрахъ, въ Бѳотіи, еиванское войско, подъ предводительствомъ Эпаминонда, разбило на голову спартанскую армию, несмотря на ея численный перевѣсъ. Это было событіемъ необыкновенной важности. *Оказалось, что распавшаяся и вымирающая гражданская община Спарты не въ состояніи была поддерживать на прежней высотѣ и численности товарищество своихъ голпитовъ.* А еиванцы, храбрые и сильные, какъ всѣ греки, но ничѣмъ инымъ не отличавшіеся, имѣли въ своемъ Эпаминондѣ полководца, который сумѣлъ усовершенствовать боевой строй фаланги. Онъ усилилъ ее для наступательнаго удара тѣмъ, что увеличилъ число рядовъ одного ея крыла, которое шло впередъ, между тѣмъ какъ болѣе слабое крыло нѣсколько отставало.

371.

382.

Пораженіе спартанцевъ было началомъ еиванскаго преобладанія. Нѣсколько разъ дѣлалъ Эпаминондъ походы въ самый Пелопоннесъ, и только военное искусство Агесилая помѣшало ему взять Спарту. Въ 362 году произошло второе генеральное сраженіе между еиванцами и спартанцами при Мантинеѣ, въ Аркадіи. Эпаминондъ былъ смертельно раненъ во время битвы, но спартанцы были опять разбиты. *Постояннымъ результатомъ походовъ Эпаминонда было освобожденіе Мессеніи, образованіе союза аркадскихъ городовъ и окончательное уничтоженіе могущества Спарты.* Но, вмѣстѣ съ этимъ замѣчательнымъ полководцемъ, еиванцы потеряли главное условіе своихъ успѣховъ. Причиной ихъ побѣдъ былъ временный подъемъ духа и случайный талантъ предводителя. Руководить Греціей имъ было еще менѣе подъ силу, чѣмъ Спартѣ.

Глава X.

МАКЕДОНСКАЯ МОНАРХІЯ.

Фиванцы не обратили достаточнаго вниманія на образованіе въ Сѣверной Греціи новой силы, которая угрожала безопасности всего полуострова. Во время пелопоннесской войны македонскій народъ, смѣсь иллирійскихъ и еракійскихъ варваровъ съ греками, началъ выходить изъ состоянія дикости и вмѣшиваться въ греческія дѣла. Пастушескій бытъ, господствовавшій въ горахъ Македоніи, сталъ мало-по-малу уступать мѣсто земледѣлію; значительное культурное вліяніе оказывали греческіе города на халкидійскомъ полуостровѣ. Управляли Македоніей наслѣдственные цари изъ греческой династіи, которая вела свой родъ отъ аргосскихъ Гераклидовъ. Но власть царей была незначительна: имъ приходилось бороться съ непослушными вождями отдѣльныхъ областей; да и въ самомъ царскомъ домѣ постоянно происходили раздоры. Новая эпоха наступила для Македоніи съ 359 года, когда царемъ сдѣлался сынъ Аминта II, Филиппъ. Онъ получилъ хорошее греческое образованіе въ Фивахъ, гдѣ жилъ заложникомъ, въ домѣ Эпаминонда. Отношенія между эллинскими городами, ихъ слабости были ему хороію извѣстны; онъ внимательно присмотрѣлся къ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ въ военномъ дѣлѣ, которыми было такъ же богато время послѣ пелопоннесской войны, какъ оно было бѣдно въ политическомъ отношеніи. Главное, онъ обладалъ хитростью, умѣньемъ пользоваться всякимъ средствомъ и цѣпкою волею, которая, несмотря на проволочки и неудачи, никогда не сбивалась съ пути къ разѣ намѣченной цѣли.

Въ Македоніи Филиппъ быстро одолѣлъ всѣхъ своихъ противниковъ и прочно укрѣпилъ власть. Онъ много сдѣлалъ для того, чтобы поднять благосостояніе и образованіе населенія, но главная забота его была обращена на подготовку первоклассной арміи. Въ рукахъ македонскаго царя греческій строй не могъ быть гражданскимъ ополченіемъ: Филиппъ завелъ постоянное войско, набирая добровольцевъ изъ воинственной македонской молодежи. Уже греческіе наемники показали, до какого боевого совершенства могутъ достигнуть солдаты-

Филиппъ Ма-
кедонскій.

359.

спеціалісты ¹⁾. Спеціальная подготовка македонской арміи усиливалась тѣмъ, что Филиппъ развилъ далѣе мысль Эпаминонда и преобразовалъ фалангу: чтобы довести до величайшей степени силу этой сплошной и тяжелой массы, онъ строилъ ее *глубокимъ четырехугольникомъ*, причемъ число стоящихъ другъ за другомъ рядовъ иногда умножалось до двадцати пяти; а вооружилъ онъ людей длинными пиками (сариссы), вмѣсто короткаго копья, такъ что получился густой лѣсъ пикъ, который невозможно было разбить съ фронта. Слабыми мѣстами фаланги были тылъ и бока; затѣмъ она была неповоротлива и могла двигаться только по ровной мѣстности. Для содѣйствія ей и пополненія ея Филиппъ обратилъ большое вниманіе на улучшение конницы и легкой пѣхоты.

Греки дали ему время устроить свое государство и войско. Аѳиняне прежде другихъ почувствовали измѣненіе, совершившееся на сѣверѣ. Они показали свою живучесть, быстро поправившись матеріально послѣ пелопоннесской войны. Въ пятидесятыхъ годахъ IV вѣка ихъ финансы были въ блестящемъ состояннн, несмотря на то, что острова Эгейскаго моря отложились отъ союза. *Но въ городѣ господствовало малодушное настроеніе, мало похожее на гражданскую доблесть V вѣка.* Народъ выше всего ставилъ матеріальное благосостояніе и удовольствія. Образованъ былъ, какъ при Периклѣ, постоянный государственный фондъ, но то былъ запасъ не на военныя надобности, а для покрытія расходовъ на празднества, и народъ враждебно относился ко всякой попыткѣ употребить часть этихъ денегъ на другія цѣли.

Пользуясь борьбой аѳинянъ съ островами, Филиппъ захватилъ большую часть союзныхъ съ ними городовъ эракійскаго побережья (Амфиполисъ, Потидею и др.). Затѣмъ ему представился случай вмѣшаться въ дѣла Фессаліи и Средней Греціи. Фокейцы ограбили дельфійскій храмъ и, благодаря его сокровищамъ, образовали значительную военную силу, съ которой не могъ справиться никто изъ сосѣдей. Когда фокейцы вторглись въ Фессалію, большая часть фессалійцевъ призвала на помощь Филиппа, который сначала также дѣйствовалъ неудачно, но, въ концѣ концовъ, добился своего и нанеся фокейскому войску рѣшительное пораженіе. Онъ уже приготовлялся пройти черезъ Фермопильскій

¹⁾ Спеціалістъ—человѣкъ, который всецѣло посвящаетъ себя одному какому-нибудь дѣлу.

проходъ въ Фокиду, но тутъ афиняне оказали ему неожиданное и рѣшительное сопротивленіе. Они наскоро выслали флотъ, который помѣшалъ царю занять Термопилы. Отвѣтомъ Филиппа было нападеніе на главный оплотъ афинскаго вліянія во Фракіи—могущественный Олинѣъ. Тѣ же афиняне, которые такъ энергично загородили дорогу въ Среднюю Грецію, плохо поддержали Олинѣъ. Величайшій ораторъ Греціи, Демосеенъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы разъяснить своимъ согражданамъ, какое имъ грозитъ страшное бѣдствіе, какъ непослѣдовательностью, случайностью своихъ дѣйствій они уступаютъ позицію за позиціей коварному врагу, который не дремлетъ ни минуты, не пропускаетъ ни одной ошибки, не воспользовавшись ею. Народное собраніе то слушалось Демосеена, то отклонялось въ сторону подъ вліяніемъ его противниковъ, — талантливаго, но подкупленнаго македонянами Эсхина, и безукоризненно честнаго Фокіона, считавшаго городъ неспособнымъ сопротивляться Филиппу. Олинѣу помогали, но не энергично, и онъ палъ послѣ храбраго сопротивленія. Вскорѣ послѣ этого Филиппу удалось сдѣлать еще болѣе важный ходъ въ игрѣ. Успокоивъ афинянъ заключеніемъ съ ними мира, онъ стянулъ войска и прошелъ черезъ Термопилы. Благовиднымъ поводомъ къ этому послужило вмѣшательство въ священную войну изъ-за Дельфы, которая все еще тянулась между аиванцами и фокейцами. Обладая проходомъ, онъ могъ вступить въ Среднюю Грецію, когда ему будетъ удобно и угодно. Нѣсколько лѣтъ прошло въ приготовленіяхъ и дипломатическихъ дѣйствіяхъ. Когда Филиппъ принялся за покореніе послѣднихъ находившихся въ союзѣ съ Афинами сѣверныхъ городовъ и потерпѣлъ неудачу, онъ опять вмѣшался въ среднегреческія распри, и опять подъ благовиднымъ предлогомъ заступничества за Дельфу—на этотъ разъ противъ локровъ.

Энергіи Демосеена удалось, наконецъ, убѣдить афинянъ и Борьба съ Аиванцами. аиванцевъ въ необходимости забыть вражду и соединиться противъ общаго непріятели. Но было уже поздно. Несмотря на отчаянную храбрость союзниковъ, ихъ гражданскія ополченія не выдержали борьбы съ закаленными въ постоянныхъ войнахъ солдатами Филиппа. При Херонеѣ, въ Бѣотіи, онъ одержалъ полную побѣду (338). Но онъ воспользовался ею 338. очень мягко. *Вмѣсто того, чтобы наказывать и притѣснять, онъ поставилъ себѣ новую, великую цѣль, которая была намѣчена греческой исторіей и должна была примирить грековъ съ утратой самостоятельности: на съѣздѣ посланцевъ отъ греческихъ городовъ въ Коринѣъ онъ предложилъ начать походъ противъ Персіи. Города согласились выставить вспомогательные отряды и выбрали македонскаго царя начальникомъ общаго войска. Это былъ послѣдній искусный шагъ*

Филиппа. Но, во время приготовлений къ персидскому походу его убилъ изъ личной мести одинъ изъ его тѣлохранителей (336).

Македонскому парю удалось дѣло, котораго не въ состояннн были исполнить сами греки: *онъ объединилъ Элладу*, хотя и насильно. Поэтому многіе передовые умы примирялись въ Греціи съ первенствомъ царя варваровъ. Аѳинскій ораторъ, Исократъ, привѣтствовалъ его, какъ освободителя отъ мелкихъ раздоровъ и избраннаго судьбою вождя въ борьбѣ съ Персіей. Да и то обстоятельство, что Филиппъ стоялъ во главѣ македонскаго государства, было важнымъ признакомъ будущаго: варварское населеніе Македоніи прониклось греческими обычаями, воспитаніемъ, приняло изъ Греціи основы своего военнаго устройства: Македонія не сдѣлалась, правда, вполне эллинской областью, но *она была первымъ эллинистическимъ государствомъ*, т. е. страной варваровъ, принявшей греческую культуру.

Александръ
Великій.

Послѣ смерти Филиппа, на македонскій престолъ вступилъ его двадцатилѣтній сынъ, Александръ. Онъ получилъ греческое образованіе подъ руководствомъ великаго философа Аристотеля и рано обнаружилъ необыкновенныя дарованія. Восемнадцати лѣтъ онъ уже командовалъ цѣлымъ крыломъ македонскаго войска при Херонеѣ и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ побѣдѣ. Александръ былъ проникнутъ всѣми лучшими стремленіями и поученіями греческаго прошлаго: его любимымъ героемъ былъ Ахиллъ, которому досталась ранняя слава и смерть. Съ другой стороны, онъ чувствовалъ себя прирожденнымъ властителемъ, не признавалъ невозможнаго и привыкъ моментально приводить въ исполненіе свою волю. Спокойствіе было невыносимо и вредно для этой огненной натуры: несравненная быстрота и рѣшительность дѣйствія составляли ея жизнь.

Первыя мѣры Александра были направлены къ тому, чтобы обезпечить порядокъ на Балканскомъ полуостровѣ. Короткій походъ къ Дунаю усмирилъ еракійскихъ варваровъ. Извѣстіе объ убійствѣ Филиппа и распространившійся ложный слухъ о смерти Александра взволновали грековъ: новый македонскій царь показалъ имъ, что не уступаетъ отцу. Онъ внезапно появился въ Бѳотіи, разбилъ возставшихъ и для острастки разрушилъ Фивы. Позаботившись о спокойствіи

въ тылу, онъ стаялъ македонскія и греческія войска, всего 36.000 человекъ, и черезъ Галлеспонтъ переправился въ Азію (334).

Нѣкоторыя условія похода были благопріятны, а другія невыгодны. Александръ располагалъ лучшей въ тогдашнемъ мѣрѣ арміей и шелъ противъ царства, состоявшаго изъ плохо соединенныхъ областей съ ослабѣвшимъ правительствомъ. Отступление десяти тысячъ и походъ Агесилая показали, что могли сдѣлать среди этой рыхлой массы небольшіе греческіе отряды, руководимые искусными полководцами. Но были и затрудненія. Не говоря уже о рискованности похода въ неизвѣданную глубину Азіи,—приходилось считаться съ присутствіемъ на персидской службѣ очень значительнаго числа храбрыхъ и хорошо обученныхъ греческихъ войскъ; наемниковъ этихъ было тысячъ тридцать, и ими начальствовалъ опытный воинъ — Мемнонъ. Наконецъ, благодаря пелопоннесской войнѣ и послѣдующимъ событіямъ, персы, т. е. въ сущности финикияне, опять господствовали на морѣ.

Тѣмъ не менѣе, Александръ смѣло двинулся въ Лидію, въ надеждѣ встрѣтиться съ персидскимъ войскомъ въ открытомъ полѣ. Мемнонъ совѣтовалъ персамъ избѣгать сраженія и затянуть македонянъ вглубь страны; персы его не послушали и попробовали защищать переходъ черезъ небольшую, но быструю рѣку Граникъ. Греческіе наемники держались хорошо, но атака македонской конницы разстроила азіатскія войска, и персы потерпѣли полное пораженіе. Александръ пошелъ вдоль берега Малой Азіи, занимая греческія колоніи. Только въ Галикарнасѣ онъ встрѣтилъ очень упорное сопротивленіе. Не смущаясь дѣйствіями азіатскаго флота, который отрѣзывалъ ему сообщеніе съ Европой, онъ обошелъ южный берегъ полуострова. Въ углу между Киликіей и сѣверной Сиріей, въ горной мѣстности Аманскаго хребта, онъ встрѣтилъ при Иссѣ главную персидскую армію подъ начальствомъ самого великаго царя, Дарія III, — и громадная разноплеменная толпа разсыпалась передъ македонской фалангой. Быстро заняли греки Сирію и Финикию. Тиръ защищался отчаянно и на семь мѣсяцевъ задержалъ побѣдителей. Отсюда Александръ двинулся въ Египетъ, который всегда ненавидѣлъ персовъ и тотчасъ подчинился ихъ врагамъ. Александръ

334.

Борьба съ персами.

Трессини

11/10/11

сумѣлъ расположить къ себѣ населеніе тѣмъ, что съ уваженіемъ отнесся къ египетской религиі. Онъ даже предпринялъ походъ чрезъ пустыню, чтобы посѣтить знаменитый храмъ Амона въ Сивахскомъ оазисѣ. Жрецы приняли его торжественно и объявили богомъ, сыномъ солнца. Изъ Египта Александръ двинулся въ Ассирію. При Гавгамелѣ его опять встрѣтила армія Дарія, состоявшая изъ лучшихъ персидскихъ и мидійскихъ войскъ. На этотъ разъ борьба была упорная, и дѣло рѣшилъ лично Александръ, бросившійся на персовъ во главѣ своей конницы во время бѣгства: Дарій былъ убитъ однимъ изъ своихъ сатраповъ, а побѣдитель безпрепятственно занялъ древнія столицы восточныхъ царей—Вавилонъ, Сузу и Персеполь. Въ послѣднемъ городѣ онъ захватилъ несмѣтную казну Дарія.

331

Восточная
монархія
Александра.

Этими событіями закончилась (331) борьба съ Персіей, и начинается новый періодъ въ дѣятельности Александра. *Онъ самъ сталъ персидскимъ царемъ и получилъ въ наследство отъ Ахеменидовъ опредѣленныя политическія обязанности и обычаи.* Ради укрѣпленія персидскаго царства онъ предпринялъ походъ къ сѣвернымъ и восточнымъ границамъ тогдашняго образованнаго міра. При постоянной тяжелой борьбѣ съ воинственными туземцами, онъ прошелъ до теперешняго текинскаго оазиса, Бухары и западнаго Туркестана. На мѣстѣ теперешняго Ходжента основалъ онъ „Крайнюю Александрію“—самое дальнее греческое поселеніе въ Центральной Азіи. Отсюда онъ черезъ Афганистанъ спустился къ Персидскому заливу и, по примѣру Дарія Гистаспа, двинулся въ Индію. Въ союзѣ съ однимъ изъ индусскихъ князей онъ разбилъ главнаго изъ пенджабскихъ влaстителей. Пора, и прошелъ до пустыни, составляющей водораздѣлъ между Индомъ и Гангомъ. Его намѣреніе было перебраться въ долину Ганга, но войско отказало ему въ повиновеніи: даже для этихъ закаленныхъ во всякихъ битвахъ и приключеніяхъ воиновъ дальнѣйшее движеніе на востокъ казалось невысказаннымъ. Несмотря на просьбы царя, солдаты настояли на возвращеніи. Александръ самъ понималъ, что онъ не можетъ вполне подчинить себѣ эти области, и, хотя учредилъ въ Индіи двѣ сатрапіи, но оставилъ власть пенджабскимъ князьямъ и удовольствовался признаніемъ своего покровительства. При возвращеніи Александръ послалъ свой флотъ подъ начальствомъ Неарха внизъ

по Инду, а самъ пошелъ сухимъ путемъ черезъ Гедрозію (теперь Белуджистанъ). Два мѣсяца шло войско по безводной пустынѣ и едва не погибло отъ жажды. Выходъ въ южную Персію и прибытіе Неархова флота были отпразднованы, какъ избавленіе отъ величайшихъ опасностей многотруднаго похода (325).

325

Дѣятельность Александра, какъ представителя великой азіатской монархіи, сопровождалась, естественно, глубокимъ измѣненіемъ въ самой постановкѣ его власти, въ отношеніи его къ своимъ государственнымъ задачамъ и къ подданнымъ. Онъ не могъ оставаться попрежнему только близкимъ къ солдатамъ полководцемъ, патриархальнымъ вождемъ Македоніи и выборнымъ предводителемъ грековъ. *Передъ нимъ склонился цѣлый міръ восточныхъ народовъ, привыкшіи смотрѣть на своихъ монарховъ, какъ на воплощеніе божественной силы.* Александръ находилъ удовлетвореніе въ этомъ обожаніи: подвиги его были такъ невѣроятны, онъ чувствовалъ себя настолько выше другихъ людей, что восточная оцѣнка его власти казалась ему естественной и правильной. Онъ сталъ при случаѣ надѣвать персидскую одежду и усыпанную драгоценными камнями тиару „великаго царя“, окружилъ себя многочисленнымъ придворнымъ штатомъ, сталъ требовать, чтобы, въ торжественныхъ случаяхъ, приближавшіеся къ нему падали на колѣни. Во время сѣвернаго похода онъ женился на дочери бактрскаго князя, а послѣ возвращенія изъ Индіи взялъ, кромѣ того, въ жены дочь Дарія. Всѣ эти порядки глубоко возмущали македонянъ и грековъ, которые ничего подобнаго не знали на родинѣ, смотрѣли на величіе Александра, какъ на дѣло рукъ своихъ, и нисколько не расположены были считать сына Филиппа воплощеніемъ божества. Вокругъ Филотаса, сына самаго заслуженнаго изъ македонскихъ полководцевъ, Парменіона, составился заговоръ, который Александръ подавилъ съ большою строгостью. Филотасъ и Парменіонъ поплатились за него жизнью. Другой македонскій вождь, спасшіи царя при Граникѣ, Клитъ, такъ раздражилъ Александра своими дерзкими словами на одномъ пиру, что тотъ собственноручно закололъ его. Но и помимо такихъ отдѣльныхъ столкновеній, во всей арміи стали проявляться утомленіе постоянными походами и духъ неповиновенія. Дѣ-

ло дошло до открытаго возстанія солдатъ, послѣ котораго значительная часть этихъ ветерановъ ¹⁾ была распушена.

Внутренняя
политика
Александра.

Хотя Александра можно было упрекнуть въ томъ, что онъ измѣнилъ свой образъ дѣйствій и жизнь, но никто не могъ бы ему поставить въ вину бездѣятельность. И по возвращеніи изъ походовъ онъ продолжалъ неустанно работать: одинъ за другимъ возникали въ его воображеніи широкіе планы, и онъ немедленно приступалъ къ ихъ исполненію. *Смѣненіе востока и запада, проникновеніе персидской монархіи греческимъ духомъ и порядками — составляло теперь его главную и неотступную заботу.* Женившись на дочери персидскаго царя, онъ устроилъ по этому случаю въ Экбатанѣ необыкновенное празднество — бракъ десяти тысячъ солдатъ своего войска съ азіатскими дѣвушками. Уже въ индійскій походъ его сопровождали персидскіе отряды. Послѣ возвращенія изъ него, онъ преобразовалъ всю армію, включивъ въ нее множество рекрутъ изъ азіатскихъ племенъ. На рѣки и судоходство онъ обращалъ не меньше вниманія, чѣмъ вавилонскіе или египетскіе цари, только для него рѣка имѣла больше значенія, какъ средство сообщенія, чѣмъ какъ оросительный каналъ. Одна изъ главныхъ слабостей прежняго персидскаго царства состояла въ его разрозненности, въ затруднительности сношеній между центромъ и частями: Александръ позаботился о проведеніи дорогъ и объ истребленіи разбойничьихъ племенъ, которыя дѣлали путешествія небезопасными. *Главная же заслуга этого, дѣйствительно, „великаго“ царя состояла въ основаніи цѣлаго ряда городовъ (около 70) по вѣсьмъ главнымъ путямъ, идѣ онъ только прошелъ.* И на Нилѣ, и на Сырь-Дарьѣ, и на Индѣ разсѣялъ онъ свои „Александріи“. Изъ нихъ египетская Александрія сдѣлалась мировымъ городомъ, центромъ торговли между Европой, Азіей и Африкой, и, какъ извѣстно, сохранила свое великое значеніе и понынѣ. Многія другія колоніи Александра погибли, но большая часть сдѣлала свое дѣло. Оставленный среди чуждаго племени, гарнизонъ становился опорой торговаго населенія, а это, въ свою очередь, распространяло греческій языкъ, мастерства, учрежденія, религіозныя идеи. Однимъ словомъ, Александръ сумѣлъ положить начало новой греко-

¹⁾ Созданы, прослужившіе долгое время.

восточной культуры. Но ему не суждено было видѣть ея роста и распространенія: смерть унесла его въ Вавилонъ, въ самый разгаръ приготовленій къ морской экспедиціи вокругъ Аравіи. Ему было тридцать два года (323).

Послѣ смерти Александра начинается между его полководцами (*диadoхи*) ¹⁾ долгая, кровавая и безплодная борьба за власть. Родившійся уже послѣ смерти царя сынъ, конечно, не могъ оказать никакого вліянія на дѣла: имъ только пользовались опекуны для того, чтобы оправдать свое честолюбіе. *Серьезное значеніе эти войны имѣли въ томъ смыслѣ, что въ нихъ выражалась невозможность удержать единство колоссальной монархіи.* Послѣ битвы при Ипсѣ (301) она окончательно распалась на нѣсколько самостоятельныхъ государствъ.

1. Македонія, гдѣ утвердилось потомство Антигона. Отъ нея находилась въ зависимости и Греція, народы которой, однако, постоянно волновались и дѣлали попытки устроиться самостоятельно. Пропедевшая исторія научила ихъ необходимости дѣйствовать сообща, и потому въ политическихъ движеніяхъ III вѣка играютъ роль не отдѣльные города, а союзы, изъ которыхъ особенно выдвигаются—Этолійскій въ Средней Греціи и Ахейскій въ Пелопоннесѣ. Послѣдній стремился сдѣлаться общимъ пелопоннесскимъ союзомъ и привлечь къ себѣ Коринтъ и Сикіонъ, но Спарта держалась враждебно и своимъ упрямствомъ много содѣйствовала тому, что македоняне опять приобрѣли руководящее значеніе въ Греціи. Они сохранили его до покоренія страны римлянами.

2. Азію приобрѣлъ Селевкъ. Селевкиды наиболее близко держались преданій Александровой политики. Имъ принадлежитъ основаніе громаднаго числа новыхъ городовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, особенно Антиохія, достигли очень большого значенія. Въ это азіатское царство толпами стремились переселенцы изъ Греціи и Македоніи. Именно здѣсь происходила самая энергическая работа эллинизациі варваровъ, подчиненія ихъ греческому вліянію. Но монархія Селевкидовъ была слишкомъ громадна, и различныя части ея имѣли мало связи между собою. Въ III вѣкѣ отдѣлилось пареянское царство, къ востоку отъ Евфрата и до Инда. Въ немъ преобла-

323.

Распаденіе
монархіи
Александра.

301.

III в.

¹⁾ Собственно—преемники.

дали пастушескіе народы иранскаго племени, которые въ персидскую эпоху не имѣли особеннаго значенія, а теперь возстановили самостоятельность Ирана. На верхнемъ Евфратѣ образовалось армянское государство; въ Малой Азійской понтійское царство по Черному морю, пергамское и вивейское на западѣ.

3) Египетъ попалъ подѣ власть Птолемея. Эллинистическая культура развилась здѣсь съ еще большимъ блескомъ, чѣмъ въ Азій, но она сосредоточивалась въ сравнительно немногихъ пунктахъ, особенно въ Александріи. Въ этомъ городѣ скопилось полумилліонное населеніе, въ составъ котораго вошли выходцы почти изъ всѣхъ племенъ извѣстнаго тогда міра. Птолемеи ревностно покровительствовали не только торговлѣ, но и искусствамъ и наукамъ. Александрійскій музей, созданный ими, представлялъ и собраніе достопримѣчательностей, и помѣщеніе для знаменитыхъ ученыхъ, и залы, и сады для университетскихъ занятій. При немъ находилась несравненная библіотека съ 700,000 рукописей на всѣхъ языкахъ древняго міра. Вообще, въ умственномъ отношеніи Александрія сдѣлалась столицей эллинизма. *Но вліяніе грековъ на народъ было далеко не такъ сильно въ Египтѣ, какъ въ Азій.* Птолемеямъ нечего строить городовъ—они пользуются уже существующими и, вообще, *преклоняются передъ религіознымъ и политическимъ прошедшимъ египетскаго народа;* они признавали въ нѣкоторомъ отношеніи его превосходство надъ греческой культурой. Поэтому населеніе страны не просто подчинилось грекамъ, а также оказало на нихъ сильное вліяніе.

Глава XI.

ГРЕЧЕСКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ. ЭПОХА УПАДКА. (431—146 гг.).

Упадокъ Гре-
ціи.

Упадокъ государственной жизни Греціи начинается съ пелопоннесской войны, въ которой руководящіе города взаимно подорвали другъ друга. Но было бы ошибкой думать, что матеріальныя бѣдствія войны были главной причиной паденія: *ими сопровождался нравственный и умственный переворотъ, совершавшійся и помимо ихъ въ небольшомъ классѣ полноправныхъ гражданъ.* Достигнувъ великихъ результатовъ, и афиняне, и

прочіе греки стали портиться подъ вліяніемъ успѣха. И государство, замкнутое въ предѣлахъ городской общины, и религія, основанная на поклоненіи человѣкообразнымъ божествамъ, распадалась. Мыслители и художники этого времени сначала относятся критически къ окружающему ихъ обществу, отмѣчаютъ его недостатки, а затѣмъ дѣлаютъ попытки вывести его на новую дорогу.

Особенности и слабыя стороны государственной жизни прекрасно изобразилъ въ своей исторіи пелопоннесской войны **Фукидидъ**. Онъ былъ самъ аѳинскимъ стратегомъ, но принужденъ былъ бѣжать изъ родного города послѣ неудачнаго похода противъ **Брасида** и остальные годы своей жизни посвятилъ наблюденію за ходомъ войны и описанію ея. *Въ противоположность Геродоту, онъ выше всего ставитъ возстановленіе подлинной, неискаженной пристрастіемъ и лежковпріемъ истины.* Онъ старается всѣ партіи и всякаго дѣятеля поставить на соотвѣтствующія имъ мѣста, показать различіе интересовъ и точекъ зрѣнія, объяснить ходъ дѣлъ изъ столкновенія и взаимодѣйствій силъ, безъ сверхъестественнаго вмѣшательства. Тонъ его разсказа неизмѣнно серьезный и мѣстами грустный. Въ немъ не только характеризуется общій упадокъ нравовъ, но слышится осужденіе такихъ глубокихъ пороковъ древняго гражданскаго строя, какъ безчеловѣчность по отношенію къ побѣжденнымъ и слабымъ.

Фукидидъ.

Иное положеніе занималъ въ Аѳинахъ послѣдній изъ ихъ великихъ трагиковъ, **Эврипидъ**. Онъ началъ писать уже до войны, но главная его дѣятельность связана съ упадкомъ аѳинской демократіи во время войны. Эврипидъ не былъ, подобно Фукидиду, человѣкомъ съ твердымъ характеромъ, который бы всегда шелъ къ своей цѣли, не поддаваясь соблазну и противорѣчію. *Въ его трагедіяхъ сказываются все колебанія и сомнѣнія тогдашней жизни—и не находятъ разрѣшенія.* Въ отличіе отъ Эсхила и Софокла, которые выше всего ставили впечатлѣніе цѣлаго, Эврипидъ употребилъ свой большой талантъ на яркое изображеніе отдѣльныхъ характеровъ, положеній и чувствъ. Никто не достигъ такихъ эффектовъ въ смыслѣ внушенія зрителямъ ужаса и жалости; но Эврипиду не доставало того художественнаго и нравственнаго удовлетворенія, которыми разрѣшались драмы его предшественниковъ. Онъ особенно любилъ представлять борьбу чувствъ и побужденій въ душѣ

Эврипидъ.

своихъ героевъ и вводилъ иногда длинныя споры по поводу какихъ-нибудь трудныхъ политическихъ или нравственныхъ вопросовъ. Но мучительная борьба души, головоломныя загадки ума часто такъ и оставались безъ разрѣшенія. Оттого Эврипидъ сталъ прибѣгать къ искусственнымъ развязкамъ—ко вмѣшательству какого-нибудь бога, который устранялъ затрудненія. Въ общемъ, трагедіи Эврипида до крайности возбуждали зрителей, раздражали ихъ интересъ, увлекали искусствомъ поэтическаго изображенія, но отпускали ихъ смущенными и недоумѣвающими по поводу боговъ, законовъ, нравственности и правды.

Аристофанъ.

До насъ дошли блестящія комедіи другого современника пелопоннесской войны, Аристофана. Греческая комедія развивалась сначала у дорянъ, но лучшіе свои плоды дала опять таки въ Аѣинахъ. Тамъ она выработалась въ нѣчто совершенно непохожее на нашу бытовую комедію, изображающую типы и нравы ежедневной жизни. Пьесы Аристофана скорѣе похожи на фарсы, только гениальныя, какихъ теперь не пишутъ. Онъ пользуется пороками и глупостями окружающаго общества, но строить изъ нихъ фантастическія каррикатуры, не стѣсняясь ради шутки самыми невѣроятными выдумками: въ комедіи „Всадники“, напр., дѣло идетъ о томъ, какъ рабы господина Демоса отбиваютъ у изверга Клеона милость своего хозяина: нѣкій колбасникъ вывариваетъ Демоса въ котлѣ, чтобы возвратитъ ему молодость и доблесть, которыми онъ отличался при Марафонѣ; въ „Осахъ“ старый, полупомѣшанный геліастъ, во чтобы то ни стало, стремится на судебное засѣданіе, и сынъ его, желая удержать его дома, устраиваетъ процессъ виновной собаки. *Сильно достается отъ него аѣинской демократіи, ея легковѣрью, легкомыслію, самолюбію, хотя поэтъ и не въ состояніи рекомендовать лучшаго порядка.*

Софисты и Софратъ.

Болѣе серьезнымъ признакомъ того, что дѣла шли неладно, было появленіе такъ называемыхъ софистовъ, специальныхъ учителей мудрости, которые за деньги брались научить пониманію міра и умѣнью пользоваться жизнью. Между ними были замѣчательные мыслители, напр. Протагоръ, и они оказали большое вліяніе на философію, обративъ ее отъ разсужденій о строеніи вселенной къ изученію человѣка. „Человѣкъ есть мѣра вѣсѣхъ вещей“ было основнымъ началомъ софисти-

ки. Но общее ея вліяніе было пагубно: софисты стали изучать отдѣльнаго человѣка, чтобы показать, что для него убѣдительно только свидѣтельство его собственныхъ чувствъ, и обязательенъ только его собственный интересъ; *значитъ, они не признавали ни общей правды, ни общей нравственности.* Искусство жить съ другими сводилось на умѣнье обмануть другихъ, напр. представить слабое сильнымъ. Алкивиадъ, Критій прилагали на практикѣ уроки софистики. Противъ нея возсталъ Сократъ. Повинуясь внутреннему, „божественному“ голосу, онъ на всѣхъ перекресткахъ и въ разговорѣ съ людьми всѣхъ состояній и занятій сталъ распространять другой способъ изученія человѣка. Онъ безпощадно разрушалъ общія мѣста, которыя люди повторяютъ по привычкѣ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что говорятъ. *Но зато онъ энергично настаивалъ на возможности точною, обязательнаго для всѣхъ знанія и выводилъ изъ него правила нравственности и мудрости.* Точно такъ же Сократъ постоянно показывалъ, что истинное благо человѣка состоитъ не въ удовлетвореніи своихъ случайныхъ желаній и капризовъ, а въ жизни сообразно съ истинной. Такая жизнь дѣлаетъ человѣка свободнымъ: онъ перестаетъ быть рабомъ своихъ желаній, возвышается надъ соблазнами и страхомъ. И Сократъ на дѣлѣ доказалъ, что ученіе его управляло всѣми его поступками: онъ не искалъ никакихъ выгодъ, не смущался бѣдностью и репутаціей чуть не помѣшаннаго чудака. Наконецъ, ему пришлось подвергнуться смертельной опасности за свою проповѣдь. Его обвинили въ томъ, что онъ подрываетъ вѣру въ боговъ. Обвиненіе было ложное, потому что Сократъ почиталъ боговъ своей родины; но онъ не думалъ извиняться передъ геліастами за свое смѣлое изслѣдованіе всѣхъ возможныхъ вопросовъ; напротивъ, онъ требовалъ себѣ даже награды за то, что будитъ въ гражданахъ мысль и не даетъ городу опуститься до лѣниваго самодовольства. Аѣинскіе присяжные были оскорблены странной непочтительностью такой защиты и приговорили великаго праведника къ смерти (399). Составленная Платономъ отъ лица Сократа „Апология“ (защитительная рѣчь) свидѣтельствуетъ о свободномъ и ясномъ духѣ, для котораго не существуетъ мелкихъ побужденій страха или себядлюбія, который всецѣло преданъ истинѣ и общей пользѣ.

Платонъ.

Сократъ излагалъ свои взгляды въ разговорахъ и не дѣлалъ никакихъ попытокъ записать или обнародовать ихъ. Философскую теорію вывелъ изъ его принциповъ Платонъ. Въ память учителя онъ изложилъ свои сочиненія въ формѣ художественныхъ діалоговъ (разговоровъ) и главнымъ собесѣдникомъ повсюду вывелъ Сократа. Въ противоположность софистамъ, которые считали взгляды людей случайными и постоянно измѣнчивыми, а истину неуловимой, *Платонъ въ мысли человѣческой, въ ея законахъ и идеяхъ, видитъ отраженіе вѣчной истины, основы міра.* Его ученіе поэтому стало крайнимъ идеализмомъ—дѣйствительность въ немъ подчинилась идеѣ. Платонъ обсудилъ всѣ задачи философіи и, между прочимъ, коснулся устройства отношеній между людьми. Изъ всѣхъ возможныхъ порядковъ государственной жизни наиболѣе безтолковымъ и вреднымъ казался ему порядокъ демократическій, который онъ считалъ господствомъ своенравной и невѣжественной толпы. Со свойственною ему смѣлостью онъ придумалъ другое государство, въ которомъ правила бы философы, наследственная каста ¹⁾ воиновъ охраняла бы порядокъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, а все остальное населеніе посвящало бы себя промышленнымъ занятіямъ для прокормленія себя и двухъ высшихъ влассовъ; въ средѣ философовъ и воиновъ уничтожалась семья и имущество--всѣ жили для государства и подъ постояннымъ вліяніемъ государства.

Аристотель.

Ученикомъ, но не послѣдователемъ Платона былъ другой великій философъ древности, Аристотель. Раздѣляя взгляды Сократовской школы относительно значенія знанія, онъ *понималъ его не какъ поэтическое откровеніе, а какъ результатъ точнаго изученія и изслѣдованія дѣйствительности.* Онъ *сдѣлался родоначальникомъ научнаго реализма, какъ Платонъ—идеализма.* Неустанно работалъ онъ надъ собираніемъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія—по изученію человѣческой души и нравственности, по физикѣ, метеорологіи, зоологіи и т. п. Факты онъ собиралъ не ради празднаго любопытства и обремененія памяти, а для того, чтобы обобщить ихъ и построить на нихъ философскую систему. Подобно

¹⁾ Сословіе, не допускающее въ число своихъ членовъ людей иного происхожденія.

Платону, онъ занимался также государствомъ. Онъ тщательно описалъ устройство 158 греческихъ общинъ и варварскихъ народовъ. Его „Политика“ далека отъ преувеличеній и фантазій Платоновой „Республики“. Аристотель осторожно устанавливаетъ классификацію государственныхъ формъ, т. е. возможные виды государственнаго устройства, показываетъ, какъ каждый изъ трехъ основныхъ видовъ— монархія, олигархія, демократія—можетъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ лучшимъ возможнымъ порядкомъ, и какъ каждый, съ другой стороны, можетъ выродиться и сдѣлаться источникомъ злоупотребленій. *Политика должна основываться на исторіи и сообразоваться съ различіемъ условій и потребностей въ человеческихъ обществахъ.* Такимъ образомъ, Аристотель уже выходитъ въ своихъ наблюденіяхъ изъ тѣснаго круга городской республики. Но онъ остается вѣрнъ древнему пониманію по другому важному вопросу общественнаго устройства: онъ еще вполне убѣжденъ въ необходимости рабства, потому что, по его мнѣнію, только рабскій трудъ можетъ обезпечить меньшинству досугъ, необходимый для усовершенствованія въ духовномъ и политическомъ отношеніи.

Идеи, выраженные Александромъ Великимъ и Аристотелемъ, господствуютъ въ такъ называемой *эллинистической образованности*. Греческая культура распространяется далеко за свои первоначальные предѣлы, какъ рѣка, которая выходитъ изъ береговъ и разливается по окрестнымъ полямъ. Ею проникаются сѣверъ Балканскаго полуострова, западная Азія, Египетъ. Понятно, что при этомъ она теряетъ во многомъ. У ней нѣтъ болѣе прежней сосредоточенной силы, оригинальности и чувства мѣры. Рѣзко отражается измѣненіе ея въ пластическихъ искусствахъ. Пракситель, жившій въ первой половинѣ IV вѣка, еще можетъ поспорить съ самимъ Фидіемъ. Онъ старается, главнымъ образомъ, изобразить физическую красоту: онъ установилъ типъ Афродиты своей кидской статуей богини; ему же принадлежитъ и чудный Гермесъ, найденный въ Олимпіи. *Но въ ея твореніяхъ чувственная сторона уже начинаетъ превѣситься надъ идеальной.* А позднѣйшіе ваятели (особенно пергамская школа) стремятся изобразить усиліе, движеніе, страстное волненіе. Группа Лаккоона, напр., производитъ впечатлѣніе разнообразіемъ оттѣнковъ душевнаго и физическаго страданія. Мало-по-малу

Эллинизмъ.

начинають прибѣгать къ увеличенію фигуръ, чтобы подѣйствовать колоссальностью (колоссъ родосскій).

Въ философіи много работали, но больше для развитія и соглашенія прежнихъ взглядовъ, чѣмъ для проведенія новыхъ. Наука сдѣлала успѣхи, о которыхъ и не помышляли аѳинскіе мыслители V вѣка. Эвклидъ положилъ начало геометріи, Гиппархъ выдвинулъ астрономію, сицилиецъ Архимедъ механику, Эратосеенъ географію, Аристархъ филологическую критику (разборъ текста гомеровскихъ поэмъ). *При всемъ томъ чувствовался недостатокъ цѣльности и одушевленія*: специалисты углублялись въ свои раздѣльныя области, а добытыя ими знанія не соединялись въ живое цѣлое. Однимъ словомъ, утрачено было единство и равновѣсіе, которыми отличалась жизнь гражданина эпохи процвѣтанія.

Тѣмъ не менѣе, результаты были громадны и оставили слѣдъ навсегда. *Созданъ былъ новый міръ эллинистическаго востока, въ которомъ встрѣтились и слились раздѣльныя до тѣхъ поръ народныя теченія.* Ни въ чемъ это смѣшеніе самостоятельныхъ культуръ не сказалось такъ сильно, какъ въ религіи. Греки уже начинали у себя дома перерастать воззрѣнія своего первоначальнаго политеизма. Ихъ лучшіе люди чувствовали и высказывали, что нельзя представлять божество по образу и подобию смертнаго и грѣшнаго чловѣка, что единство міра, ясно проглядывающее среди разнообразія явленій, предполагаетъ единство управляющаго ими Творца, что жизнь чловѣческой души не матеріальна, не связана неразрывно съ тѣломъ и мыслима при совершенно иныхъ условіяхъ загробнаго существованія. Встрѣча съ персидскимъ дуализмомъ, съ семитическимъ почитаніемъ солнца и съ египетскими представленіями о загробномъ мірѣ, вызвала произвольныя и причудливыя соединенія разноплеменныхъ боговъ. Но вслѣдъ за этимъ все сильнѣе стало распространяться убѣжденіе, что, *подъ различными именами и признаками, чловѣчество чтитъ все одно и то же Божество, сила котораго проявляется во всѣхъ явленіяхъ природы.* На этой почвѣ восточный міръ могъ уже подготовиться къ принятію христіанства.

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ—РИМЪ.

Глава I.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ИТАЛІИ.

Аппенинскій полуостровъ, на которомъ расположена Ита-Страна.лія, замыкается къ сѣверу *Альпійской цѣпью, болѣе затруднительной для прохода, чѣмъ Балканы.* Только на сѣверо-востокѣ и на сѣверо-западѣ открываются какъ бы ворота въ горахъ, черезъ которыя могли проникать пришельцы. *Морской берегъ далеко не такъ сильно расчлененъ и изрѣзанъ бухтами, какъ греческій.* Наиболѣе удобныя бухты образуетъ онъ на юго-западѣ; восточная же сторона окаймлена мелями и болотистыми низинами (мареммы). Устройство поверхности также менѣе благопріятно на востокѣ, такъ какъ Аппенинскій хребетъ, который раздѣляетъ полуостровъ на двѣ половины, ближе подступаетъ къ восточному берегу и не допускаетъ образованія значительныхъ рѣкъ и долинъ. *Какъ въ Греціи востокъ, такъ въ Италиі западъ былъ главной сценой исторіи.*

Страна естественно раздѣляется на три главныя полосы.

1) *Верхняя Италия* отъ Альпъ до соединенія полуострова съ материкомъ (на западѣ границу составляла впадающая въ Адриатическое море рѣчка Рубиконъ). Страна тянется ровною полоскою съ запада на востокъ. Главную часть ея составляетъ долина рѣки По; къ ней примыкаетъ лигурское побережье на западѣ, венецкое на востокѣ.

2) *Средняя Италия* раздѣляется Аппенинами на двѣ половины: на западѣ открываются долины рѣкъ Арно (Этрурія, Тоскана), Тибра (Лаціумъ), Вултурна (Кампанія). На востокѣ лежатъ горныя мѣстности—Умбрія, Пиценумъ, Самніумъ.

3) Южная Италия разветвляется въ два полуострова: на западномъ лежатъ Луканія и Бруттіумъ, на восточномъ Апулія и Калабрія.

Устройство поверхности напоминаетъ Грецію обиліемъ горныхъ цѣпей, но все-таки страна далеко не въ такой степени, какъ Эллада, осуждена на разрозненность. *Значительныя рѣки и долины на западѣ дѣлаютъ возможнымъ раннее соединеніе народностей въ обширные союзы и государства.*

Выгодному орошенію соотвѣтствуетъ хорошій климатъ и плодородная почва. Большая часть итальянскаго населенія была направлена всѣми этими условіями къ земледѣлію, хотя въ горныхъ мѣстностяхъ упорно держалось скотоводство. Удобныя условія для развитія мореплаванія представляла только Южная Италия съ прилегавшей къ ней Сициліей.

Населеніе.

Первоначальное населеніе полуострова принадлежало къ *лигурскому племени*—низкорослому, черноволосому, примыкавшему къ бѣлой расѣ. Оно лучше всего сохранилось на сѣверо-западѣ полуострова, въ теперешней Савойѣ и Пиемонтѣ, и отличалось упорствомъ, трудолюбіемъ, но не дарованіями. Затѣмъ явились *арійскіе* поселенцы, близко родственные грекамъ. Они разбиты на нѣсколько вѣтвей. *Ятии* заняли южную часть полуострова и перешли въ Сицилію; изъ всѣхъ италійскихъ племенъ они оказались наименѣе самостоятельными и быстро поддались грекамъ. *Сабельскія племена умбровъ, марсовъ, сабинянъ, самнитовъ* и другія заняли горныя мѣстности восточной половины полуострова. Среди нихъ очень замѣтны черты характера горцевъ — любовь къ родной мѣстности, привязанность къ старинѣ, доходившая до отсталости, патриархальность и строгость нравовъ. На западной половинѣ помѣстились *латиняне*, которые оказались наиболѣе способнымъ и воспримчивымъ изъ италійскихъ племенъ. Главнымъ ихъ городомъ былъ Римъ на Тибрѣ.

Кромѣ этихъ народностей, составлявшихъ главную массу населенія, въ теперешней Тосканѣ утвердился загадочный народъ *этруски*, совершенно непохожій на окружавшихъ его со всѣхъ сторонъ арійцевъ. *Можно думать, что этруски были остаткомъ первоначальнаго лигурскаго населенія, достигшимъ высшей культуры.* Какъ бы то ни было, въ началѣ италійской исторіи они являются наиболѣе просвѣщеннымъ изъ племенъ полуострова. Они достигли значительнаго совер-

шенства въ архитектурѣ и обработкѣ металловъ; подобно египтянамъ, они обращали большое вниманіе на участь человека послѣ смерти и потому особенно заботились о погребальныхъ обрядахъ и устройствѣ достойной могилы. Богопочитаніе ихъ отличалось мрачнымъ и жестокимъ характеромъ; важную роль въ немъ играли человѣческія жертвы.

Объ эллинскихъ колоніяхъ, которыя заслужили въ Южной Италіи названіе *Великой Греціи*, было уже сказано. Кромѣ того, въ IV вѣкѣ до Р. Х. въ Сѣверной Италіи появились кельтскіе завоеватели, которые заняли долину По.

Глава II.

РИМСКАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНѢЙШЕЙ ЭПОХИ.

Мы очень мало знаемъ о древнѣйшемъ бытѣ италійскихъ племенъ, кромѣ римлянъ — главнаго изъ латинскихъ народовъ. Поневолѣ приходится, поэтому, ограничивать характеристику именно римлянами, на которыхъ другіе народы латинскаго и сабельскаго племени, повидимому, очень походили. Религія.

Римская религія представляетъ тѣ же божества, что и греческая. Зевсу соответствуетъ Юпитеръ, Геръ — Юнона, Посейдону — Нептунъ, Гадесу — Плутонъ, Аѳинѣ Палладѣ — Минерва, Гермесу — Меркурій, Деметрѣ — Церера, Аресу — Марсъ. Только Аполлонъ и Діонисъ появились у италиковъ позднѣе, уже подъ прямымъ вліяніемъ грековъ. Но отношеніе къ богамъ было очень своеобразно и характерно и соответственно тому глубокому различію, которое рано выработалось между римлянами и греками. *Между тѣмъ, какъ эллины, какъ художники, воображали себѣ боговъ со всею опредѣленностью и яркостью живыхъ существъ, римляне думали о богахъ, какъ объ отвлеченныхъ понятіяхъ.* Каждый предметъ и каждое дѣло соединялось въ ихъ умѣ съ дѣятельностью какого-нибудь отдѣльнаго божества. Греки посвящали, напр., перекрестки Гермесу, который имѣлъ много и другихъ свойствъ, а римляне создали особаго бога границъ (Terminus). Пахота, удобрение, тканье были поставлены подъ покровительство особыхъ боговъ. Начало какого-нибудь дѣла, его середина, окончаніе посвящались отдѣльнымъ божествамъ. Между тѣмъ, какъ богъ солнца у грековъ сдѣлался прорицателемъ и поэтомъ Аполлономъ,

въ Римѣ Янусъ обратился въ символъ начала, открытія. Такіе отвлеченные боги не могли вызвать разсказовъ объ ихъ приключеніяхъ и отношеніяхъ. Римляне первоначально даже не представляли ихъ въ семейномъ родствѣ между собою. Впослѣдствіи, подѣ влияніемъ грековъ, римская мифологія приняла нѣсколько болѣе живой видъ, и боги размѣстились по образцу олимпійцевъ. Самая молитва и поклоненіе, римлянина имѣли особый оттѣнокъ: *онъ былъ связанъ съ богами опредѣленными договоромъ (religio, отъ ligare) и съ мелочною точностью исполнялъ обряды, жертвы, произносилъ формулы, чтобы этимъ обязать боговъ оказывать ему покровительство.* За подробностями исполненія слѣдили граждане, облеченные жреческимъ достоинствомъ (*pontifices*). При случаѣ можно было и обмануть бога, воспользовавшись словеснымъ толкованіемъ какого-нибудь обѣта, чисто формальнымъ исполненіемъ обычая: если требовалось, напр., бросить въ Тибръ нѣсколько головъ, чтобы предотвратить наводненіе, то не было надобности бросать непосредственно людей—маковыя головки отвѣчали тому же назначенію. Особенное вниманіе обращали суевѣрные римляне на предзнаменованія. Гаданія по небеснымъ явленіямъ (затменія, паденія звѣздъ, метеоры и т. п.) и въ Греціи пользовались большимъ уваженіемъ, такъ же, какъ и наблюденіе надъ поступками животныхъ (особенно во время кормленія куръ, посвященныхъ богамъ; великое значеніе имѣлъ также полетъ птицъ); но въ Римѣ толкованіе этихъ предзнаменованій было возведено въ цѣлую науку, которой занимались *авуры* (*augures*). Ни одного государственнаго дѣла нельзя было начать безъ торжественныхъ справокъ о волѣ боговъ—*ауспицій*. Подѣ влияніемъ этрусковъ развился особый, неизвѣстный грекамъ, видъ этихъ гаданій—по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ (*харуспиціи*—*haruspicia*).

Государство.

Между римлянами и греками то же самое основное сходство, и подобныя же различія и мы замѣчаемъ въ другихъ областяхъ жизни. Государство, такъ же какъ у грековъ, представляло первоначально союзъ родовъ.

Если въ древнихъ Аѳонахъ народъ дѣлился на 4 филы, каждая фила на 3 фратріи, а каждая фратрія на 30 родовъ, то въ Римѣ мы наблюдаемъ подобное жераспредѣленіе: три трибы, изъ которыхъ каждая распадается на 30 курій, а курія на 10 родовъ. Значить въ Аѳонахъ считали 360 родовъ, а въ Римѣ 300.

Но между этими народами были и глубокия отличія. Всѣ жизненныя отношенія получаютъ въ Римѣ рѣзко опредѣленную форму. *Разъ допущено известное правило, изъ него стараются провести всѣ послѣдствія, хотя бы крайнія и неудобныя.* Это замѣтно уже въ порядкѣ римской семьи—отецъ семейства (*pater familias*) имѣлъ безусловную власть надъ личностью и имуществомъ своихъ дѣтей, могъ продать и казнить ихъ. Власть его прекращалась только со смертью, между тѣмъ какъ у грековъ сынъ вообще находился въ гораздо меньшемъ подчиненіи и при совершеннолѣтіи выходилъ изъ-подъ власти отца. Въ соотвѣтствіи съ этимъ семейнымъ порядкомъ сложилось и государство: между тѣмъ какъ греческій царь былъ только первымъ между равными, римскій царь пользовался совершенною особою и очень значительною властью. Онъ былъ *pater familias* своего народа, и никто не имѣлъ права стѣснять его волю: какъ жрецъ, военный предводитель и судья стоялъ онъ во главѣ города. Это не значило, однако, что кромѣ царя въ государствѣ не было никакихъ самостоятельныхъ учреждений: „отцы“, т. е. старѣйшины родовъ, составляли сенатъ изъ 300 членовъ, съ которыми царь совѣщался о дѣлахъ.

На практикѣ было трудно царю дѣйствовать наперекоръ сенату: обыкновенно они управляли въ согласіи. Послѣ смерти царя власть переходила въ сенату старѣйшинъ, который избиралъ одного изъ своихъ членовъ замѣстителемъ (*interrex*), а тотъ уже назначалъ новаго царя.

Въ важнѣйшихъ дѣлахъ иногда обращались къ собранію гражданъ, которые подавали голоса *по куріямъ* (*comitia curiata*).

Населеніе государства распадалось на двѣ части: на *патриціевъ* (ср. эвпатриды) и *плебеевъ* (ср. демось). Въ число первыхъ вошли граждане первоначальной римской общины, вторые составились преимущественно изъ пришельцевъ, привлеченныхъ въ Римъ его рано развившимся благосостояніемъ, а также изъ землевладѣльцевъ и крестьянъ сосѣднихъ округовъ, покоренныхъ патриціанскою общиною. — Плебеи занимали совершенно второстепенное положеніе въ государствѣ: они должны были искать покровительства патриціанскихъ родовъ, завистливы отъ нихъ въ боюслужебномъ и судебномъ отношеніяхъ, несли тяжелую и менѣе почетную военную службу, не принимали никакого участія въ народныхъ собраніяхъ по куріямъ. Хозяйственное положеніе плебеевъ было также невыгодно, именно

Сословія.

вслѣдствіе того, что они были совершенно подчинены патриціямъ во всѣхъ дѣлахъ управленія. Дѣйствительно, отдѣльные хозяйства получали для обработки чрезвычайно маленькіе клочки земли—всего по два югера¹⁾ на человѣка. Для хлѣбопашества и скотоводства приходилось, кромѣ того, пользоваться землями, находившимися въ общемъ владѣніи родовъ и государства; а допущеніе къ обработкѣ и выгонамъ на этихъ земляхъ всецѣло зависѣло отъ патриціанскихъ родовъ.

Преданія.

Хотя мы можемъ составить себѣ довольно точное представление о культурѣ и государствѣ древнѣйшей эпохи въ Италіи, однако свѣдѣнія о событіяхъ этого времени дошли до насъ только въ скудныхъ преданіяхъ, которыя вдобавокъ были сильно искажены римскими и греческими писателями поздняго времени, собиравшими и сообщавшими ихъ. *Ничего подобнаго поэтическимъ былинамъ, которыя составились у грековъ во время ихъ передвиженій, римляне не имѣли. Ихъ рассказы сухи и обыкновенно имѣютъ цѣлью объяснить происхожденіе той или другой черты быта.* Они думали, что точно знаютъ, какъ произошелъ ихъ городъ и когда именно.

753. Легенда, составленная подъ греческимъ вліяніемъ, вела начало народа отъ троянца Энея, бѣжавшаго послѣ разрушенія Трои и высадившагося на берегу Лаціума. Его сынъ основалъ Альбу-Лонгу. Отъ дочери одного изъ албанскихъ царей и бога Марса родилось двое сыновей, Ромулъ и Ремъ, которые по приказанію дяди были заброшены. Ихъ вскормила волчица, воспитали пастухи, и они, когда выросли, свергли дядю. Затѣмъ они выселились изъ Альбы и построили въ 753 году до Р. Х. новый городъ—Римъ. Ромулъ убилъ брата и сдѣлался первымъ римскимъ царемъ.

Вскорѣ къ первоначальному латинскому поселенію Ромула на Паладинскомъ холмѣ присоединилось второе, сабинское, на Квириналѣ. Преемникомъ Ромула былъ сабинянинъ Нума Помпиль, богобоязненный и мудрый правитель, отъ котораго римляне получили будто бы свои религіозные обычаи и жреческія общества.

Слѣдующимъ царямъ (Туллъ Гостилій, Анкъ Марцій, Тарквиній Старый) приписывается разрушеніе Альбы-Лонги, начало завоеваній въ Лаціумѣ, образованіе первыхъ римскихъ колоній

¹⁾ Югеръ.=1/4 десятины.

(Collatia), основаніе Остіи, гавани при устьѣ Тибра, первая крупная постройка города — форумъ, храмъ Юпитера Капитолійскаго, мостъ чрезъ Тибръ, царь для конскихъ состязаній, влоаки для стока нечистотъ.

Глава III.

БОРЬБА ПАТРИЦІЕВЪ СЪ ПЛЕБЕЯМИ.

Первымъ достовѣрнымъ событіемъ римской исторіи была реформа Сервія Туллія, произведенная, по преданію, шестымъ царемъ, Сервіемъ Тулліемъ; она стала необходима вслѣдствіе враждебныхъ отношеній между полноправными патриціями и лишенными правъ плебеями. Она соответствуетъ устройству тимократіи Солономъ. Весь народъ, патриціи и плебеи, былъ подѣленъ на пять классовъ. Цѣлю образованія этихъ классовъ было распределить воинскую повинность такъ, чтобы она была тяжелее для людей состоятельныхъ и легче для бѣдныхъ. Люди перваго класса ¹⁾ выходили въ полномъ вооруженіи, съ щлемомъ, щитомъ, наожниками, панцыремъ, копьемъ и мечемъ; изъ нихъ же набиралась конница. Для остальныхъ классовъ допущено было постепенное облегченіе вооруженія. Бѣднѣйшіе граждане совсѣмъ не зачислялись въ классы и были освобождены отъ военной службы. Распредѣленіе на классы служило основаніемъ и для обложенія податью. Каждые пять лѣтъ совершался цензъ, т. е. оцѣнка имущественнаго положенія и зачисленіе въ тотъ или другой классъ.

Такъ же, какъ у Солона, болѣе тяжелымъ обязанностямъ соответствовали большія права; но дѣло шло не о занятіи должностей, а объ участіи въ народномъ собраніи. Для этой цѣли классы были подѣлены на центуріи. Первый имѣлъ 98 центурій, изъ которыхъ 18 состояло изъ всадниковъ. Ко второму, третьему и четвертому было причислено по 20 центурій, къ пятому 30. Неимущіе составляли одну центу-

¹⁾ Вслѣдствіи имущественно классовъ было рассчитано такъ:

1-й классъ	— 100,000	ассовъ, и больше	
2-й "	— 75,000	"	
3-й "	— 50,000	"	
4-й "	— 25,000	"	90
5-й "	— 11,000	"	30

Въ началѣ республики ассъ равнялся приблизительно 15 к.

98 цен. 15
20
20

рію, ремесленники 4, такъ что всѣхъ центурій получалось— 193. Рядомъ съ патриціанскимъ собраніемъ по куріямъ было учреждено *всенародное собраніе по центуріямъ* (comitia centuriata). Царь и сенатъ задавали ему вопросы, и оно отвѣчало на нихъ „да“ или „нѣтъ“, т. е. принимало или отвергало предложенное постановленіе. *Рѣшеніе собранія опредѣлялось большинствомъ голосовъ, поданныхъ центуріями.* Сначала каждый гражданинъ подавалъ голосъ въ своей центуріи; когда выяснялось, за какое рѣшеніе большинство ея членовъ, голосъ ея подавался въ собраніи. При такомъ порядкѣ первый классъ имѣлъ громадное преимущество надъ всѣми остальными: онъ располагалъ 98 голосами. Съ него начинали счетъ, и ему было обезпечено большинство, если онъ держался единодушно ¹⁾).

Хотя, такимъ образомъ, преобладаніе въ государствѣ было оставлено за патриціями, тѣмъ не менѣе реформа Сервія Туллія была великимъ переворотомъ: во-первыхъ, она ставила политическое вліяніе въ зависимость уже не отъ принадлежности къ патриціанскому роду, а отъ состоятельности. *А состояніе—дѣло измѣнчивое; нѣкоторые патриціи могли обѣднѣть и потерять права перваго класса, плебеи могли разбогатѣть и пріобрѣсти ихъ. Во-вторыхъ, и это главное, она такъ или иначе допустила плебеевъ въ народное собраніе.* Этимъ было признано, что, какъ воины и плательщики податей, они также граждане, а не просто зависимые люди (кліенты) патриціевъ.

Отмена царской власти.

Тимократическая реформа вызвала сильное неудовольствіе патриціевъ, и, по преданію, они убили ея виновника, царя Сервія Туллія. Съ преемникомъ его, Тарквиніемъ Гордымъ, патриціи также не могли поладить. Онъ не созывалъ сената. Несмотря на успѣшныя войны съ сосѣдними племенами, онъ сдѣлался ненавистенъ своимъ произволомъ и жестокостями.

510.

Въ 510 году его изгнали, и рѣшено было не назначать больше царя. Но такъ какъ царь былъ издревле представителемъ общины передъ богами, то имя его было сохранено за однимъ изъ жрецовъ (rex sacrificulus).

Управленіе республики.

Остальныя права царя были переданы *двумъ консуламъ.* Но въ полномъ объемѣ консулы получали власть только въ по-

¹⁾ Для большинства въ собраніи нужно было собрать девяносто семь голосовъ. Когда набиралось это число, прекращали счетъ.

ходъ. Въ городѣ и на тысячу шаговъ вокругъ него они потеряли право казнить гражданъ или подвергать ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Гражданинъ, которому грозила смерть или палочные удары, обращался къ суду народа въ центуриатныхъ комиціяхъ (lex Valeria de provocatione). Внѣшнимъ знакомъ такого ограниченія консульской власти служило то обстоятельство, что въ чертѣ города служители консуловъ, ликторы, носили только связку прутьевъ (fasces) и только за чертой вкладывали въ нее топоръ. Консуловъ выбирали тѣ же центуриатныя комиціи, а утверждали во власти куріи (lex curiata de imperio). Власть передавалась только на одинъ годъ, по истеченіи котораго выбывшіе изъ должности могли быть подвергнуты отвѣтственности за свои дѣйствія. Обоимъ консуламъ принадлежала одинаковая власть, и одинъ могъ помѣшать другому дѣйствовать, могъ стать ему на дорогѣ (intercessio).

Въ случаѣ тяжелой опасности для государства, когда требовалось энергичное сосредоточеніе власти въ однихъ рукахъ, сенатъ поручалъ одному изъ консуловъ назначить диктатора. Последний получалъ полную власть по образцу прежней царской, но съ опредѣленнымъ порученіемъ и не дольше, какъ на 6 мѣсяцевъ. Онъ самъ избиралъ себѣ помощника — начальника конницы (magister equitum). Кромѣ консуловъ, была учреждена еще магистратура двухъ квесторовъ. Въ ихъ рукахъ находилась казна государства, хранившаяся въ храмѣ Сатурна.

Отъ раздробленія власти и ея срочности больше всего выигралъ *сенатъ*. Въ него вступали отбывшіе съ почетомъ должность магистраты ¹⁾. Члены его сохраняли свой санъ до смерти, если не совершали какого-нибудь позорящаго дѣла. *Мнѣнія такой корпорации имѣли, естественно, громаднѣе вѣсъ*: они направляли дѣятельность магистратовъ и сильно вліяли на народъ, который имѣлъ только право выборовъ и огульнаго принятія или отверженія законовъ. А что касается до сношеній съ иностранными государствами, то эта *внѣшняя политика, распространившая могущество Рима на міръ, во все время республики велась сенатомъ*.

¹⁾ Магистратомъ римляне называли лицо, получившее власть по г
народа. Консулы, квесторы были магистратами.

Борьба сословий.

Но первое время послѣ сверженія царской власти дѣла новой республики шли неблагопріятно. Этруски отняли у ней всё владѣнія на правомъ берегу Тибра и даже занимали самый Римъ. Съ латинянами пришлось послѣ ожесточенной борьбы заключить союзъ на условіи самостоятельности латинскихъ городовъ и равноправности ихъ съ Римомъ. *Главное, внутри страны началась ожесточенная борьба сословій. Вслѣдствіе перехода власти отъ царей къ патриціанскимъ родамъ, плебеи попали еще въ большую зависимость, чѣмъ прежде.* Ихъ разоряли постоянные походы, которые патриціи, какъ болѣе достаточные, переносили легче. А между тѣмъ долговое право было такъ же жестоко, какъ въ Аѣнахъ до Солона: неуплатившаго должника кредиторъ бралъ въ кабалу—могъ сковать и запереть, чтобы онъ не убѣжалъ. Доведенные до отчаянія плебеи рѣшили въ 494 году совсѣмъ бросить Римъ и основать новый городъ. Они выселились всей массой на Священную гору, за рѣвкой Аніо.

494.

Въ виду такой рѣшимости патриціи принуждены были сдѣлать серьезныя уступки. Они уговорили плебеевъ вернуться и за то признали особое плебейское общество внутри юрода. Во главѣ этого общества стали выборныя должностныя лица—трибуны и эдилы. Трибуны, которыхъ сначала было два, а скоро стало 10, должны были вступаться за плебеевъ, которыхъ подвергали насилію при наборѣ войска, долговыхъ взысканіяхъ и т. п. (*ius auxilii*). Личность трибуна была неприкосновенна (*sacrosanctus*); его заступничество долженъ былъ уважать въ предѣлахъ городской черты даже консулъ. Эдилы были такими же казначеями *plebs'a*, какъ квесторы казначеями государства. Довѣренныя имъ суммы составлялись изъ штрафовъ, наложенныхъ за проступки противъ *plebs'a*, и хранились въ храмѣ Цереры. Трибунами и эдилами можно было избирать только плебеевъ; выборы были переданы особому собранію *плебса*, въ которомъ *юлоса* подавались по трибамъ, т. е. по городскимъ и сельскимъ округамъ¹⁾. По тѣмъ же самымъ округамъ собирался *plebs*, когда его созывали трибуны для совѣщанія и рѣшенія касающихся его дѣлъ (*plebiscita*). Опираясь на уступленныя плебеямъ права, трибуны стали расширять свое вмѣшательство въ государственную жизнь и

¹⁾ Число этихъ округовъ мало-по-малу возросло до 35.

скоро добились права останавливать магистратовъ во всякомъ ихъ дѣйстви и препятствовать рѣшеніямъ сената. Они при этомъ произносили слово „veto“—запрещаю. Собранія трибъ присвоили себѣ судъ надъ всѣми гражданами, провинившимися противъ plebs'a.

Это выдѣленіе плебса п организація его, какъ замкнутой общины, составляетъ очень важный фактъ въ исторіи Рима. Развѣтіе этого города тутъ начинаетъ значительно расходиться съ развитіемъ Аѳинъ, которое сначала было такъ похоже на римское: въ Аѳинахъ, какъ извѣстно, демось никогда не обособлялся, и сословная борьба не была споромъ между двумя самостоятельными и строго дисциплированными обществами.

Новое устройство не обезпечивало спокойствія городу: патриціанское и плебейское общество стояли другъ противъ друга и соединялись только для борьбы съ врагами. Да и эта борьба шла плохо вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ. Случалось, что плебеи отказывались итти въ походъ, и патриціанскіе роды иногда вели войну въ одиночку и на свой страхъ. Въ одной изъ такихъ войнъ погибъ цѣлый родъ Фабіевъ, за исключеніемъ одного ребенка. Одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ патриціевъ, Кай Марцій Коріолянъ, предложилъ своимъ товарищамъ по сословію отнять у плебеевъ трибунатъ. Онъ подвергся за это осужденію собранія трибъ, бѣжалъ къ врагамъ Рима вольскамъ и вмѣстѣ съ ними чуть не взялъ городъ. Другой патрицій, Спурій Кассій, пробовалъ, наоборотъ, устранить раздоръ уравниемъ патриціевъ и плебеевъ въ пользованіи государственными землями (ager publicus): за это предложеніе патриціи обвинили его въ стремленіи къ единовластію и убили.

Плебейское общество, несмотря на свою крѣпкую, боевую организацію, находилось въ невыгодномъ положеніи, потому что богослуженіе и власть въ городской общинѣ попрежнему принадлежали патриціямъ. По всѣмъ дѣламъ о спорахъ и обидахъ судили патриціанскіе магистраты, и судили по обычаямъ, которые толковали и примѣняли по собственному усмотрѣнію. *Плебеи стали требовать писанныхъ точныхъ и всѣмъ извѣстныхъ законовъ* (ср. реформу Дракона). Не сразу согласились на это патриціи, но въ 451 году составлена была, наконецъ, комиссія изъ десяти лицъ (децемвиры), которой поручено было записать и исправить право. Чтобы никто

Децемвиры.

451.

450.

не могъ препятствовать ей въ исполненіи порученія, всѣ обыкновенныя должности—консулы, трибуны и др.—были устранены, и правительственная власть всецѣло передана децемвирамъ. Полномочія комиссіи были возобновлены и на 450 годъ, и на этотъ разъ въ ея составъ было избрано нѣсколько плебеевъ. Законодательная работа пошла успѣшно. Децемвиры воспользовались не только стародавними обычаями Рима, но также собрали *свѣдѣнія о правѣ* греческихъ городовъ, въ особенности Аѣинъ. Они исправили календарь по образцу аттическаго, измѣнили чеканку монеты, установили основы права семейнаго, имущественнаго, уголовнаго, надзора за благоустройствомъ въ городѣ и поляхъ, надзора за нравами. Но ихъ постановленія не измѣнили по существу приниженаго положенія плебеевъ: браки, напр., между патриціями и плебеями попрежнему были запрещены; долговое право осталось очень строгимъ, личная кабала не была уничтожена. Составленные законы были записаны на двѣнадцати бронзовыхъ доскахъ, или таблицахъ, и выставлены на форумѣ. Они сдѣлались основой древняго римскаго права. Многое въ этомъ законодательствѣ должно было раздражать плебеевъ, такъ какъ тягостныя для нихъ положенія древняго права были закрѣплены вновь. Патриціи были также недовольны децемвирами. Во главѣ послѣднихъ сталъ Аппій Клавдій, представитель даровитаго, честолюбиваго и своенравнаго дома Клавдіевъ. Получивъ власть, онъ не думалъ выпускать ее изъ рукъ и убѣдилъ товарищей не сдавать своихъ полномочій по истеченіи второго года. Незаконной властью онъ и пользовался незаконно и совершалъ насилія надъ гражданами. Онъ дошелъ до того, что пытался отнять у одного гражданина, *Виргинія*, дочь, утверждая, что она была продана въ рабство. Отецъ, не желая отдавать дочь Аппію, собственноручно убилъ ее на форумѣ, и это неслыханное дѣло послужило сигналомъ къ возстанію. Плебеи опять выступили изъ города на Священную гору. Децемвиры принуждены были покориться, Аппій Клавдій самъ покончилъ съ собою въ тюрьмѣ. Консульство было восстановлено, и выбранные консулы, *Л. Валерій* и *М. Горацій*, устроили новое соглашеніе съ плебеями (*leges Valeriae Horatae*). Самымъ существеннымъ изъ его условій было то, что трибы получили право составлять обязательныя для всей общины

постановленія тогда какъ прежде это право имѣли только центуріатныя комиціи ¹⁾. Патриціямъ пришлось вступить въ трибутныя собранія, чтобы получить хотя какое-нибудь вліяніе на рѣшенія этого важнаго учрежденія, такимъ образомъ изъ плебейскаго оно стало народнымъ и получило названіе комицій (*comitia tributa*). Опираясь на свое численное превосходство въ этихъ собраніяхъ, плебеи получили возможность успешно проводить свои требованія. Потому почти тотчасъ прошло разрѣшеніе заключать законные браки между патриціями и плебеями. Затѣмъ поставленъ былъ на очередь вопросъ о допущеніи плебеевъ къ консульству. Патриціи только тѣмъ предотвратили немедленную уступку этой позиціи, что добились учрежденія новой магистратуры — *военныхъ трибуновъ съ консульской властью* (*tribuni militum consulari potestate*) сначала 2, затѣмъ 4, наконецъ 6, которыми могли сдѣлаться и плебеи. Сенату представлялось рѣшить, когда народу выбирать консуловъ и когда трибуновъ съ консульской властью. При этомъ отъ консульской власти были отдѣлены цензорскія обязанности — составленіе списка гражданъ по классамъ и трибамъ, а также списка сенаторовъ, оцѣнка имущества частныхъ лицъ въ виду несенія повинностей и зачисленія въ классы, управленіе государственными имуществами, наблюденіе за нравами. Цензорами выбирали двоихъ изъ патриціевъ, срокомъ на полтора года. Должность приобрѣла очень большое значеніе, такъ какъ отъ цензоровъ зависѣло допущеніе въ римское гражданство, удаленіе изъ него, пополненіе сената и т. п.

Нѣкоторый перерывъ въ сословной борьбѣ вызвали внѣшнія событія. Въ теченіе пятого вѣка въ Италію стали проникать кельтскія племена, которыя постепенно заняли долину По и сильно стѣсняли этрусковъ. Сначала это распространеніе кельтовъ было выгодно для римлянъ, такъ какъ ослабляло этрусковъ. Въ 396 году диктаторъ М. Фурій Камиллъ взял послѣ продолжительной осады самый могущественный изъ этрусскихъ городовъ — Вейи. Но рано или поздно надвигавшіеся кельты должны были столкнуться съ римлянами. Это случилось въ 390 году: при рѣчкѣ Алліи римское войско было смято неистовымъ натискомъ кельтовъ. Вслѣдъ затѣмъ

Нашествіе кельтовъ.

396.

390.

¹⁾ За послѣдними, однако, осталось исключительное право избирать магистратовъ и судить гражданъ въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ грозила смертная казнь.

варвары заняли самый Римъ, который при этомъ сгорѣлъ. Пришлось откупиться отъ нихъ большой суммой золота.

Исходъ сослов-
ной борьбы.

376.

Къ счастью, кельты не могли, да и не думали завоевывать окончательно Этрурию и Лаціумъ. Они ушли со своей добычей и впослѣдствіи дѣлали набѣги только ради добычи. Римляне скоро оправились, обстроились и вновь принялись за сословную борьбу. Въ 376 году трибуны К. Лициній Столонъ и Л. Секстій Латеранъ внесли въ трибунныя комиціи рѣшительныя предложенія, имѣвшія цѣлью улучшить какъ государственное, такъ и хозяйственное положеніе плебеевъ: 1) впредь должны избираться не военные трибуны, а консулы, и одинъ изъ нихъ непремѣнно изъ плебеевъ; 2) проценты, уплаченные по долговымъ обязательствамъ, зачисляются въ уплату капитала; 3) никто не имѣетъ права занимать болѣе 500 югеровъ государственной земли или выгонять на государственные выгоны болѣе 100 штукъ рогатаго скота или 500 овецъ. Послѣдняя мѣра была направлена противъ расхищенія патриціями обширныхъ казенныхъ земель. Понятно, что патриціи сопротивлялись изо всѣхъ силъ: назначали диктаторовъ, подговаривали трибуновъ, товарищей Лицинія и Секстія, чтобы они останавливали ихъ предложенія своимъ veto. Но десять лѣтъ подъ рядъ народъ избиралъ въ трибуны Лицинія и Секстія, и десять лѣтъ подъ рядъ они вносили свои проекты въ комиціи. Кончилось тѣмъ, что въ 366 году патриціи прекратили сопротивление, выговоривъ только отдѣленіе отъ консульства судебной власти, которая была передана патриціанскому претору. Первымъ консуломъ изъ плебеевъ былъ Л. Секстій Латеранъ.

386.

388.

Принятіемъ вышеупомянутыхъ предложеній собственно заканчивалась борьба между сословіями, и недаромъ престарѣлый Камиллъ открылъ въ 366 году храмъ въ честь „Согласія“. Но плебеи все-таки принуждены были добиваться мало-по-малу доступа къ другимъ магистратурамъ и жреческимъ должностямъ. Только мѣста жреца царя (rex sacrificulus) и еще трехъ жрецовъ главныхъ божествъ (flamines) до конца сохранились за патриціями. Одинъ изъ послѣднихъ ударовъ сословнымъ привилегіямъ патриціевъ былъ нанесенъ цензоромъ Аппіемъ Клавдіемъ, который дѣйствовалъ въ пользу уравненія такъ же энергично и смѣло, какъ его предки дѣйствовали противъ него. Онъ принялъ въ число гражданъ мно-

жество вольноотпущенниковъ, а сенатъ пополнилъ плебеями (312 г.).

312.

Ходъ и исходъ сословной борьбы одинаково поучительны. Въ ней сказались вполне упорство и привычка къ дисциплинѣ, свойственныя римлянамъ: патриціи отстаивали съ напряженіемъ всѣхъ силъ каждую позицію, плебеи отвоевывали ихъ одну за другой, не смущаясь задержками и пораженіями. Несмотря на тягостное матеріальное положеніе, плебей настолько дорожить своими политическими правами, настолько увѣренъ въ томъ, что при ихъ посредствѣ можетъ всего достигнуть, что не прибѣгаетъ къ возстаніямъ и не поддерживаетъ тиранніи, которая играла такую роль въ Греціи. Патриціи подозрѣвали въ стремленіи къ тиранніи и погубили нѣсколько выдающихся дѣятелей (Спурий Кассій, Мелій, М. Манлій), но никто изъ нихъ не имѣлъ достаточной поддержки среди народа, чтобы сдѣлаться опаснымъ для республики. Какъ бы громозводою служилъ въ данномъ случаѣ самый трибунатъ, въ которомъ плебеи имѣли законное представительство своихъ интересовъ.

Пораженіе патриціата объясняется не только необходимостью такъ или иначе поладить съ массою народа, изъ которой набиралось войско, но также вымираніемъ многихъ патриціанскихъ родовъ и усиленіемъ многихъ плебейскихъ. Но послѣдствіемъ уравненія сословій въ правахъ было ни какъ не господство народной массы, а образование новой аристократіи: этотъ „нобилитетъ“ составился изъ членовъ наиболее достаточныхъ семействъ, какъ патриціанскихъ, такъ и плебейскихъ, которыя, благодаря своему богатству, имѣли возможность занимать магистратуры безвозмездно, только ради власти и почета, съ ними связанныхъ. Черезъ магистратуры проходили и въ сенатъ. Разъ сложился извѣстный кругъ такихъ магистратскихъ семействъ, члены его стали поддерживать другъ друга и устранять постороннихъ. Нобилитетъ не былъ, однако, замкнутымъ, чисто наследственнымъ сословіемъ; онъ основанъ былъ исключительно на замѣщеніи должностей, къ которымъ иногда проникали предприимчивые и заслуженные люди изъ низшихъ классовъ (homines novi). Но практическое значеніе его было громадное. Народъ охотно подчинялся его руководству, потому что привыкъ на службѣ въ легіонахъ къ предводительству извѣстныхъ лицъ и семействъ и, кромѣ того, самъ, благодаря коми-

ціямъ, имѣлъ свое большое вліяніе на правительство. *А образованіе такого правительственнаго класса несомнѣнно содѣйствовало искусному, послѣдовательному, энергическому веденію внѣшнихъ дѣлъ римской республики.*

Глава IV.

ЗАВОЕВАНІЕ ИТАЛІИ.

Когда въ половинѣ IV вѣка, состоялось, наконецъ, примиреніе сословій, римскій народъ образовался окончательно и получилъ возможность начать наступательныя дѣйствія противъ сосѣдей. Къ этому времени сложилось и его военное устройство. *Главную силу римскаго войска составляла пѣхота легионовъ, набиравшаяся преимущественно изъ свободныхъ крестьянъ, жившихъ по деревнямъ вокругъ Рима и сбравшихся въ городъ только въ рыночные дни и для важныхъ голосованій въ комиціяхъ.* Это крестьянское ополченіе не могло поспорить въ атлетической подготовкѣ съ воспитанниками греческихъ гимназій или въ солдатской удали и ловкости съ наемными войсками, которыя появились въ это время по берегамъ Средиземнаго моря; но зато его отличали горячая любовь къ родинѣ, необыкновенная стойкость и выносливость, желѣзная дисциплина и готовность каждаго жертвовать собой для общаго дѣла. Боевой строй значительно разошелся съ греческимъ, хотя пошелъ отъ той же фаланги. Между тѣмъ какъ греки развивали особенности каждаго рода войска—массу тяжелой пѣхоты дѣлали все болѣе сплошной и глубокой, а съ другой стороны, стали обращать большое вниманіе на усовершенствованіе легковооруженной пѣхоты и кавалеріи и даже ввели въ боевой строй слоновъ, *римляне сосредоточили все усилія на созданіи пѣхоты, годной для дѣйствія во всякой мѣстности и при всѣхъ возможныхъ условіяхъ. Надо было сдѣлать эту пѣхоту подвижной и самостоятельной въ ея мельчайшихъ частяхъ.* Ради этого ее, во-первыхъ, раздѣлили на взводы (манипулы), между которыми оставлены были промежутки. Затѣмъ, вся масса была раздѣлена на три линіи—впереди стояли hastati, затѣмъ principes, наконецъ, отборные старые солдаты triarii. Римскіе полководцы вводили вторую линію въ бой, только когда первая была обезсилена, а резервъ пускали въ ходъ

только при крайней необходимости; это *бережливое и постепенное расходование сил* много содѣйствовало успѣху. Вооружены были легіоны метательными копьями (pilum), которые они бросали въ непріятеля на близкомъ разстояніи, чтобы затѣмъ дѣйствовать короткимъ мечемъ. Очень важнымъ условіемъ въ римскихъ походахъ было образцовое устройство лагера. Войско всегда располагалось и окапывалось по одному точно опредѣленному плану. Каждый зналъ свое мѣсто и держался его. Въ случаѣ неудачи или значительнаго перевѣса силъ непріятеля такой лагерь становился крѣпостью.

Чтобы выяснитъ себѣ причины быстрыхъ завоеваній Рима, надо имѣть въ виду, кромѣ военныхъ качествъ и устройства римскаго народа, его положеніе въ латинской области. Римъ сдѣлался главнымъ городомъ ея еще при царяхъ. Спурій Кассій заключилъ съ латинянами договоръ, по которому обѣ стороны выставляли въ поле одинаковое число воиновъ; завоеванныя мѣстности раздѣлялись поровну. Предлагалось даже назначать полководцевъ по очереди изъ римлянъ и латинянъ. Предводительство, однако, скоро перешло къ Риму, и онъ вообще захватилъ въ свои руки общія дѣла. Латиняне терпѣли это, потому что дѣла эти шли хорошо, и союзъ ихъ сдѣлался главной силой въ Средней Италіи. Послѣ столкновенія съ этрусками и кельтами ему пришлось встрѣтиться съ самнитами, которымъ было тѣсно въ ихъ горахъ. Молодежь ихъ давно уже привыкла уходить на военную службу въ южноиталіанскіе города, въ Сицилію и даже въ Карфагенъ, этими наемниками вездѣ дорожили за ихъ храбрость. Въ IV вѣкѣ самнитскія общины стали сами расширять свои границы на счетъ сосѣдей и столкнулись съ римлянами въ богатой и плодородной Кампаніи, гдѣ римляне заступились противъ нихъ за Капую. Уже первая война (343)

Латиняне и
самниты.

343.

общинной господства надъ другими, получило бы слияніе нѣсколькихъ общинъ въ федеративное (союзное) государство; но римляне уже привыкли къ своему первенству и нисколько не расположены были дѣлать его. При Везувіи консулъ Т. Манлій Торкватъ разбилъ латинянъ. Этой побѣды было достаточно, чтобы заставить латинскіе города вернуться въ подчиненіе.

Быстрое примиреніе объяснялось, между прочимъ, необходимостью стоять заодно противъ самнитовъ, которые не прекращали своихъ захватовъ въ Южной Италиі. Къ римлянамъ стали обращаться за помощью греческіе города и племена Луканіи и Апуліи.

Вторая война началась крупной неудачей. Самнитскій полководецъ Понцій заманилъ римское войско въ тѣсное Кавдинское ущелье и заперъ ему всѣ выходы (321). Попытка пробиться не привела ни къ чему, и консулы сдались подъ условіемъ, что войско будетъ отпущено въ Римъ, и что будетъ заключенъ миръ. Легионы сложили оружіе и въ знакъ покорности прошли подъ игомъ. Но сенатъ объявилъ, что консулы не имѣли права заключать такой договоръ, выдалъ ихъ самнитамъ, нарушилъ всѣ условія и немедленно выставилъ въ полѣ войска. Несмотря на то, что къ самнитамъ примкнули этруски, римляне съ успѣхомъ дѣйствовали противъ разрозненныхъ враговъ. Въ 305 году они проникли въ самую глубь Самніума и заставили самнитовъ принять миръ. Вторая война отдала во власть римлянъ Кампанію. Цензоръ Аппій Клавдій закрѣпилъ это пріобрѣтеніе устройствомъ изъ Рима въ Капую прекрасной дороги (Via Appia), которая давала возможность въ случаѣ надобности быстро двинуть войска на югъ. Понятно, что дорога эта сдѣлалась также важнымъ средствомъ для торговыхъ сношеній. *Это была первая попытка Рима въ проведеніи сѣти дорогъ*; слѣды этой сѣти сохранились до сихъ поръ, и она не мало содѣйствовала распространенію римскаго господства и римской культуры.

Война скоро возгорѣлась вновь. Италійскіе народы начали сознавать, что Римъ опасенъ для всѣхъ, и потому самнитамъ удалось составить около себя обширную коалицію ¹⁾, къ которой примкнули этруски, умбрскія племена и даже кельты Сѣверной Италиі. Сторону римлянъ держали лати-

¹⁾ Союзъ, составленный для веденія войны.

Музеи

Вторая война
321.
305.

Третья самнитская война.

яне и жители Южной Италии, которые болѣе всего боялись самнитовъ. При Сентинумѣ римское войско одержало верхъ, несмотря на отчаянную храбрость самнитовъ и кельтовъ. Побѣду приписывали одному изъ консуловъ П. Децію Мусу, который обрекъ себя въ жертву богамъ преисподней, чтобы добиться ихъ помощи своему народу: его самого убили въ самомъ началѣ сраженія, но зато римляне побѣдили. Это поражение разстроило общіе планы союзниковъ; каждый продолжалъ защищаться у себя, и римляне одолѣли всѣхъ поодиночкѣ. Самниты и тутъ оказались наиболѣе опасными противниками и разъ нанесли даже римлянамъ чувствительное поражение. Но непоколебимая энергія римлянъ и искусное веденіе дѣлъ сенатомъ взяли, наконецъ, верхъ. Самнитамъ болѣе всего недоставало сосредоточенія силъ—изъ слабо связанной области не въ состояніи были бороться съ крѣпко сплоченной римской общиной. Наконецъ, въ 290 году, М. Курій Дентать, образцовый римлянинъ, твердый, равнодушный къ удобствамъ жизни, всецѣло преданный государству, подчинилъ Самніумъ римскому владычеству.

Всгдѣ за Средней Италіей наступила очередь Южной. Какъ прежде самниты, такъ затѣмъ римляне стали вмѣшиваться въ распри южноиталианскихъ племенъ и греческихъ городовъ. Богатый Тарентъ, главный торговый центръ на югѣ полуострова, думалъ остановить завоевателей, нанявъ себѣ въ помощь эпирскаго царя Пирра. Это былъ смѣлый и даровитый искатель приключеній; явился онъ на призывъ тарентинцевъ съ большимъ и отличнымъ войскомъ, обученнымъ по всѣмъ правиламъ македонскаго военнаго искусства. Крестьянскому ополченію Рима впервые пришлось встрѣтиться съ арміей эллинскаго Востока, и первое столкновение показало, что ему еще многому надо учиться. Фаланга и слоны Пирра одержали рѣшительную побѣду надъ легионами (при Гераклеѣ въ 280 г.).

Пирръ считалъ войну поконченною и послалъ въ Римъ своего приближеннаго Кинеаса, который пустилъ въ ходъ все свое краснорѣчіе и ловкость, чтобы добиться мира. На рѣшительное засѣданіе въ сенатѣ явился престарѣлый, слѣпой Аппій Клавдій, цензоръ 312 года, и громовою рѣчью разрушилъ всѣ хитросплетенія грека. Война возобновилась, и Пирръ опять одержалъ побѣду, но съ такимъ трудомъ и

7
290.

Война съ Пирромъ.

280.

275.

потерями, что признался: „Еще такая побѣда—и я погибъ“. Главное, ему надоѣло тратить время и силы на бесплодную и тяжелую борьбу съ небогатымъ, первобытнымъ народомъ. Онъ вдругъ бросился въ Сицилію и провелъ тамъ три года въ постоянныхъ битвахъ съ туземцами и греками. Когда онъ съ порѣдѣвшимъ войскомъ вернулся въ 275 году въ Италію, римляне встрѣтили его уже подготовленные: ихъ *нѣхота* научилась отгонять слоновъ и пользоваться тяжелой медной келью фаланги, которой было очень трудно дѣйствовать въ перестрѣлочныхъ мѣстностяхъ. При Беневентѣ побѣдитель самнитовъ, М. Курій Дентатъ, разбилъ Пирра; тотъ немедленно оставилъ Италію и отправился въ Целоппоннесъ доканчивать свою бурную карьеру.

Организація
Италіи.

Такимъ образомъ, Римъ постепенно овладѣлъ всей Италіей къ югу отъ Рубикона. Подобно Спартѣ и Аѳинамъ, онъ не стремился подчинить безусловно всѣ покоренныя области. Въ обращеніи съ подчиненными сенатъ держался весьма различной политики. Нѣкоторыя мѣстности прямо становились собственностью народа римскаго; эти *общественныя поля* (*ager publicus*) раздавались во временное пользованіе отдѣльнымъ римлянамъ (ср. законы Лицинія и Секстія), или сдавались за арендную плату съ торговъ, причемъ выручка шла государству; наконецъ, на такой конфискованной землѣ учреждались *колоніи*, т. е. поселенія римскихъ гражданъ, которые получали земельные надѣлы и составляли городскія общины, совершенно похожія на Римъ. Такими колоніями занимали преимущественно важные въ военномъ или торговомъ отношеніи пункты покоренныхъ областей, и граждане ихъ сохраняли право подавать голосъ на римскихъ комиціяхъ. Рядомъ съ этимъ стояли *муниципії* — городскія общины, сами избиравшія своихъ магистратовъ, но не допущенныя къ полному праву римскаго гражданства. Ихъ жители не имѣли голоса въ комиціяхъ (*cives sine suffragio*) и были подчинены нѣкоторымъ ограниченіямъ относительно торговли и заключенія браковъ между членами различныхъ общинъ. Большая часть латинскихъ городовъ и колоній имѣла муниципальное право. Наконецъ, послѣдній разрядъ составляли *союзники* (*socii*); къ нимъ принадлежали, напр., самниты. Они сохраняли свое прежнее устройство, но подчинялись Риму на различныхъ условіяхъ, смотря по заклю-

ченному съ ними договору. Если имъ была оставлена само-
бытность, то они еще болѣе, чѣмъ муниципіи, были стѣ-
снены въ торговомъ отношеніи и совершенно отстранены отъ
римскаго гражданства, которое считалось въ то время вели-
чайшимъ преимуществомъ. *Общее назначеніе описанной органи-
зации было раздробить Италію на множество мелкихъ частей и
помышать этимъ всякому опасному для Рима союзу покоренныхъ
народовъ.* Всѣ подвластные города и племена были безуслов-
но подчинены Риму въ сношеніяхъ съ иностранцами, и всѣ
обязаны помогать ему на войнѣ.

Глава V.

ЗАВОЕВАНІЕ СРЕДИЗЕМНАГО МОРЯ.

Нѣсколько разъ въ теченіе своей исторіи римляне прихо-
дили въ соприкосновеніе съ могущественнымъ торговымъ го-
сударствомъ, основаннымъ финикіянами въ Сѣверной Африкѣ.
Карѳагенъ воспользовался упадкомъ Сидона и Тира, чтобы
собрать подъ своею властью колоніи этихъ городовъ въ за-
падныхъ моряхъ. При этомъ ему пришлось бороться съ эт-
русками и, главное, съ греками. Но могущество первыхъ бы-
ло сокрушено кельтами и Римомъ, вторые стали ослабѣвать
вслѣдствіе упадка нравовъ и безпорядка въ управленіи. По
этому уже въ началѣ III вѣка Карѳагенъ былъ сильнѣйшею
морскою державою тогдашняго мира. ¹⁾ *Всѣмъ управлялъ въ
немъ немногочисленный кругъ богатыхъ купцовъ:* главные должно-
сти, по суду и финансовому управленію покупались; народ-
ное собраніе имѣло второстепенное значеніе. Всѣ силы на-
рода были направлены на торговлю; военное дѣло было пе-
редано наемнымъ арміямъ, составленнымъ чуть не изъ
всѣхъ племенъ Западной Европы.

Приобрѣтеніе греческихъ портовъ въ Южной Италіи ста-
вило Римъ лицомъ къ лицу съ Карѳагеномъ. За узкимъ Мес-
синскимъ проливомъ открывалась хлѣбородная, богатая Си-
цилія, тѣсно примыкавшая, съ одной стороны, къ греко-

Карѳагенъ.

16

Первая пуниче-
ская война.

¹⁾ Карѳагеняне господствовали по Сѣверному берегу Африки—къ западу
отъ Египта, въ Сардиніи и Западной Сициліи. Кромѣ того у нихъ были коло-
ніи въ Испаніи.

264.

италианскимъ городамъ, съ другой, унизанная карфагенскими, „пуническими“, поселеніями. Захватъ пролива римлянами и сдѣлался поводомъ къ войнѣ (264 г.). Первое время Риму не пришлось существенно измѣнять своего образа дѣйствій. Война велась какъ продолженіе прежнихъ италианскихъ походовъ. На сторону римлянъ и противъ Карфагена, какъ давняго врага, стали греческіе города, съ Сиракузами во главѣ. Сицилійскія племена внутри страны также оказывали содѣйствіе, потому что Римъ прекратилъ разбой наемныхъ солдатъ. Карфагеняне потеряли цѣлый рядъ колоній на островѣ, между прочимъ, Акрагасъ, ихъ главный опорный пунктъ на южномъ берегу. Но, несмотря на эти успѣхи, скоро стало выясняться одно условіе, которое требовало перехода на совершенно новую дорогу. Пунійцы господствовали на морѣ, постоянно беспокоили италианскіе берега и чрезвычайно затрудняли сообщеніе сицилійской арміи съ Римомъ: при какой-нибудь случайной неудачѣ или измѣнѣ, она могла оказаться отрѣзанной и погибнуть, подобно сицилійской экспедиціи афинянъ.

260.

Силою вещей Римъ принужденъ былъ начать совершенно необычное для него дѣло — изъ континентальной державы превратиться въ морскую. Онъ располагалъ уже флотами греческихъ портовъ, но этого оказывалось совершенно недостаточно. Приступлено было къ постройкѣ большихъ боевыхъ кораблей съ пятью рядами гребцовъ (пентеры). Чтобы не терять времени, римскихъ и лативскихъ крестьянъ учили дѣйствовать веслами уже на сушѣ, на устроенныхъ для этого подмосткахъ. Противъ всякаго ожиданія, новому флоту выпалъ на долю успѣхъ: въ 260 году консулъ Дуилий разбилъ карфагенскую эскадру. Побѣдой своей онъ былъ обязанъ, впрочемъ, не ловкости моряковъ, а необычному для пунійцевъ способу боя: римскіе корабли сцѣплялись съ пуническими и начинался бой на палубахъ, въ которомъ можно было воспользоваться испытанной римской пѣхотой.

Походъ Регула.

Римляне сами понимали, что ихъ побѣда нисколько не обезпечиваетъ имъ перевѣса на морѣ. Чтобы покончить войну, они рѣшились на рискованное предпріятіе — на высадку войска въ самой Африкѣ. *Разсчетъ былъ тотъ, что, если только лейонамъ удастся пробраться до Карфагена, передъ ними не устоитъ никакая сухопутная армія пунійцевъ.* Снаряжено было

40,000 одной пѣхоты; начальство надъ экспедиціей было поручено Атилию Регулу (256 г.). Карфагенскій флотъ, пытавшійся задержать высадку, былъ разбитъ. Первыя дѣйствія въ Африкѣ были также совершенно успѣшны. Карфагенская купеческая олигархія оказывалась совершенно неспособной вести эту необычайную войну; но, съ другой стороны, и Римъ еще не былъ готовъ для такихъ дальнихъ и продолжительныхъ походовъ. Сразу взять Карфагенъ было нельзя. *Приходилось оставить армию въ Африкѣ на неопредѣленный срокъ, а это невозможно было сдѣлать безъ разоренія мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, съ которыхъ взяты были солдаты легионовъ.* Сенатъ принужденъ былъ вернуть назадъ большую часть войска и оставить Регулу отрядъ въ 15,000 человекъ. Пунийцы между тѣмъ набрали новую армию наемниковъ и поставили ее подъ начальство опытнаго грека, специалиста военнаго дѣла—Ксантиппа. Слоны опять оказались пагубными для легионовъ; римляне были не только разбиты—они очутились на африканскомъ берегу, какъ въ западѣ. Только жалкіе остатки удалось подобрать на корабли и увезти домой.

256.

Послѣ гибели Регула, римляне принуждены были ограничить кругъ своихъ дѣйствій Сициліей. Война разбилась на рядъ осадъ и мелкихъ нападений по берегамъ острова. Въ общемъ она шла въ пользу римлянъ, хотя флоты ихъ, подъ начальствомъ совершенно неопытныхъ въ морскомъ дѣлѣ консуловъ и преторовъ, терпѣли одно крушеніе за другимъ. Подъ конецъ и въ Сициліи появился у пунийцевъ искусный полководецъ Гамилькаръ, который пользовался всякой ошибкой и немало повредилъ римлянамъ. Морская побѣда консула Лутация Катуллы при Эгатскихъ островахъ (241 г.) положила конецъ войнѣ. Обѣ стороны были истощены до крайности: *римляне ничего не въ состояніи были предпринять въ Африкѣ, пунийцы отчаялись въ защитѣ Сициліи.* Рѣшено было, что островъ перейдетъ къ Риму, и что Карфагенъ уплатитъ большую военную контрибуцію.

241.

И тому, и другому противнику было немало дѣла у себя дома: карфагенъ едва справился съ возстаніемъ наемныхъ войскъ; Римъ принужденъ былъ водворять порядокъ на Адриатическомъ морѣ, гдѣ хозяйничали иллирійскіе разбойники, и въ Сѣверной Италиі, откуда постоянно угрожали безпокой-

Эпоха между
и II пуническими
войнами.

ныя галльскія племена. *Пользуясь раздорами кельтовъ, римляне легко овладѣли всей долиной По.* Это завоеваніе имѣло непосредственное значеніе для разореннаго пунической войной мелкаго люда: по предложенію трибуна Фламинія, обѣдѣвшимъ крестьянамъ были розданы земли въ Сѣверной Италіи. Для обезпеченія вновь приобрѣтенныхъ областей были основаны колоніи, и проведена къ По военная дорога (*Via Flaminia*). Въ то же время подготавлилась новая борьба между Римомъ и Карфагеномъ. Римляне заняли Сардинію и Корсику и этимъ сильно подорвали пуническую торговлю въ западныхъ водахъ Средиземнаго моря. *Зато Гамилькаръ создалъ новое царство для Карфагена покореніемъ племени южной Испаніи.* Этотъ успѣхъ былъ особенно важенъ потому, что иберскія племена Испаніи дали Гамилькару и его сыну, Ганнибалу, великолѣпныхъ солдатъ. Разрывъ между Римомъ и Карфагеномъ произошелъ вслѣдствіе того, что Ганнибалъ взялъ союзную римлянамъ греческую колонію Сагунтъ, а карфагенскій сенатъ поддержалъ своего полководца.

Вторая пуниче-
ская война.

Римляне рассчитывали высадиться въ Африкѣ и уже собрали для этого армію въ Сициліи. Но имъ пришлось сразу почувствовать, что они имѣютъ дѣло уже не съ неумѣлымъ карфагенскимъ сенатомъ, а съ геніальнымъ полководцемъ: вмѣсто того, чтобы выжидать нападенія въ Испаніи и Африкѣ, Ганнибалъ рѣшился на необычайное дѣло—*пройти сухимъ путемъ изъ южной Испаніи въ Сѣверную Италію, идъ онъ надѣялся поднять только что побѣжденныхъ римлянами кельтовъ.* Для этого надо было пробиться среди дикихъ и воинственныхъ народовъ Испаніи и Галліи, перейти Пиринейскія горы, Рону и, наконецъ, Альпы. Пуническая армія должна была оторваться отъ всѣхъ сообщеній съ южной Испаніей и Африкой, вступить въ малоизвѣстныя страны съ суровымъ, особенно для южанъ, климатомъ, и рассчитывать единственно на свою непоколебимую силу. Пять мѣсяцевъ шелъ Ганнибалъ отъ Эбро до Турина и при этомъ потерялъ половину своего войска. Особенно ужаснымъ оказался переходъ черезъ Альпы (вѣроятно, черезъ Малый С. Бернардъ): въ сентябрѣ въ горахъ уже началъ падать снѣгъ, слоны и люди летѣли въ пропасти, борьба съ туземными дикарями, которые загораживали тропинки и балили камни на проходившія войска, оказалась кровопролитнѣе правильныхъ сраженій. 20,000 человекъ ли-

війскою и иберскою пѣхотою, 6,000 нумидійскою ¹⁾ конницею вывелъ Ганнибалъ въ долину По,—повидимому, силу ничтожную по сравненію съ могуществомъ Рима, располагавшаго средствами всей Италіи. Но его невѣроятный походъ послужилъ ему сразу великую службу: онъ совершенно перепуталъ всѣ соображенія и мѣропріятія римлянъ. *Врагъ оказался въ тылу и, кромѣ того, въ плочо покоренной кельтской области.* Пришлось наскоро поворачивать войска — армию одного изъ консуловъ изъ Сициліи переправлять на сѣверъ. Въ первомъ же столкновеніи—при Тицинѣ—африканская кавалерія совершенно смяла римскую, и консулъ Публій Корнелій Сципионъ наскоро отступилъ на соединеніе съ Тиберіемъ Семпроніемъ Гракхомъ, который шелъ изъ Сициліи. Составилась большая римская армія. Гракхъ рѣшилъ безъ замедленія напасть. Ганнибалъ сталъ за рѣкою Требіей, такъ что легіонамъ въ сильный холодъ пришлось переходить ее въ бродъ. Римляне были совершенно разбиты. Побѣда при Требіи вызвала отпаденіе отъ Рима кельтскихъ племенъ. Ихъ отрядами Ганнибалъ пополнилъ пробѣлы своего небольшого войска. Между тѣмъ къ нему навстрѣчу подвигалась третья римская армія, подъ начальствомъ народнаго любимца Фламинія. Новый консулъ былъ человекъ предприимчивый и даже самонадѣянный, но уроки, данные при Тицинѣ и Требіи, и на него произвели въкоторое впечатлѣніе. Онъ занялъ укрѣпленную позицію противъ карфагенянъ и не выходилъ въ поле. Между тѣмъ положеніе Ганнибала было таково, *что ему надо было вновь и вновь побѣждать, чтобы держаться. Онъ былъ въ чужой странѣ и не могъ разсчитывать на прочную поддержку непостоянныхъ кельтовъ.* Онъ опять рѣшился на дѣло, которое всякій другой считалъ бы невозможнымъ: онъ прошелъ мимо Фламинія черезъ тосканскія болота. Четыре дня шли его люди по горло въ водѣ, пробираясь между трясинами, въ лихорадочной атмосферѣ которыхъ не можетъ ужиться населеніе. Появились болѣзни въ войскѣ, самъ Ганнибалъ потерялъ глазъ, но дѣло все-таки было сдѣлано. Пунийцы очутились въ тылу консула на открытой дорогѣ въ Римъ. Фламиній бросился за ними и при Тразименскомъ озерѣ попалъ въ засаду. Самъ онъ былъ убитъ, а войско его потерпѣло полное пораженіе.

¹⁾ Нумидія — область Сѣверной Африки, населенная воинственными кочевыми племенами.

Битва при Кан-
нахъ.

По необходимости въ Римѣ взяла верхъ партія, настаивавшая на выжидательномъ веденіи войны. Представитель ея, Фабій Максимъ, былъ назначенъ диктаторомъ и своими распоряженіями заслужилъ прозвище „Кунктатора“ (медлителя). Онъ неуклонно держался одного плана — избѣгать сраженія въ открытомъ полѣ и отстаивать укрѣпленныя мѣста. Такая война была, дѣйствительно, неудобна для Ганнибала, *который съ своимъ небольшимъ войскомъ не имѣлъ никакой возможности заниматься осадой городовъ. Его главная надежда теперь была на возстаніе подвластныхъ Риму народовъ.* Чтобы поднять это возстаніе, онъ прошелъ въ Апулію. Въ 216 году римляне дали ему новый случай показать свое превосходство надъ ихъ полководцами. Консулы Теренцій Варронъ и Эмилиій Павелъ отступили отъ выжидательнаго образа дѣйствій Кунктатора. Первый изъ нихъ, сынъ мясника и представитель римской народной массы, былъ въ ссорѣ со своимъ знатнымъ товарищемъ и хотѣлъ рѣшительнымъ ударомъ добиться славы. При Каннахъ произошло сраженіе, въ которомъ римляне были гораздо многочисленнѣе пунійцевъ. Кельты Аннибала, стоявшіе въ серединѣ, подались назадъ, но на флангахъ одолѣли иберы и ливійцы, а нумидійская конница очутилась въ тылу легионовъ. Римляне потерпѣли такое пораженіе, какого не испытывали со времени галльскаго погрома: изъ 80,000 спаслось только около трети. Казалось, пунійцамъ оставалось только итти на Римъ и закончить кровавую войну взятіемъ города. Но Ганнибалъ зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло. *Тяжелая невзгода только подняла духъ римлянъ, заставила ихъ забыть все личные счеты и раздоры и сожмуться грудью за родину.* Сенатъ послалъ благодарность Варрону за то, что онъ собралъ остатки войска и не отчаялся въ спасеніи отечества. Все мужское населеніе, начиная съ 17-лѣтняго возраста, было призвано къ оружію; изъ рабовъ набрано два легиона. Сенаторы на свой счетъ снарядили флотъ. Во главѣ войска былъ Фабій Кунктаторъ и одинъ изъ героевъ кельтской войны, Клавдій Марцеллъ.

216.

Вторичное за-
воеваніе Италіи
Римлянами.

Ганнибалъ прекрасно зналъ свои силы и не сдѣлалъ попытки напасть на Римъ, какъ вообще избѣгалъ нападеній на укрѣпленныя позиціи. *Его расчетъ на возстаніе италикъ какъ будто начиналъ осуществляться:* отъ Рима отпали Сиракузы, Капуя и самниты. Но это отпаденіе было особаго

свойства: конечно, важно было, что Римъ не могъ болѣе получить помощи изъ возставшихъ противъ него областей, и что ему приходилось заботиться объ ихъ покореніи; но Ганнибалъ не въ силахъ былъ возбудить противъ римлянъ новую самнитскую войну, не могъ даже замѣнить свои убывшія войска этими италиками. Къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ Рима его новые союзники, за исключеніемъ кельтовъ, оказывались мало способными, такъ какъ они все еще не поправились отъ погрома самнитскихъ войнъ и вяло поддерживали пунійцевъ. Война затягивалась, и римляне успѣли оправиться. Противъ Ганнибала они оборонялись со всей осторожностью, зато поодиоцкѣ наказывали его союзниковъ. Уже въ 212 году Марцеллъ взялъ Сиракузы, въ 211 была покорена Капуя. Для Ганнибала возникалъ роковой вопросъ о поддержкѣ со стороны—собственными силами онъ, очевидно, не въ состояніи былъ одолѣть Римъ. *Карфагенскій сенатъ все время относился къ борьбѣ почти безучастно, какъ будто она велась не ради Карфагена.* Кое-какія подкрѣпленія были отправлены только въ Испанію. Зато Ганнибалъ возлагалъ надежды на своего брата Гасдрубала, который велъ упорную борьбу съ римскими войсками въ Испаніи. Дѣйствовавшій тамъ молодой полководецъ, Публий Корнелій Сципіонъ, побѣдилъ Гасдрубала, но не могъ помѣшать ему уйти въ Италію тою же дорогой, которой раньше прошелъ Ганнибалъ.

212. 211.

Въ Галліи Гасдрубалъ пополнилъ свои иберскія войска новыми наборами и въ 207 году вступилъ въ Италію. Опасность была крайняя, но римляне искусно воспользовались тѣмъ, что находились въ серединѣ между двумя братьями и разобщали ихъ. Консулъ, стоявшій противъ Ганнибала въ южной Италіи, Клавдій Неронъ, перехватилъ гонцовъ, посланныхъ извѣстить Ганнибала о прибытіи подмоги. Онъ тотчасъ рѣшился на сильный шагъ: тайно ушелъ изъ своего лагеря съ лучшими войсками, форсированнымъ маршемъ прошелъ черезъ Италію, и явился на помощь къ своему товарищу, заграждавшему дорогу Гасдрубалу. *Войско Гасдрубала было уничтожено, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшена была участь Ганнибала.* Еще нѣсколько лѣтъ держался онъ въ Италіи, но около него все суживался кругъ римскихъ силъ. Гдѣ онъ не присутствовалъ самъ, тамъ появлялись и укрѣплялись римляне. Подъ конецъ, пунійское войско было стѣснено въ крайнемъ

207.

углу—въ Бруттиумъ, хотя противники все еще не рѣшались сразиться съ Ганнибаломъ въ открытомъ полѣ.

Война въ Африкѣ.

Смертельный ударъ Ганнибалу былъ нанесенъ со стороны, изъ той же Испаніи, гдѣ составилаь его армія. Публий Корнелій Сципионъ совершенно разрушилъ тамъ карфагенское господство и выхлопоталъ у сената разрѣшеніе высадиться въ Африкѣ. Популярность молодого полководца была такъ велика, что сенатъ отнесся къ нему даже съ нѣкоторой завистью и предоставилъ въ его распоряженіе только сицилійскія войска, главную часть которыхъ составляли остатки разбитыхъ при Каннахъ легионовъ. Но Сципиона поддержали добровольцы и добровольныя приношенія, и не только изъ Рима, но также изъ колоній и муниципіевъ, оставшихся вѣрными Риму. *Высадка ея въ Африкѣ застала карфагенскій сенатъ врасплохъ точно такъ же, какъ высадка Ремула. Карфагеняне не нашли другою средства защиты, какъ вызвать на помощь Ганнибала.* Съ горечью въ сердцѣ оставилъ великій полководецъ италіанскую землю, которую прошелъ изъ конца въ конецъ и теперь потерялъ, не понесши ни одного пораженія. Ветераны его большею частью полегли въ походахъ, и когда Ганнибалъ явился въ Африку, то не могъ уже не разсчитывать на свои силы. Онъ попытался даже вступить въ переговоры со Сципиономъ, но безуспѣшно. При Замѣ встрѣтились побитые при Каннахъ легионы со своими прежними побѣдителями. Старые африканскіе и иберскіе солдаты Ганнибала поддержали свою славу и долго оспаривали успѣхъ битвы. Но вновь набранные люди не могли мѣряться съ римлянами и только помѣшали своимъ. Дѣло кончилось полнымъ пораженіемъ пуницевъ. Карфагенъ тотчасъ принялъ миръ, хотя ему были поставлены тяжелыя условія: громадная контрибуція, сдача флота и подчиненіе Риму на правахъ союзнаго города (202 г.)

202.

Вторая пуническая война оказалась поучительна во многихъ отношеніяхъ. *Она ясно показала, что въ великихъ войнахъ рѣшающее значеніе имѣютъ не столько дарованія вождя, сколько духъ и строй народовъ.* Геніальность Ганнибала обнаружилась тѣмъ сильнѣе, что онъ въ сущности одинъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ воевалъ съ Римомъ. Но окончательный исходъ отъ этого не измѣнился: Карфагенъ оказался не на высотѣ своего положенія, а Римъ проявилъ несокрушимую силу па-

тріотизма и твердости. Поведеніе италійскихъ племенъ также было крайне характерно и важно. Война въ Италиі была тяжелой пробой ихъ настроенія. Живыя, дѣятельныя силы держались Рима; отпавшіе отъ него кельты, самниты, кампанцы, южные италики были уже настолько ослаблены и разрозненны римскимъ завоеваніемъ, что не оказали значительной поддержки своему освободителю.

Побѣда надъ Карфагеномъ сдѣлала Римскую республику самымъ сильнымъ государствомъ въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Какое впечатлѣніе производила сила Рима въ это время, можно заключить изъ того, что еще до окончательной побѣды надъ Ганнибаломъ, въ самый разгаръ пунической войны, египтяне, въ виду попытокъ македонскаго царя Филиппа III и Селевкида Антиоха III овладѣть Египтомъ, признали Римъ опекуномъ малолѣтняго Птолемея Эпифана. Римъ былъ призванъ, такимъ образомъ, ко вмѣшательству въ дѣла восточно-греческихъ монархій, возникшихъ изъ царства Александра Великаго. Филиппъ и Антиохъ соединились противъ Рима, но дѣйствовали не единодушно, такъ что удалось сражаться съ ними поодиночкѣ. Въ 196 г. Титъ Квинцій Фламинійъ нанесъ пораженіе Филиппу при Киноскепалахъ, а въ 190, Луцій Сципіонъ, братъ побѣдителя при Замѣ, разбилъ Антиоха при Магнезій (на р. Сипилѣ). Побѣжденные области не были присоединены къ Риму, а вступили съ нимъ въ союзъ, причѣмъ, конечно, должны были слѣдовать указаніямъ сената въ важнѣйшихъ вопросахъ, особенно по внѣшней политикѣ. Во всякомъ случаѣ, имъ было предоставлено право вѣдать самимъ свои внутреннія дѣла, и Фламинійъ могъ поэтому провозгласить Грецію „свободной“. Въ побѣды этого времени были одержаны людьми изъ круга Сципіоновъ (къ нему принадлежалъ и Фламинійъ). Стоявшій во главѣ этого круга Публий получилъ прозваніе Африканскаго, братъ его Луцій — Азіатскаго. Но преобладаніе ихъ было далеко не безспорное. Необыкновенное возвышеніе дома Корнеліевъ Сципіоновъ возбуждало опасенія и зависть. Римлянамъ стараго закала, приверженцамъ простоты, строгости нравовъ, узкаго эгоистическаго патріотизма, не нравилось дружелюбное отношеніе Сципіоновъ къ иноземцамъ, ихъ преклоненіе передъ греческой образованностью. Особенно выдвинулся борьбой противъ нововведеній, роскоши и иностранныхъ вліяній

Македонскія
войны.

212
Филипп III
Тит Квинций
190

196.

190.

Маркъ Порцій Катонъ, одинъ изъ самыхъ строгихъ цензоровъ римскаго народа. На время значеніе Сципіоновъ настолько поколебалось, что Азіатскаго осудили въ народномъ собраніи по обвиненію въ казнокрадствѣ; самъ Африканскій съ трудомъ избѣжалъ такого же приговора и совершенно удалился отъ дѣлъ.

168. Но кружокъ Сципіоновъ трудно было отстранить окончательно: къ нему принадлежали самые способные люди тогдашняго Рима, и безъ ихъ участія дѣла, особенно иностранныя, шли плохо. Въ 168 году, послѣ цѣлаго ряда неудачъ, римляне принуждены были послать въ Македонію, противъ Персея, сына Филиппа III, одного изъ видныхъ дѣятелей этого кружка — Эмилиа Павла. Онъ быстро покончилъ войну побѣдой при Пиднѣ. Сынъ его былъ усыновленъ Сципіономъ Африканскимъ и получилъ имя Сципіона Эмилиана. Къ нему обратились въ третьей пунической войнѣ, возгорѣвшейся вслѣдствіе невыносимыхъ придирокъ и притѣсненій римлянъ: сенатъ поддерживалъ противъ Карфагена нумидійскихъ вождей, а старикъ Катонъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ повторялъ, что Карфагенъ надо разрушить ¹⁾. Доведенные до крайности карфагеняне защищались съ храбростью отчаянія, и война шла вначалѣ неудачно для Рима. Но Сципіонъ Эмилианъ послѣ трехдневнаго боя взялъ и разрушилъ Карфагенъ (146 г.). Въ этомъ же году римляне подавили возстаніе грековъ, и полководецъ ихъ Муммій сжегъ Коринѣъ.

146.

Провинціи.

Вслѣдствіе этихъ побѣдъ Римъ сдѣлался владыкой всего Средиземнаго моря. Были, правда, народы, не подчиненные ему; часть испанскихъ и галльскихъ племенъ еще сохраняли независимость — но они не имѣли большого значенія въ жизни тогдашняго міра. Были союзныя государства, сохранявшія самоуправленіе — Египетъ, Пергамъ, Нумидія, но ихъ политика должна была сообразоваться съ указаніями сената. *А рядъ важнѣйшихъ областей перешель прямо во владѣніе народа римскаго.* Сицилія была его первой провинціей внѣ Италіи; затѣмъ присоединились цизальпінская Галлія (т. е. Галлія по сю сторону Альпъ — теперешнія Ломбардія и Піемонтъ), Сардинія съ Корсикой, Македонія, Ахея (Греція), Африка (карфагенскія владѣнія), Испанія. *Вся почва провинцій призна-*

¹⁾ Ceterum censeo Carthaginem esse delendam.

ва^лась *собственностью народа римскаго*; часть земель прямо поступала въ казну или занималась колоніями; на остальныхъ продолжало жить прежнее населеніе, но уже не по праву собственниковъ, а какъ арендаторы, обязанные платить Риму оброкъ (*vestigal*). Управление провинціи всецѣло принадлежало магистратамъ или бывшимъ магистратамъ (проконсулы, пропреторы), посланнымъ туда сенатомъ. *Римскій намѣстникъ*, пока онъ находился въ провинціи, былъ полнѣмъ *господиномъ жизни и имущества всего населенія*. По возвращеніи въ Римъ можно было жаловаться на него въ сенатъ или даже возбудить преслѣдованіе въ судѣ за вымогательство (*repetundarum, de pecuniis repetundis*), но провинціаламъ не легко было добиться правосудія противъ вліятельныхъ римлянъ, и намѣстники обыкновенно сильно злоупотребляли своей громадной властью — грабили народъ и совершали всевозможныя насилія. Нечего и говорить, что пріобрѣтеніе провинцій усилило нобилитетъ, такъ какъ изъ его членовъ назначались намѣстники.

Но на сенатскую аристократію было наложено одно очень существенное ограниченіе: *лицамъ, которыя занимали дожности, запрещено было участвовать въ торговыхъ дѣлахъ*. Сенаторы не могли поэтому ни сваряжать кораблей, ни арендовать обширные участки казенной земли, ни снимать съ торговъ право собирать подати и оброки провинцій. А между тѣмъ, вслѣдствіе завоеваній Рима, открывались случаи для громадныхъ и чрезвычайно выгодныхъ предпріятій. Торговля въ Средиземномъ морѣ и по его берегамъ оживилась вслѣдствіе того, что римское владычество полагало конецъ войнамъ между прибрежными государствами. Вслѣдствіе завоеванія провинцій быстро возрастало государственное землевладѣніе, постоянно увеличивались взимающіяся съ провинціаловъ оброки и подати; римскіе цензоры отдавали на откупъ хозяйство въ казенныхъ имѣньяхъ, сборъ податей и оброковъ, и аукціонъ цензоровъ сдѣлался рынкомъ, на которомъ оцѣнивались достатки и распредѣлялись подати почти всего образованнаго міра. На этихъ денежныхъ оборотахъ можно было быстро составить колоссальное богатство, и естественно, что къ нимъ стремились римляне, имѣвшіе нѣкоторое состояніе. Такъ какъ сенаторы и вообще члены должностной знати (нобилитета) были устранены отъ прямого участія въ этихъ оборотахъ, то они старались обходить законъ, поручая свои капиталы отпущен-

всадники.

нымъ на волю рабамъ, которые должны были вести дѣла какъ-бы отъ себя. Благодаря этому, вольноотпущенные получили большое значеніе въ городѣ и часто очень наживались. Но мало-по-малу образовалось цѣлое сословіе людей, которые посвящали себя исключительно денежнымъ предпріятіямъ и крупной торговлѣ; для того, чтобы дѣйствовать вполнѣ свободно, они уклонялись отъ должностей. *Такимъ образомъ рядомъ съ правительственной аристократіей, занимавшей магистратуры и сенатъ, появилась денежная аристократія, вращавшая капиталами всею міра.* Цензоры записывали этихъ богачей во всадническія центуріи перваго класса, и потому все сословіе стало называться *всадниками* (equites).

Переворотъ въ
римскомъ гра-
жданствѣ

Войны III и II вѣковъ и завоеваніе Средиземнаго моря вызвали и другія, печальныя измѣненія въ бытѣ римскаго народа. *Римъ былъ обязанъ необыкновенными успѣхами своею оружіемъ, главнымъ образомъ, патриотизму и стойкости свободнаго крестьянства.* Несравненная пѣхота легионовъ составлялась изъ владѣльцевъ мелкихъ участковъ въ какіе-нибудь 7, 10, 15 югеровъ, которые привыкли къ упорному труду на своемъ полѣ, но не стыдились своего труда и скромнаго достатка, а съ гордостью сознавали себя свободными гражданами великаго Рима. Но такія войны, какъ вторая пуническая или продолжительные походы за море въ Македонію, Сирію, Испанію, подрывали силы и бытъ римскаго крестьянства. Мелкое хозяйство, заброшенное владѣльцемъ, разстраивалось; *самъ владѣлецъ изъ крестьянина обращался въ солдата, привыкалъ искать прокормленія не въ хлѣбопашествѣ, а въ жалованьи и добычѣ.*

Правда, послѣ cadaго завоеванія часть нуждающихся гражданъ получала надѣлы въ колоніяхъ, но, благодаря этому, римляне и латиняне переходили мало-по-малу на новыя и дальнія мѣста поселенія, а римская область и Лаціумъ пустѣли. Самъ городъ Римъ привлекалъ массу жителей изъ всѣхъ частей Италіи и изъ провинцій, но толпа, которая все росла въ немъ, отличалась всѣми дурными свойствами черни большихъ городовъ. *Тамъ все увеличивалось число людей, искавшихъ легкой наживы на счетъ государства и богатыхъ: граждане, торговавшіе своими голосами на выборахъ, искатели приключеній изъ Греціи и съ востока, праздношатающійся людъ, питавшійся даровыми раздачами отъ города и подачками*

сенаторовъ и всадниковъ—весь этотъ народъ, конечно, не могъ замѣнить прежняго простого и выдержаннаго крестьянства. Надо прибавить еще одинъ фактъ для довершенія картины упадка, наступившаго вмѣстѣ съ побѣдами. *Завоеванія одрругъ увеличили до чрезвычайной степени число рабовъ: особенно много ихъ нахлынуло изъ Азіи. Богатые люди покупали ихъ массаами и устраивали съ помощью ихъ труда большія хозяйства (latifundia):* это довершало разореніе мелкихъ крестьянъ. Они не могли посылать на рынокъ такой же хорошій скотъ, какъ ихъ богатые сосѣди, располагавшіе обширными пастбищами и многочисленными пастухами изъ рабовъ; еще труднѣе было воздѣлывать хлѣбъ за такія ничтожныя цѣны, какъ въ хлѣбородной Сициліи или Африкѣ. *Поэтому мелкіе владельцы стали относить продавать участки богатымъ людямъ, бросать хозяйство и уходить въ города; тамъ открывалась плохо обезпеченная, но всеякая и бездѣльная жизнь пролетарія 1).*

Такимъ образомъ, побѣды римскаго народа далеко не улучшили его внутренняго состоянія; напротивъ, замѣчался быстрый упадокъ, противъ котораго трудно было найти подходящія средства.

Глава VI.

ЭПОХА ГРАЖДАНСКИХЪ СМУТЬ.

Вырожденіе Рима стало обнаруживаться не только въ измѣненіяхъ быта и нравовъ, а даже въ ослабленіи боевой готовности. Девять лѣтъ (съ 149 г.) тянулась утомительная война съ испанскими племенами, и римляне не только не въ состояніи были покорить ихъ, но сплошь и рядомъ терпѣли позорныя пораженія. Особенно отличился въ этой борьбѣ лузитанецъ Виріатъ, отъ котораго удалось избавиться только при помощи подосланныхъ убійцъ; но, и послѣ его смерти, твердыня иберовъ, Нуманція, оказывала непреодолимое сопротивленіе. Въ походѣ противъ нея армія консула Манцина попала въ то же самое положеніе, какъ войско, которое сдалось самнитамъ при Кавдинскихъ ущельяхъ. Его окружили со всѣхъ сторонъ въ горахъ, и его квестору, Тиберію Гракху, стоило большого тру-

Испанская война.

149.

1) Человѣкъ, не имѣющій опредѣленныхъ собственныхъ средствъ къ жизни.

да выхлопотать свободный пропускъ, подъ условіемъ заключенія мира и сдачи всего имущества римской арміи.

Сенатъ поступилъ совершенно такъ же, какъ въ самнитской войнѣ—не утвердилъ мира и выдалъ Манцина непріятелю. Въ Испанію послали Сципіона Эмилиана, какъ лучшаго полководца республики, и ему, наконецъ, удалось поднять дисциплину римскихъ войскъ и взять Нуманцію. Въ это же самое время было подавлено страшное возстаніе рабовъ въ Сициліи.

Тиберій Гракхъ. Но гораздо важнѣе этихъ событій были внутреннія реформы того же самаго Тиберія Гракха, который сыгралъ такую важную роль въ войскѣ Манцина. Онъ происходилъ изъ знатнаго плебейскаго рода Семпроніевъ. Отецъ его, консулъ и цензоръ, заслужилъ общее уваженіе своимъ безупречнымъ, строгимъ поведеніемъ, соединеннымъ съ большой справедливостью и гуманностью. Мать, Корнелія, была дочерью побѣдителя при Замѣ; она передала сыновьямъ гордость и честолюбіе своего дома—благородное стремленіе отличиться передъ всѣми любовью къ отечеству и заслугами. Тиберій былъ глубоко проникнутъ сознаніемъ, что римляне его времени недостойны своихъ предковъ, и что необходимо бороться противъ зла, пока еще не поздно.

Его планъ реформы окончательно сложился въ то время, какъ на пути въ Испанію онъ проѣзжалъ по Этруріи и наблюдалъ запустѣлыя поля и рабское населеніе, которое гнѣздилося на нихъ вмѣсто прежняго свободнаго крестьянства. *Съ тѣхъ поръ онъ поставилъ цѣлью своего существованія возродить крестьянскій классъ, истинную основу успѣховъ и величія Рима.*

133.

Въ 133 году Тиберія выбрали трибуномъ. Онъ внесъ въ комиціи предложеніе аграрнаго закона¹⁾, который долженъ былъ создать новое сословіе мелкихъ собственниковъ. Государственныя земли въ Италіи были уже расхватааны, и, повидимому, негдѣ было взять полей для новыхъ владѣльцевъ. Но занятіе казенной земли (*ager publicus*) совершилось незаконнымъ путемъ захватовъ, при которыхъ богатые граждане присвоили себѣ громадныя участки. Гракхъ возобновилъ правило законовъ Лицинія и Секстія, что никто не долженъ держать

¹⁾ Законъ о владѣніи землей.

болѣе извѣстнаго числа югеровъ государственной земли: Гракхъ опредѣлилъ это число въ 1000 югеровъ. *Всѣ излишки отбирались обратно въ казну и обращались въ надѣлы для бѣдныхъ гражданъ, по 30 югеровъ въ каждомъ.* Надѣлы эти раздавались за небольшой оброкъ, и ихъ запрещено было продавать, чтобы помѣшать скупкѣ участковъ богатыми. Завѣдываніе всѣми дѣлами по возвращенію и раздачѣ казенныхъ земель было передано комиссіи изъ трехъ лицъ (triumviri agris dandis assignandis), по ежегодному выбору народа. Сенаторы, конечно, болѣе всѣхъ другихъ должны были потерпѣть отъ предложенія Гракха, такъ какъ въ ихъ рукахъ находилась большая часть государственной земли; притомъ они нисколько не желали, чтобы народъ вдругъ усилился вслѣдствіе увеличенія числа мелкихъ, по независимыхъ собственниковъ. Они подговорили товарища Гракха по трибунату, Октавія, остановить законопроектъ Гракха своимъ запрещеніемъ (veto). Противъ законности этого запрещенія ничего нельзя было возразить, и Тиберію оставалось только или подчиниться и отложить свой планъ, или же устранить своего противника во что бы то ни стало. Онъ предпочелъ послѣднее и внесъ второе, неслыханное, предложеніе, а именно—поставилъ вопросъ: можетъ ли трибунъ, который дѣйствуетъ противъ желанія народа, сохранять свою должность? Въ день голосованія народъ со всѣхъ сторонъ и въ величайшемъ возбужденіи сбѣжался въ Римъ. Тиберій открылъ голосованіе и, когда семнадцать трибъ¹⁾ сказали „нѣтъ“ (т. е. не можетъ), приостановилъ подачу голосовъ и обратился къ Октавію съ трогательнымъ увѣщаніемъ не принуждать его къ крайнимъ мѣрамъ и уступить волѣ народа. Тотъ остался при своемъ, и Гракхъ довелъ голосованіе до конца. Октавія смѣнили; назначенный на его мѣсто трибунъ примкнулъ къ Гракху, и аграрный законъ прошелъ черезъ комицію. Триумвирами были избраны самъ Тиберій, его братъ Кай и тесть Аппій Клавдій.

Но трудности реформы становились все чувствительнѣе. Триумвирамъ приходилось пересматривать условія землевладѣнія во всей Италіи и отбирать множество земель, которыя долгіе годы были въ частныхъ рукахъ. Возникало множество

¹⁾ Всѣхъ трибъ было 35, значить 18 составляли большинство.

жалобъ и неудовольствій. Для того, чтобы продолжать начатое дѣло, Тиберію необходимо было сохранить за собою могущественное положеніе трибуна, а между тѣмъ избраніе на второй годъ было въ то время запрещено законами. Тиберій опять рѣшился нарушить законъ и выступилъ кандидатомъ на выборахъ 132 года. Сенаторы были до крайности ожесточены. Въ день выборовъ аристократы ворвались на форумъ, разогнали народъ и убили Тиберія и треста его сторонниковъ. Но законъ Гракха не рѣшились уничтожить. Комиссіи триумвировъ продолжали дѣйствовать и увеличили число свободныхъ землевладѣльцевъ на 80,000 человекъ. При этомъ выяснялось, однако, что усиленное надѣленіе римлянъ часто приводило къ захватамъ у латинянъ и союзниковъ; а между тѣмъ, и тѣ, и другіе не менѣе римлянъ несли тяжесть военной службы, и какъ разъ среди нихъ особенно много сохранилось независимыхъ и воинственныхъ крестьянъ.

132.

Кай Гракхъ.

123.

Это обстоятельство сдѣлалось исходнымъ пунктомъ реформы, предпринятой въ 123 году братомъ Тиберія, Каемъ Гракхомъ. Младшій Гракхъ посвятилъ себя продолженію дѣла, предпринятаго старшимъ. Онъ былъ еще рѣшительнѣе и предприимчивѣе брата. Участь Тиберія не устрасила его, а заставила думать о томъ, *чтобы найти противъ нобилитета союзниковъ въ разныхъ частяхъ общества*. Этою цѣлью объясняются его первыя мѣры. Онъ провелъ предложеніе о продажѣ бѣднѣйшимъ гражданамъ, находившимся въ Римѣ, хлѣба по низкой цѣнѣ изъ государственныхъ магазиновъ (*lex frumentaria*): этимъ онъ склонялъ на свою сторону городскихъ пролетаріевъ. Сельское населеніе онъ привлекъ закономъ объ *устройствѣ новыхъ дорогъ (lex de viis muniendis)*, вслѣдствіе котораго онъ сталъ во главѣ общественныхъ работъ во всей Италіи. И для того, и для другого класса представляло выгоды предложеніе объ *устройствѣ новыхъ колоній*. Наконецъ, Гракхъ нанесъ тяжелый ударъ сенатской аристократіи, отнявъ у нея *судъ въ дѣлахъ о вымогательствахъ*. Судъ этотъ былъ переданъ всадникамъ, которые такимъ образомъ получили контроль надъ дѣйствіями провинціальныхъ намѣстниковъ. Самые различные классы общества были такимъ образомъ заинтересованы въ поддержкѣ Кая Гракха и его реформъ. Самъ онъ, какъ трибунъ, триумвиръ для раздачи государственныхъ земель (по закону Тиберія Гракха), устроитель новыхъ коло-

ній и руководитель дорожныхъ работъ, занявъ невиданное дотогѣ въ республикѣ положеніе. Но власть привлекала его не сама по себѣ—она нужна ему была для проведенія великой мѣры, которая должна была совершенно измѣнить весь составъ римскаго народа. Онъ не хотѣлъ уже ограничиться надѣленіемъ обдѣланныхъ гражданъ землей, а задумалъ даровать римское гражданство союзникамъ, которые давно уже служили Риму и представляли запасъ здоровыхъ силъ, значительно растроченныхъ въ самомъ Римѣ. Законъ о дарованіи гражданства союзникамъ (*lex de civitate sociis danda*) встрѣтилъ, однако, мало сочувствія среди членовъ римскихъ комицій, которые очень дорожили привилегированнымъ положеніемъ среди италиковъ. Сенатской аристократіи всѣ реформы Кая Гракха и его необыкновенное положеніе казались началомъ конца для республики, и она вооружилась противъ нихъ еще съ большимъ озлобленіемъ, чѣмъ противъ законовъ Тиберія Гракха. Дѣйствовали сенаторы очень ловко. Если Кай пустилъ въ ходъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы пріобрѣсти расположеніе различныхъ слоевъ общества, то сенатъ, съ своей стороны, позаботился о томъ, чтобы выставить противъ него противника, который отбилъ бы у него популярность. Съ этой цѣлью одинъ изъ товарищей Гракха, трибунъ Ливій Друзъ, выступилъ съ предложеніемъ основать двѣнадцать колоній въ Италиі и даже за ея предѣлами и сложить съ владѣльцевъ участковъ на государственной землѣ наложенные на нихъ оброки. Этимъ способомъ удалось нѣсколько отвлечь народъ отъ Кая Гракха, а главный его законъ о союзникахъ, самый важный изъ всѣхъ, былъ и безъ того не по душѣ комиціямъ. Каю не удалось провести его во второй годъ своего трибуната, а когда онъ выступилъ въ 121 году кандидатомъ въ третій разъ на ту же должность, то народъ его не выбралъ. Гракхъ оставался, однако, триумвиромъ по устройенію колоніи на мѣстѣ, гдѣ стоялъ прежде Кароагенъ. Послѣ его пораженія на выборахъ, сенаторы и въ этомъ отношеніи стали, по возможности, мѣшать ему. Кай, подобно Тиберію, не удержался отъ незаконныхъ дѣйствій въ защиту своихъ реформъ: его сторонники заняли съ оружіемъ Авентинъ. Только такого повода и недоставало сенату, чтобы окончательно сразить противника. Консулъ Опимій взялъ Авентинъ штурмомъ, и Кай Гракхъ погибъ во время преслѣдованія.

Нѣтъ сомнѣнiя, что планы Гракховъ были провинуты глубокимъ политическимъ смысломъ и что полное осуществленiе ихъ надолго возобновило бы силы государства. Но даже для того, чтобы провести ихъ отчасти, пришлось главныя мѣры обставить другими, рассчитанными на то, чтобы понравиться народу, но по существу очень сомнительными. *Затѣмъ, оказалось, что нѣтъ никакой возможности провести реформы обычными и законными путями.* Гракхи нарушили законы и заплатились за это жизнью, но *главная отвѣтственность за неудачу ихъ обширныхъ и патриотическихъ замысловъ падаетъ, конечно, на близорукость и эгоизмъ какъ сенатской аристократии, такъ и народа, который не сумѣлъ понять и поддержать своихъ вождей.* *Д. Сп. VIIII*

Югуртинская война.

Мѣры Гракховъ, поскольку онѣ осуществились, подновили нѣсколько римское гражданство, но далеко не достаточно, чтобы приостановить его упадокъ. Почти немедленно послѣ убiйства Кая Гракха, начались беспорядки въ союзномъ нумидiйскомъ царствѣ, гдѣ одинъ изъ князей, Югурта, расправился со всѣми своими старшими родственниками — перебилъ ихъ одного за другимъ, несмотря на заступничество Рима. Коварный нумидецъ получилъ возможность дѣйствовать такъ успѣшно только *потому, что подкупалъ самыхъ влиятельныхъ въ Римѣ сенаторовъ.* Когда, наконецъ, противъ него начали войну, то она пошла не лучше, чѣмъ въ свое время испанская: полководцы смѣняли одинъ другого безъ всякихъ результатовъ, а иногда Югуртѣ удавалось наносить римлянамъ весьма чувствительныя пораженiя. Дѣло стало опаснымъ, когда, въ самый разгаръ африканской войны, въ недавно приобрѣтенной трансальпийской Галлiи ¹⁾ появились первыя полчища германцевъ. Приходилось напрягать всѣ силы, чтобы поскорѣе окончить войну въ Африкѣ и изготovitъ къ отпору варваровъ на сѣверѣ. Окончательная побѣда надъ Югуртой удалась консулу К. Марiю, человѣку совершенно безродному и необразованному, выдвинувшемуся исключительно своими военными дарованiями. Югурта былъ взятъ въ плѣнъ квесторомъ Марiя, Луциемъ Корнелиемъ Суллой.

Киммеры и Тевтоны.

Окончанiе Нумидiйской войны развязывало руки для энергическихъ дѣйствiй на сѣверѣ. Вся Галлiя и альпiйскiя области находились въ волненiи вслѣдствiе напора арийскаго племени — германцевъ, которые старались проникнуть въ

¹⁾ Галлiя по ту сторону Альпъ — теперешнiй Провансъ (provincia).

благословенныя южныя страны. Впереди двигались кимвры и тевтоны. Они переселялись цѣлыми народами, съ женами и дѣтьми, на безчисленныхъ повозкахъ. Высокій ростъ, свирѣпый видъ и воинственность этихъ варваровъ нагоняли страхъ даже на кельтовъ, которые, однако, сами всегда отличались мужествомъ. Многія кельтскія племена пристали къ движенію; сопротивлявшихся пришельцы одолѣли. У римлянъ они требовали земель для поселенія, и хлѣба, и, конечно, получили отказъ. Въ первыхъ столкновеніяхъ варвары имѣли рѣшительный перевѣсъ: они были плохо вооружены, но очень многочисленны и обрушивались на легіоны съ такимъ изступленіемъ, что, подобно кельтамъ при Алліи, разбивали сомкнутые ряды римлянъ. Три римскихъ арміи были побѣждены ими въ разное время въ теченіе нумидійской войны. Въ четвертый разъ при Оранжѣ на Ронѣ противъ нихъ выставлено было цѣлыхъ два войска, болѣе ста тысячъ чело-
вѣкъ. Но римскіе полководцы дѣйствовали несогласно, и арміи ихъ были почти уничтожены. Спасеніемъ было то, что *варвары совершенно не умѣли пользоваться своими побѣдами.* Послѣ битвы при Оранжѣ они, вмѣсто того, чтобы вторгнуться въ Италію, почему-то повернули въ Испанію и два года грабили ее. Этимъ временемъ римляне воспользовались, чтобы собраться съ силами и выставить противъ нашествія своего лучшаго полководца К. Марія.

Въ 102 году громадная полчища германцевъ и кельтовъ двумя дорогами двинулись на Италію. Тевтоны съ примкнувшими къ нимъ кельтами шли по берегу Средиземнаго моря. Кимвры пошли съ сѣвера черезъ Альпы и спустились черезъ Бреннеръ въ долину По. Марій сталъ на Ронѣ противъ западнаго отряда, а противъ восточнаго выступилъ другой консуль, Луताцій Катуль. При Эксѣ (Aquae Sextiae) Марій встрѣтилъ тевтоновъ. Ему удалось ~~выдержать~~ первый натискъ, которымъ особенно грозны были варвары. Легіоны медленно тѣснили назадъ массу тевтоновъ; высланный въ обходъ отрядъ довершилъ побѣду римлянъ. Послѣ страшной рѣзни Марій пошелъ на помощь своему товарищу, который съ трудомъ держался противъ кимвровъ. При Верцеллахъ соединенныя арміи Марія и Катулла одержали побѣду послѣ упорнаго сраженія. Кимврскія женщины гнали отступавшихъ мужчинъ назадъ въ бой и сами съ ожесточеніемъ защищали

102.

лагерь. *Дисциплина и организація образованнаго народа, одико, одержали верхъ надъ безпорядочною храбростью варваровъ.*

Военная реформа Марія.

Побѣды Марія имѣли значеніе не только потому, что они избавили Римъ отъ великой опасности: онѣ были одержаны легионами, составленными иначе, чѣмъ прежнія римскія войска. До сихъ поръ военная служба лежала исключительно на достаточныхъ классахъ общества, а пролетаріи были освобождены отъ нея. При ослабленіи свободнаго крестьянства становилось, однако, все труднѣе и труднѣе набирать достаточное число солдатъ для тяжелыхъ и продолжительныхъ походовъ. Марій произвелъ коренное измѣненіе: *онъ началъ вербовать свои легионы изъ пролетаріевъ.* Они охотно шли на службу и въ рукахъ хорошаго полководца становились хорошими солдатами. Въ долгихъ походахъ они имѣли несомнѣнное преимущество передъ землевладѣльцами, потому что имъ нечего было беспокоиться объ оставленномъ дома хозяйствѣ. Но духъ войска все-таки очень измѣнился къ худшему. Легионеры потеряли привязанность къ гражданскому строю своей родины; они чувствовали себя прежде всего солдатами, а не гражданами; *войско было имъ дороже города, возждъ побѣдитель—императоръ, какъ они юворими,—выше сенаты и комицій.* Къ правительству, которое распоряжалось ихъ кровью и трудами изъ безопаснаго отдаленія, въ мирной обстановкѣ Рима, они относились съ презрѣніемъ; въ отплату за сраженія и походы они требовали добычи, богатства. Счастливыи полководецъ имѣлъ въ такихъ войскахъ страшное оружіе для удовлетворенія своего властолюбія, но и за полководцемъ ветераны шли только потому, что онѣ служилъ ихъ прихотямъ и корысти.

Аппулей Сатурнинъ.

Первая же армія, составленная по новому образцу, вполне обнаружила этотъ характеръ. Тотчасъ послѣ триумфа Марія, трибунъ Аппулей Сатурнинъ внесъ въ комиціи *предложенія, которыя должны были вознаграждать ветерановъ нумидійской и стверной войны за ихъ труды и заслуги.* Каждый изъ нихъ долженъ былъ получить 100 югеровъ въ Африкѣ. Кромѣ того, было предложено вывести новыя колоніи, а завѣдываніе всѣмъ дѣломъ предоставлялось Марію. Но маріанцы дѣйствовали такъ грубо и насильственно, что, несмотря на страхъ передъ ветеранами, противъ нихъ соединились всѣ городскія партіи—сенатъ, всадники, даже мелкое населеніе. Сатурнинъ

прогналъ трибуновъ, запрещавшихъ его предложенія; выборы оныя призывалъ отставныхъ солдатъ, которые вступали въ драку съ противниками, наконецъ занялъ Капитолій. Эта попытка погубила его, какъ занятіе Авентина погубило Кая Гракха. Сатурнина и его сторонниковъ окружили и побили камнями.

Такимъ образомъ, первый опытъ солдатъ предписать законы городу окончился неудачей. Но зло не было устранено—ветераны Марія остались безпокойнымъ, недовольнымъ элементомъ ¹⁾ общества, всегда готовымъ поднять беспорядки или воспользоваться ими.

Поведеніе Марія и его солдатъ настолько напугало сенатъ, Ливій Друзъ. что лучшіе его члены начали признавать необходимость какъ разъ тѣхъ мѣръ, за которыя погибъ Гракхъ. *Чтобы уйти отъ господства вооруженнаго пролетаріата, надобно было восстановить способное носить оружіе крестьянство, а матеріалъ для этого можно было найти только у союзниковъ.* Эти соображенія сдѣлались настолько очевидны, что изъ среды поблителя было выставлено предложеніе о дарованіи права гражданства союзникамъ. Трибунъ Ливій Друзъ, сынъ того Друза, который боролся противъ Кая Гракха, внесъ въ 91 году рядъ предложеній, частью измѣнявшихъ, частью пополнявшихъ реформу 123 г. Съ одной стороны, было предложено отнять суды у всадниковъ и возвратить ихъ сенаторамъ, съ другой,—распространить право римскаго гражданства на итальянскихъ союзниковъ. Кромѣ того, предполагалось пополнить сенатъ 300 членами изъ всадническаго сословія. Противъ Друза соединились весьма различные элементы—часть сенатской аристократіи, опасавшаяся всякихъ реформъ, всадники, чрезвычайно дорожившіе своимъ господствомъ въ судахъ, значительная часть римской черни. Въ одно утро Друза нашли убитымъ въ постели.

Смерть Друза разрушила реформенные планы въ средѣ сената, но она окончательно раздражила союзниковъ, которымъ надобно молча присутствовать при разсужденіяхъ римлянъ объ ихъ правахъ. Они составили обширный заговоръ, въ которомъ особенно дѣятельное участіе принимали самниты и другія горныя племена. Любопытно, что возставшіе не

Союзническая
война.

¹⁾ Составная часть.

стремились возвратить себѣ просто прежнюю самостоятельность, а хотѣли образовать общее италійское государство съ равными правами для всего населенія полуострова и съ правительствомъ по образцу римскаго. Столицей новаго государства они сдѣлали Корфиніумъ, подъ вазваніемъ Италики, а власть передали сенату изъ 500 членовъ отъ всѣхъ племенъ и выборнымъ консуламъ и преторамъ. *Домое и славное востановленіе Рима произвело настолько сильное впечатлѣніе на подвластные ему племена, что, даже возставая противъ него, они старались усвоить себѣ его устройство.* Началась тяжелая и кровопролитная борьба между народами, которые привыкли дѣйствовать заодно въ цѣломъ рядѣ походовъ. На сторонѣ римлянъ была ихъ испытанная организація, между тѣмъ какъ италики должны были создавать свое устройство заново. Но союзники были такъ сильны, что *Римъ едва-ли одолѣлъ бы въ открытой борьбѣ, если бы ему не удалось разединить противниковъ.* Это было достигнуто прямыми уступками. Сначала было дано право гражданства всѣмъ общинамъ, которыя еще не отдѣлились отъ Рима. Затѣмъ оно было обѣщано всѣмъ, кто въ двухмѣсячный срокъ положитъ оружіе. Этимъ путемъ римляне добились отдѣленія отъ союзниковъ Этруріи и Умбріи. Лаціумъ съ самаго начала остался вѣренъ Риму. Самниты и нѣкоторыя южныя племена, однако, продолжали борьбу, и побѣда надъ ними стояла немалыхъ усилій (88 г.). Главная заслуга при усмиреніи мятежа выпала на долю Л. Корнелія Суллы, прежняго квестора Марія, служившаго затѣмъ въ войскѣ Луція Катудла противъ кимвровъ. Къ нему же обратился сенатъ для веденія новой трудной войны, открывшейся на востокѣ.

88.

Марій и Сулльпичій Руфъ.

При распаденіи державы Селевкидовъ въ Азіи, по Черному морю образовалось понтійское царство, которое сохранило самостоятельность и послѣ того, какъ Пергамское было обращено въ римскую провинцію подъ названіемъ Азіи (во время Тиберія Гракха). Въ началѣ перваго вѣка царемъ Понта былъ Митридатъ, неутомимый воинъ, *который въ другое время создалъ бы навѣрно монархію въ родѣ ассирійской или персидской. Даже испытанное могущество Рима не пугало его.*

Пользуясь затруднительнымъ положеніемъ Рима во время союзнической войны, онъ захватилъ азіатскія провинціи и безпощадно истребилъ попавшихъ въ его руки римскихъ

гражданъ и солдатъ; всего было перебито 80,000 человекъ. Изъ Азіи онъ двинулся въ Грецію, которая подчинилась ему почти безъ сопротивленія. Оставалось только итти въ Италію, и Митридатъ уже приготовлялся къ этому походу. Сенатъ собралъ армію изъ шести легионовъ и поручилъ командование надъ нею Суллѣ. Это было тяжкимъ ударомъ для Маріа, который все еще былъ знаменитѣйшимъ воиномъ Рима и рассчитывалъ въ войнѣ съ Митридатомъ вернуть утраченное, вслѣдствіе попытки Сатурнина, положеніе. Соревнованіе между двумя полководцами особенно усилилось тѣмъ, что Марій былъ homo novus, а Сулла принадлежалъ къ старинному патриціанскому роду и не скрывалъ своего презрѣнія къ низшимъ классамъ и выходцамъ изъ нихъ. Марій ловко воспользовался недовольными элементами общества — завистью своихъ ветерановъ къ солдатамъ Суллы, разочарованіемъ примирившихся союзниковъ, которыхъ, правда, приняли въ число гражданъ, но записали въ восемь новыхъ трибъ, подававшихъ голоса только вслѣдъ за 35 старыми и потому большею частью остававшихся безъ голоса ¹⁾. Сторонникъ Маріа, трибунъ Сульпицій Руфъ, провелъ постановленіе, что новымъ гражданамъ и вольноотпущенникамъ разрѣшается записываться въ какую— угодно трибу. Другое его предложеніе— чтобы ни одинъ сенаторъ не имѣлъ права дѣлать долговъ болѣе, чѣмъ на 2000 динарiевъ, было направлено противъ распущенныхъ и разорившихся аристократовъ, среди которыхъ первое мѣсто занималъ Сулла. Наконецъ, Сульпицій добился того, что Суллѣ приказано было оставить командованіе, а начальникомъ войскъ противъ Митридата былъ назначенъ Марій. Легионы Суллы не стерпѣли этого оскорбленія; вмѣсто того, чтобы ожидать новаго вождя, они двинулись на Римъ. Всѣ главные офицеры бросили взбунтовавшуюся армію, но Сулла, послѣ нѣкотораго колебанія, сталъ во главѣ ея. Послѣ упорной борьбы на улицахъ, Марій бѣжалъ; Сульпиція убили. *Въ первый разъ въ римской исторіи законное правительство города было свергнуто возмущившимися солдатами.*

¹⁾ Припомнимъ, что голосованіе прекращалось, какъ только опредѣлялось большинство въ комиціяхъ. Такимъ образомъ, достаточно было голосовъ 22-хъ трибъ, чтобы постановить рѣшеніе.

Война съ Митри-
датомъ. Сулла возстановилъ значеніе центуріатныхъ комицій, что бы стѣснить городскую демократію привилегіями перваго класса, и отправился противъ Митридата. Какъ военный человекъ онъ былъ, дѣйствительно, великъ—неустрашимъ, находчивъ и энергиченъ. Дѣла были запущены до крайности, и Суллѣ стоило большого труда удержаться въ Аѳинахъ и остановить дальнѣйшія завоеванія Митридата. Наконецъ, въ Бѳотіи, ему удалось дважды разбить противниковъ, несмотря на ихъ громадный численный перевѣсъ. Благодаря этимъ побѣдамъ, онъ очистилъ Грецію и немедленно перешелъ въ Азію. Тамъ дѣла римлянъ уже успѣлъ поправить маріанецъ Фимбрія. Сулла переманилъ на свою сторону его легіоны и окончательно выгналъ Митридата изъ римскихъ владѣній. *Онъ, однако, не успѣлъ уничтожить могущество царя и постыжно заключилъ съ нимъ миръ, потому что италіанскія дѣла опять требовали его присутствія.*

Марій и Цинна. Во все время войны съ Митридатомъ въ Римѣ господствовали маріанцы. Самъ старикъ Марій, послѣ различныхъ приключеній, вернулся изъ изгнанія и вмѣстѣ съ консуломъ Корнеліемъ Цинной отнялъ Римъ у небольшого отряда, оставленнаго Суллой въ распоряженіи сената. Это вторичное взятіе Рима ознаменовалось страшной рѣзней. Маріанцы грабили и убивали безъ разбора. Побѣдитель кимвровъ и тевтоновъ достигъ цѣли своихъ стремленій—его въ седьмой разъ выбрали консуломъ, но черезъ нѣсколько дней послѣ избранія онъ умеръ. Господиномъ въ городѣ остался Цинна. *Главною его цѣлью было удовлетворить корыстолобіе ветерановъ Марія и привлечь на свою сторону новыхъ гражданъ изъ союзниковъ.* Послѣднее было достигнуто тѣмъ, что ихъ распредѣлили по разнымъ трибамъ, по плану Сульпиція Руфа. Во всякомъ случаѣ продолжительное отсутствіе Суллы дало возможность маріанцамъ довольно прочно утвердиться въ Римѣ и Италиі, и, когда новый любимецъ солдатъ вернулся съ своими побѣдоносными легіонами изъ Азіи, передъ нимъ открылась весьма нелегкая задача (82 г.). Пока Сулла пытался обложить сына Марія въ Пренесте, а его сторонникъ, Кн. Помпей, дѣйствовалъ на восточной сторонѣ Аппенинскаго хребта, войско самнитовъ и южныхъ италиковъ, державшее сторону Марія, неожиданно прошло до самаго Рима. Сулла нагналъ его у Коллинскихъ воротъ, успѣлъ продвинуться между нимъ и городомъ, и не-

медленно началъ нападеніе. Крыло, которое велъ самъ Сулла, было отбито самнитами и отгѣснено въ Римъ. Но на другомъ крылѣ Лициній Крассъ одержалъ верхъ и рѣшилъ сраженіе въ пользу Суллы. Побѣдитель вступилъ въ Римъ съ открытымъ намѣреніемъ передѣлать государственный строй и наказать своихъ враговъ. Онъ началъ съ послѣдняго. Сначала рѣзали безъ суда и порядка, подобно тому, какъ въ свое время рѣзали маріанцы. Затѣмъ начались *проскрипціи*. Сулла вывѣшивалъ таблицы съ сотнями именъ: всѣ названные въ таблицахъ попадали въ опалу—каждый могъ и долженъ былъ убивать ихъ; имущество ихъ отбиралось въ казну. По всей Италиі началась охота за людьми, а въ Римѣ Сулла съ невозмутимымъ хладнокровіемъ заносилъ все новыя и новыя имена на свои таблицы. Помимо политической мести тутъ сказывалось простое корыстолюбіе—богатыхъ людей преслѣдовали доносами и казнили, чтобы захватить ихъ имущество. Сулла передъ всѣмъ народомъ назвалъ конфискаціи „своей добычей“ и самъ предсѣдательствовалъ при продажѣ съ аукціона отнятыхъ имѣній. Весь этотъ грабежъ былъ необходимъ, чтобы вознаградить ветерановъ Суллы, которые, подобно ветеранамъ Маріа, смотрѣли на римское общество, какъ на доставшуюся имъ золотую розсыпь. Для 23 легионовъ было образовано болѣе ста тысячъ новыхъ надѣловъ. Страшный 82 годъ заключился назначеніемъ Суллы диктаторомъ на неопредѣленный срокъ для преобразованія республики (*rei publicae constituendae*).

Л. Корнелій Сулла могъ считать себя владыкой міра. Никто не оспаривалъ у него власти въ Римѣ — онъ стеръ съ лица земли своихъ враговъ. Его прозвали счастливымъ (*Felix*), и онъ самъ твердо вѣрилъ въ свою звѣзду. Но оставалось показать, что онъ не только замѣчательный полководецъ и безопасный мститель: надо было преобразовать государство, очистить его отъ великихъ золъ, проявившихся въ гражданскихъ смутахъ. Для этого Суллѣ недоставало многого. Онъ глубоко презиралъ людей и, несмотря на свое утонченное образованіе, выше всего цѣнилъ грубыя чувственыя наслажденія. По происхожденію и связямъ онъ былъ аристократъ; но главную роль въ его жизни сыграла армія пролетаріевъ, такихъ же безпокойныхъ и алчныхъ, какъ маріанцы. Едва-ли онъ надѣялся возродить общество, которое пе-

редѣлявалъ; во всякомъ случаѣ, его реформа не устранила коренныхъ затрудненій того времени, а, напротивъ, довела ихъ до крайности.

На первый взглядъ, главной цѣлью ея была передача власти аристократической корпораціи¹⁾—сенату. Уничтожена была цензура, имѣвшая такое значительное вліяніе на составъ корпораціи, почти уничтоженъ былъ трибунатъ—за нимъ осталось только право заступаться противъ магистратовъ за отдѣльныхъ гражданъ (ius auxilii). Сами комиціи были поставлены въ полную зависимость отъ сената: онѣ должны были заручаться для всѣхъ предложеній его предварительнымъ одобреніемъ (auctoritas), у всадниковъ были отняты суды надъ бывшими магистратами и переданы сенаторамъ. Однимъ словомъ, сенатъ становился главнымъ учрежденіемъ въ государствѣ. И между тѣмъ уваженіе къ этому учрежденію было съ самаго начала подорвано тѣмъ, что Сулла пополнилъ его тремястами новыхъ членовъ, набранныхъ безъ малѣйшаго разбора изъ людей всякаго рода, частью завѣдомо негодныхъ и призванныхъ въ сенатъ только потому, что они готовы были служить Суллѣ.

При Суллѣ окончательно установилась по всей Италіи замѣчательная организація римскаго гражданства, которая стала необходимою, вслѣдствіе поступленія въ число гражданъ многочисленныхъ италійскихъ союзниковъ. Всюду образовались муниципіи съ выборными магистратами, двумя для суда и двумя для наблюденія за постройками и полиціей (duoviri iuridicundo, duoviri aediles), съ сенатомъ изъ наиболѣе состоятельныхъ и комиціями. Это устройство имѣло благодѣтельное вліяніе особенно въ томъ отношеніи, что пріостановило переселеніе въ Римъ и содѣйствовало поддержанію мѣстной самостоятельности. И въ то же самое время всюду проникло разлагающее вліяніе разселенныхъ по Италіи ветерановъ: они разучились хозяйничать, мало интересовались мѣстными дѣлами и всегда готовы были вновь принять участіе въ безпорядкахъ, лишь бы они обѣщали выгоду. Наконецъ, Сулла создалъ цѣлый новый классъ—такъ называемыхъ *Корнеліевъ*. Это были рабы, отпущенные на волю сторонниками Суллы или имъ самимъ, причемъ, главнымъ образомъ, отпускали тѣхъ

¹⁾ Корпораціей называется учрежденіе, которое состоитъ изъ многихъ членовъ и постановляетъ свои рѣшенія большинствомъ голосовъ этихъ членовъ.

рабовъ, господа которыхъ подверглись проскрипціями. Эти Корнеліи проникли въ большомъ числѣ въ муниципальныя должности, и, вообще, мѣстное управленіе было искажено вначалѣ тѣмъ, что его захватила въ руки, ради своихъ политическихъ цѣлей, партія Суллы. Послѣ реформы диктаторъ сложилъ свои полномочія—ему надѣла политическая дѣятельность; онъ чувствовалъ себя пресыщеннымъ и удалился на покой. Это, однако, не мѣшало ему держать въ страхѣ поставленное имъ правительство и, при случаѣ, умерщвлять какого-нибудь неугоднаго ему дѣятеля. Послѣ одной изъ такихъ расправъ его самого настигла смерть (78).

78.

Реформой Суллы заканчивается пятидесятилѣтній періодъ смугъ изъ-за состава и правъ гражданства. *Смѣлая идея Гракховъ, по-видимому, осуществилась: множество непмущихъ гражданъ получило надѣлы; большинство италійскихъ союзниковъ получило гражданство. Но обѣ реформы были достигнуты при условіяхъ, которыя подрывали благодѣтельное значеніе преобразованій. Надѣлы достались преимущественно распущеннымъ и отвѣкшимъ отъ труда солдатамъ; союзникамъ были дарованы гражданскія права послѣ кровопролитной войны, истребившей какъ разъ самыя здоровыя италійскія племена. Главное, постоянныя смуты оказали самое дурное вліяніе на нравственность и право: законъ, правительство, народная свобода — всѣ эти священныя основы римскаго строя были втоптаны въ грязь. Каждый изъ вождей нарушалъ законъ, ниспровергалъ правительство, злоупотреблялъ свободой. Грубая сила, разбойничья жадность и удалъ замѣнили прежній самоотверженный патріотизмъ. И вотъ, несмотря на кажущійся успѣхъ программы Гракховъ, гражданскія смуты привели не къ возрожденію крестьянства, а къ господству войска.*

Глава VII.

ПАДЕНІЕ РЕСПУБЛИКИ.

Страхъ передъ Суллою поддерживалъ установленный имъ порядокъ, но едва успѣлъ онъ умереть, какъ подняли голову всѣ побѣжденные, но не уничтоженные силы. При этомъ защита сложившагося порядка естественно перешла къ главному военному помощнику Суллы — Кнсю Помпею. Консулъ 78 года М. Эмилиій Лепидъ попытался воспользоваться неудовольствіемъ народной массы, которую Сулла поставилъ подъ опеку сената. Онъ собралъ войско въ Этруріи, но былъ разбитъ Помпеемъ. Гораздо серьезнѣе было возстаніе маріанцевъ.

Защита устрой-
ства Суллы.

Во главѣ ихъ сталъ Серторій, одинъ изъ лучшихъ офицеровъ Маріа, человѣкъ справедливый и благородный. Онъ воспользовался волненіями среди воинственныхъ лузитанцевъ, чтобы основать въ Испаніи какъ бы новый Римъ. Высланные противъ него полководцы всѣ потерпѣли поражение; самъ Помпей ничего не могъ достигнуть въ трудной горной войнѣ. Къ счастью для него, нашелся въ арміи Серторія измѣнникъ, который убилъ этого героя, чтобы занять его мѣсто. Послѣ смерти Серторія, лузитанское государство тотчасъ распалось. Пока Помпей былъ занятъ въ Испаніи, на югѣ Италіи вспыхнуло страшное *возстаніе рабовъ*. Фракіецъ Спартакъ бѣжалъ изъ казармы гладиаторовъ, въ которой приготавливали бойцовъ для кровавыхъ состязаній передъ народомъ. Его успѣхи противъ римскихъ отрядовъ собрали вокругъ него массу бѣглыхъ рабовъ, которыхъ онъ обучилъ военному строю. Армія его достигла до 120,000 человѣкъ и три года держала въ страхъ всю Италію. М. Лициній Крассъ, наконецъ, разбилъ ее въ Луканіи, а остатки уничтожилъ возвращавшійся изъ Испаніи Помпей.

Кн. Помпей.

70.

Хотя, такимъ образомъ, удалось отстоять римское общество въ томъ видѣ, какъ его устроилъ Сулла, но сами его защитники чувствовали, что нельзя поддерживать созданную имъ крайнюю аристократію. Въ 70 году, по почину Помпея, были *возстановлены въ прежнемъ видѣ трибунатъ и цензура, а къ суду наравнѣ съ сенаторами были допущены всадники и выборные изъ юрода* (такъ называемые *tribuni aequarii*). Эти уступки и военные успѣхи Помпея сдѣлали его самымъ популярнымъ человѣкомъ въ государствѣ.

Трибунъ Габиній воспользовался возстановленнымъ трибунатомъ, чтобы провести черезъ комиціи предложеніе, сдѣлавшее Помпея распорядителемъ военныхъ силъ въ государствѣ. Законъ Габинія предоставлялъ Помпею командованіе во всемъ Средиземномъ морѣ и по его берегамъ на 10 миль отъ моря, для уничтоженія морскихъ разбойниковъ, которые во время гражданскихъ смуть захватили въ свои руки господство на водахъ, устроили правильные флоты и рядъ крѣпостей по берегамъ и по произволу обращались съ купеческими судами. Помпей оказался во главѣ 500 кораблей и 120,000 солдатъ. Онъ быстро и энергично исполнилъ возложенное на него порученіе, мѣсяца въ три очистилъ море отъ разбойни-

ковъ, разрушилъ ихъ замки, а самихъ частью истребилъ, частью выселилъ. *Онъ не поддавался искушенію удержать за собою предоставленную ему исключительную власть*, а сложилъ ее и возвратился въ частную жизнь, въ ожиданіи новаго военнаго порученія. Оно не замедлило представиться—опять-таки въ видѣ дополненія къ дѣлу, начатому Суллою. Митридатъ былъ побѣжденъ, но не смирился и, когда Виоинія, подобно Пергаму, была обращена въ римскую провинцію, опять началъ войну. Римскій полководецъ Л. Лициній Лукуллъ, правда, нанесъ ему и его зятю—армянскому царю Тиграну нѣсколько пораженій, но легіоны отказались слѣдовать за нимъ въглубь Арменіи. Своеволіе солдатъ было такъ велико, что Лукуллъ принужденъ былъ отступить, а Митридатъ послѣдовалъ за нимъ по пятамъ и уничтожилъ оставленные римлянами гарнизоны. Тогда веденіе войны было поручено Помпею, который сумѣлъ восстановить дисциплину, разбилъ Митридата, покорилъ Понтъ и Арменію и обратилъ Сирію въ римскую провинцію. Особенно важно было то, что противъ Митридата возсталъ его собственный сынъ, и тотъ въ отчаяніи самъ наложилъ на себя руки: римскій народъ, наконецъ, избавился отъ упорнаго и опаснаго врага.

Пока Помпей воевалъ въ Азіи и приводилъ въ порядокъ Катилина и Цецеронъ. ея устройство, въ Римѣ произошли новыя смуты. Л. Сергій Катилина, человекъ недюжинныхъ способностей, прославившійся своимъ распутствомъ и злодѣяніями, устроилъ *обширный заговоръ среди разорившейся молодежи*. Предполагалось захватить Римъ, умертвить консуловъ и большую часть сената, захватить власть, воспользоваться ею для уничтоженія долговъ и ограбленія богатыхъ. Катилина съ необыкновенной дерзостью дѣлалъ свои приготовленія въ самомъ Римѣ, на виду у правительства. Въ Этруріи онъ уже собралъ цѣлое войско и вступилъ въ сношенія съ кельтскимъ племенемъ аллоброговъ, чтобы побудить его къ нападенію на Италію. Въ самомъ сенатѣ были у него и сообщники, и люди, которые, не принимая прямого участія въ заговорѣ, рассчитывали воспользоваться имъ, чтобы выдвинуться впередъ. Къ послѣднимъ принадлежалъ вліятельный и заслуженный Крассъ и честолюбивый, но пока занимавшій второстепенное положеніе, К. Юлій Цезарь. Честь спасенія отечества въ это время поручена консулу 63 года, М. Туллію Цицерону.

Цицеронъ былъ такъ же, какъ и Марій, изъ мелкой муниципальной семьи. Выдвинулся онъ благодаря своему краснорѣчю. Военныхъ заслугъ и таланта у него не было, но и въ судахъ, и въ провинціи онъ показалъ себя не только искуснымъ адвокатомъ и первокласснымъ ораторомъ, но и честнымъ гражданиномъ, способнымъ рисковать собою ради общей пользы и справедливости: въ первой же рѣчи, напр., ему пришлось выступить противъ одного изъ страшныхъ доносчиковъ — любимцевъ Суллы. Главный свой судебный успѣхъ онъ приобрѣлъ въ процессѣ противъ вліятельнаго пропретора Верреса, который долго безнаказанно притѣснялъ сицилійцевъ. Въ борьбѣ съ Катилиной ему удалось соединить порядочныхъ людей въ сенатѣ противъ преступниковъ и честолюбцевъ. Катилина принужденъ былъ бѣжать къ своему войску, переписка его съ аллоброгами была перехвачена, и Цицеронъ увлекъ сенатъ на незаконное, хотя совершенно необходимое для самообороны, дѣйствіе: сообщниковъ Катилины казнили, не доводя дѣло до процесса передъ комиціями. Этотъ рѣшительный актъ лишилъ заговорщиковъ ихъ главныхъ вождей, а самъ Катилина погибъ въ сраженіи съ посланными противъ него правительственными войсками. Цицерона привѣтствовали въ сенатѣ, какъ „отца отечества“ (*pater patriae*); но для того, чтобы держаться въ борьбѣ партій того времени, надобны были другія свойства и силы, чѣмъ тѣ, которыми онъ располагалъ. Онъ не былъ побѣдителемъ на полѣ битвы; *за нимъ не стояли грозные ветераны, а потому успѣхъ его былъ минутный*. Оставшіеся въ живыхъ покровители и сообщники Катилины безъ труда нашли поводъ для нападенія на Цицерона: онъ казнилъ римскихъ гражданъ безъ суда. Обвиненія были настолько опасны, что „отецъ отечества“ принужденъ былъ вскорѣ послѣ своей побѣды удалиться въ изгнаніе.

Первый триум-
виратъ.

Возникалъ вопросъ, какъ воспользуется своей силой тотъ, кто стоялъ въ то время во главѣ войска, — Помпей, возвращавшійся въ Римъ послѣ покоренія Азіи. Въ этомъ случаѣ Помпей еще разъ показалъ, что онъ не понимаетъ своего времени и не умѣетъ пользоваться своими силами: *онъ былъ слишкомъ благонамѣренный человекъ, чтобы захватить власть, хотя она уже во второй разъ сама давалась ему въ руки*. Но, по крайней мѣрѣ, онъ долженъ былъ сначала предъявить свои требованія и настоять на нихъ, а затѣмъ уже разоружиться. Въмѣсто

этого онъ, къ удивленію всѣхъ, тотчасъ послѣ высадки въ Италиі, распустилъ свою армію, и въ качествѣ частнаго чело-вѣка, обратился къ сенату и народу съ просьбами—утвердить его самовольныя распоряженія въ Азіи и наградить его ветера-новъ земельными раздачами. И тутъ за свою близорукую довѣрчивость онъ получилъ чувствительный урокъ. Ему разрѣшили великолѣпный триумфъ ¹⁾, но отказали во всѣхъ суще-ственныхъ пунктахъ. И побѣдителю Азіи пришлось прибѣгнуть къ совѣсѣмъ мелкимъ и неблаговиднымъ маневрамъ, что-бы избѣжать позорнаго нарушенія своихъ распоряженій и обѣщаній: чтобы сломить сопротивленіе сената, онъ вступилъ въ соглашеніе съ Лициніемъ Крассомъ, какъ представителемъ богачей—всадниковъ, и съ Юліемъ Цезаремъ, какъ представи-телемъ народной партіи. Это соглашеніе между вождями партій получило названіе перваго триумвирата (60 г.).

80.

Благодаря триумвирату окончательно выдвинулся самый замѣчательный государственный чело-вѣкъ этой эпохи—Кай Юлій Цезарь. Происходилъ онъ изъ древняго патриціан-скаго рода, но по семейнымъ связямъ принадлежалъ къ ма-ріанской партіи (его тетка, Юлія, была замужемъ за Ма-ріемъ; самъ онъ женатъ былъ въ первомъ бракѣ на дочери Цинны). Во время проскрипцій Суллы онъ спасся благодаря своей молодости, но связи съ ма-ріанцами долго мѣшали ему въ жизни. Ему приходилось ограничиваться второстепенными военными должностями, изученіемъ греческой литературы и краснорѣчія, кутежами, которые скоро разстроили его со-стояние и ввели въ неоплатные долги. Впервые онъ приобрѣлъ популярность въ бытность эдиломъ, потому что устроилъ необыкновенно роскошныя игры для народа и вывелъ на бой множество прекрасно обученныхъ гладиаторовъ. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался однимъ изъ вождей городского пролетари-ата и, какъ уже было сказано, очень близко стоялъ къ за-говору Катилины. Онъ былъ, однако, слишкомъ уменъ, что-бы связать себя съ этимъ отчаяннымъ чело-вѣкомъ, и такъ ловко держалъ себя во время борьбы между Цицерономъ и

¹⁾ Триумфъ — торжественный въѣздъ побѣдоноснаго полк-сводца (imperator) въ Римъ. Процессія двигалась отъ porta triumphalis къ храму Юпитера на Капитолійскомъ холмѣ. Побѣдитель ѣхалъ на колесницѣ, запряженной четырьмя конями, на немъ былъ лавровой вѣнокъ и пурпуровый плащъ (тога). Впереди вели влѣгннхъ, несли добычу; за колесницей шли войска.

заговорщиками, что не только не погибъ, а, напротивъ, получилъ претуру, и затѣмъ командованіе въ одной изъ испанскихъ провинцій. Тутъ онъ впервые обнаружилъ свои военные дарованія. Но широкая историческая дѣятельность открылась для него уже по возвращеніи въ Римъ, вследствие смѣшного положенія, въ которое попалъ Помпей. Можно сказать, что Цезарь самъ вырасталъ вмѣстѣ съ расширеніемъ своихъ задачъ. Цезарь былъ избранъ консуломъ на 59 годъ вмѣстѣ съ нѣкимъ Бибуломъ, котораго затмилъ до такой степени, что въ Римѣ въ шутку называли консулами Юлія и Цезаря. Согласно уговору, онъ провелъ утвержденіе распоряженій Помпея и законъ о раздачѣ гражданамъ государственныхъ земель въ Кампаніи, по которому награждены были ветераны азіатской арміи.

Галльскія войны
Цезаря.

Въ отплату за услуги Цезарю досталось, наконецъ, важное военное командованіе: онъ отправился въ Галлію, которой грозило новое германское нашествіе, не менѣе страшное, чѣмъ нападеніе кимвровъ и тевтоновъ. Цѣлая группа германскихъ народовъ, такъ называемые свевы, двигалась съ востока на западъ, разгоняя и покоряя встрѣчныя племена; ея передовыя массы уже перешли Рейнъ, разбили кельтовъ и образовали на галльской почвѣ новое, постоянно разраставшееся государство, во главѣ котораго стоялъ Аріовистъ. При первомъ же появленіи въ трансальпийской провинціи Цезарь наткнулся на кельтское племя гельветовъ, которое, уходя отъ германцевъ, выселилось въ полномъ составѣ изъ Швейцаріи и направлялось въ область эдуевъ въ центральной Галліи. Побѣдой при Бибракте (теперь — Autun) Цезарь принудилъ ихъ отойти на старыя мѣста. Затѣмъ онъ нанесъ въ теперешнемъ Альзасѣ рѣшительное пораженіе Аріовисту. Послѣ этого начался цѣлый рядъ войнъ, приведшихъ къ покоренію всѣхъ галльскихъ областей, отъ Средиземнаго моря до Сѣвернаго и отъ Атлантическаго океана до Рейна. Сначала были побѣждены бельги, причемъ оказавшіе особенно храброе сопротивленіе нервіи были почти совершенно уничтожены; затѣмъ завоеванъ былъ западный берегъ; самъ Цезарь дѣйствовалъ противъ венетовъ въ Бретани, а его легаты покорили Аквитанію, къ югу отъ Гаронны. Для устрашенія сосѣднихъ съ Галліей варваровъ, Цезарь переправился черезъ проливъ въ Великобританію и два раза переходилъ Рейнъ; но и въ томъ, и

въ другомъ случаѣ онъ не имѣлъ ввиду прочныхъ приобретений и тотчасъ возвращался назадъ. Тяжелые галльскіе походы образовали для него образцовую по храбрости, стойкости и выносливости армію, а самъ онъ проявилъ въ нихъ истинную гениальность: въ самыхъ большихъ опасностяхъ онъ сохранялъ полное присутствіе духа и при случаѣ рисковалъ жизнью, какъ простой солдатъ: *въ самыхъ сложныхъ положеніяхъ тотчасъ схватывалъ сущность дѣла, однимъ взглядомъ и съ неизмѣнной вѣрностью определялъ сильныя и слабыя стороны противника, особенности мѣстности, цѣли дѣйствій.* А разъ цѣль была намѣчена, онъ шелъ къ ней съ неудержимой энергіей. ¹⁾ Много помогали ему, конечно, *недостатки кельтовъ и ихъ государственнаго строя.* ²⁾ Обширная страна не имѣла общей организаціи. Она распадалась на множество враждовавшихъ племенъ, а въ каждомъ племени масса народа находилась въ тяжкой зависимости отъ родовой аристократіи, чены которой не умѣли подчиняться твердой государственной власти. Сословіе жрецовъ, *друидовъ*, правда имѣло большое вліяніе на дѣла и поддерживало сношенія по всей Галліи и даже за Ламаншемъ, въ Великобританіи, но оно не годилось для руководства военными дѣйствіями и вообще не опиралось на достаточную матеріальную силу, чтобы образовать государство. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ, кельты долго оказывали Цезарю хотя и храброе, но разрозненное сопротивление. Борьба съ иноземцами все-таки научила даже ихъ необходимости сомкнуться, и въ послѣдней попыткѣ отстоять свою самостоятельность они дѣйствовали заодно подъ руководствомъ настоящаго героя—Арверна Верцингеторикса. Возстаніе 52 года едва не погубило римлянъ. При Герговіи Цезарь потерпѣлъ свою первую неудачу: кельтская конница смяла римскую, и только стойкость легионовъ и опора укрѣпленнаго лагеря спасли войско отъ полнаго истребленія. И какъ разъ въ это время полководецъ обнаружилъ самымъ блестящимъ образомъ свое умѣнье примѣняться къ обстоятельствамъ и измѣнять сообразно съ ними способъ веденія войны: вмѣсто прежнихъ сраженій въ открытомъ полѣ, онъ пустилъ въ ходъ противъ кельтовъ устройство окоповъ и

¹⁾ Цезарь оставилъ самъ описаніе своихъ войнъ. Это такъ называемые *Комментаріи*—сочиненіе образцовое по ясности мысли и изложенія.

укрѣвленныхъ лагерей. Римскіе солдаты въ совершенствѣ производили земляныя работы, а кельты при такомъ способѣ веденія войны не могли воспользоваться въ полной мѣрѣ первымъ натискомъ, который они всегда производили съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. Осторожными и искусными маневрами Цезарю удалось запереть Верцингеторикса въ Алезіи. Римляне окопались съ обѣихъ сторонъ и отбили какъ вылазки осажденныхъ, такъ и нападенія племень, старавшихся прорвать кольцо осады съ вѣшной стороны. Верцингеториксъ принужденъ былъ сдаться, и, съ его плѣненіемъ, прекратились всѣ попытки сопротивленія. У Цезаря были развязаны руки для дѣйствій въ Италіи.

Ссора Цезаря
съ Помпеемъ.

За десять лѣтъ его отсутствія тамъ сложилось очень натянутое положеніе. Триумvirатъ распался вслѣдствіе гибели Красса, который отправился противъ пареянъ, неосторожно углубился въ пустыню и былъ уничтоженъ съ большей частью своей арміи (53 г.). *Помпей завидовалъ успѣхамъ Цезаря и принималъ отъ времени до времени исключительныя полномочія*: въ 57 году ему поручено было завѣдываніе хлѣбной торговлей всего римскаго міра для устраненія застоя и дороговизны: въ 55 году онъ взялъ на себя управленіе Испаніей, но не поѣхалъ въ провинцію, а поручилъ ее своимъ легатамъ ¹⁾; въ 52 году его избрали единственнымъ консуломъ для умиротворенія Италіи и въ особенности Рима, гдѣ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ дѣйствовали организованныя шайки. Предводители ихъ, Клодій и Милонъ, грабили частныхъ людей, запугивали комиціи при выборахъ и вступали другъ съ другомъ въ правильныя сраженія. Помпей управился съ разбойниками и провелъ строгіе законы противъ насилія и подкуповъ на выборахъ. Сенатъ, который долго не довѣрялъ ему и опасался захвата власти съ его стороны, подъ конецъ убѣдился, что онъ гораздо менѣе страшенъ, чѣмъ Цезарь, и вступилъ съ нимъ въ тѣсное соглашеніе противъ послѣдняго. *Наоборотъ, народъ, т. е. масса низшихъ классовъ, въ возроставшемъ восторжѣ относился къ побѣдителю Галліи. Окончательный разрывъ произошелъ, когда сенатъ потребовалъ отъ Цезаря сдачи провинціи и легіонновъ. Въ отвѣтъ на это, подкупленный Цезаремъ трибунъ Куріонъ поставилъ вопросъ о*

1) Такъ назывались состоявшіе при полководцѣ помощники.

сдачѣ испанскихъ провинцій Помпеемъ. Сенать, однако, отстранилъ это требованіе, а, наоборотъ, несмотря на запрещеніе двухъ трибуновъ, Куріона и М. Антонія, послалъ Цезарю приказаніе сдать Галлію. Трибуны бѣжали къ послѣднему и дали ему поводъ обвинить противниковъ въ нарушеніи закона. Цезарь нисколько не расположенъ былъ отдать себя безъ оружія во власть враговъ; его легіоны ждали награды. Въ началѣ 49 года, авангардъ галльской арміи перешелъ Рубиконъ, границу Цизальпинской Галліи, и тѣмъ самымъ началъ вторую междоусобную войну.

49.

Несмотря на долія приготовленія къ разрыву, Помпей оказался неготовымъ, и въ Италіи у него не было достаточныхъ силъ, хотя онъ располагалъ всеми средствами республики на западѣ, востокѣ и югѣ. При этихъ условіяхъ выставлать къ сѣверу сравнительно небольшой отрядъ было прямой ошибкой, которую однако сдѣлали; Цезарь вынудилъ этотъ отрядъ къ сдачѣ и въ два мѣсяца занялъ всю Италію. Это имѣло не только великое нравственное значеніе, но и перво-степенную важность съ военной точки зрѣнія, потому что Цезарь врѣзался въ самую середину расположенія Помпея и получилъ возможность разобщить арміи противника. Помпей принужденъ былъ выбирать между Востокомъ и Западомъ и рѣшился въ пользу Востока. вмѣстѣ съ большинствомъ сенаторовъ онъ переправился въ Грецію, а Цезарь тѣмъ временемъ повернулъ на западъ, окружилъ испанскіе легіоны и заставилъ ихъ перейти на свою сторону. Несмотря на всѣ ошибки, на сторонѣ Помпея все-таки оставалось численное превосходство. Армія его, наконецъ, собралась на Иллирійскомъ берегу, и туда, не теряя времени, переправился и Цезарь, хотя ему пришлось перевозить солдатъ почти безъ припасовъ и багажа, чтобы собрать немедленно на противоположномъ берегу достаточное для дѣйствій войско. Удалось обмануть господствовавшій въ морѣ флотъ Помпея и высадиться тамъ, гдѣ противники не ожидали. Но подоженіе было все-таки крайне опасно. Цезарь обложилъ Диррахіумъ, главный портъ Иллирійскаго берега и складъ запасовъ враждебной арміи. Получилось то же расположеніе силъ, какъ при Алезіи. Вокругъ города укрѣпилось на обѣ стороны войско Цезаря, а за нимъ сталъ Помпей. Но теперь пришлось оставить открытымъ выходъ къ морю, а главное, имѣть дѣло не

Междоусобная война.

съ кельтами, а съ римскими легионами. Послѣ неудачнаго столкновенія съ Помпеемъ, Цезарь принужденъ былъ снять осаду. Онъ пошелъ на востокъ, въ надеждѣ уничтожить помпейскій отрядъ, шедшій изъ Македоніи. Помпей послѣдовалъ за противникомъ, и при Фарсалахъ, на сѣверной границѣ Фессаліи, произошло генеральное сраженіе. Пѣхота легионовъ сражалась съ одинаковой храбростью на той и на другой сторонѣ. Кавалерія Помпея была гораздо многочисленнѣе и стала заѣзжать въ тылъ боевой линіи Цезаря. Но на этотъ случай были приняты мѣры. На помпейцевъ вдругъ бросились нѣсколько отборныхъ когортъ ¹⁾, которыя Цезарь держалъ въ запасѣ. Пораженіе довершили германскіе всадники, на-вербованные во время галльскихъ походовъ. При первыхъ признакахъ бѣгства Помпей уѣхалъ съ поля сраженія. Онъ отправился въ Египетъ, но былъ тамъ убитъ по приказанію царя Птолемея. Цезарь съ незначительнымъ отрядомъ послѣдовалъ за Помпеемъ въ Египетъ и чуть не погибъ самъ. Онъ вмѣшался въ распрю между Птолемеемъ и его сестрой Клеопатрой, въ пользу послѣдней. Населеніе Александріи окружило его со всѣхъ сторонъ, и онъ пять мѣсяцевъ съ величайшимъ трудомъ отбивался въ царскомъ замкѣ и театрѣ, пока къ нему не пришло подкрѣпленіе изъ Малой Азіи. Во время этой борьбы сгорѣла знаменитая александрійская библіотека.

Послѣ побѣды надъ египтянами въ нѣсколько дней былъ оконченъ походъ противъ сына Митридата, Фарнака, который вторгся въ римскія провинціи ²⁾. Затѣмъ предстояла нелегкая работа уничтоженія значительныхъ силъ помпейцевъ, собравшихся въ Африкѣ. При Тапсѣ онѣ были разбиты, и всѣ предводители сами покончили съ собою, въ томъ числѣ Катонъ Младшій, послѣдній представитель стараго республиканскаго духа. Еще разъ собрались помпейцы въ Испаніи подъ начальствомъ сыновей Помпея и бывшего легата Цезаря, Лабіена. При Мундѣ Цезарь далъ свое послѣднее сраженіе, и побѣда досталась ему труднѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ лично водилъ въ атаку свои когорты и одержалъ верхъ только благодаря нумидійской конницѣ (45 г.).

45.

Реформы Цезаря.

По возвращеніи въ Римъ Цезарь занялся устройствомъ расшатаннаго смутами государства. Ему была передана се-

¹⁾ Когорта — отрядъ въ 500 человѣкъ; въ легионѣ было десять когортъ.

²⁾ Къ этой войнѣ относится знаменитое донесеніе Цезаря сенату: *veni, vidi, vici*.

натомъ и народомъ власть еще болѣе исключительная, чѣмъ та, которою пользовался Сулла. Онъ былъ назначенъ диктаторомъ и цензоромъ на всю жизнь, консуломъ на десять лѣтъ; титулъ вождя-побѣдителя, императора, былъ предоставленъ ему, какъ собственное имя, а вмѣстѣ съ тѣмъ — начальство надъ всѣми войсками республики. Особѣ его была присвоена священная неприкосновенность трибуна (*sacrosanctus*). Онъ получилъ право носить постоянно лавровый вѣнокъ и пурпурную мантию триумфатора. *Въ силу своихъ разнообразныхъ полномочій Цезарь могъ коснуться своими преобразованиями всѣхъ сторонъ жизни и обнаружилъ при этомъ не меньшую энергію и гениальную прозорливость, нежели въ своихъ походахъ.*

Послѣ ужасныхъ примѣровъ маріанскихъ избіеній и проскрипцій Суллы, Римъ и Италия съ трепетомъ ожидали рѣзни и насилій. Побѣдитель не только самъ проявилъ великодушіе, отказался отъ всякой мести и старался всѣми мѣрами привлечь къ себѣ помпейцевъ и республиканцевъ: *онъ сумѣлъ сдержать своихъ солдатъ*—подвигъ почти невѣроятный, въ виду одичанія и своеволія войска. При этомъ ему пришлось даже ссориться съ ветеранами. Между прочимъ, взбунтовался знаменитый десятый легіонъ, лучшая часть войска Цезаря. Но императоръ настоялъ на своемъ и не допустилъ никакихъ злодѣяній. Конечно, онъ наградилъ ветерановъ, но главная награда—надѣленіе землей—была поставлена въ связь съ колонизаціонными мѣрами, которыя касались не однихъ солдатъ. *Въ данномъ случаѣ Цезарь продолжалъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ политику, начатую всей исторіей республики и въ особенности сказавшуюся въ реформѣ Тиберія Гракха.* До 80,000 недостаточныхъ гражданъ были направлены въ колоніи. Эта эмиграція ¹⁾, съ одной стороны, устранила значительную часть вреднаго пролетаріата, а съ другой сильно способствовала романизаціи провинцій—проникновенію ихъ римскимъ образованіемъ и порядками. *Дальнѣйшее развитіе получили также идея Кая Гракха о дарованіи права гражданства народностямъ, достойнымъ соединеніи съ Римомъ.* Галлія по сую сторону По приобрѣла полное уравниеніе съ римлянами; остальная Цизальпінская Галлія получила такъ называемое латинское право, т. е. то же гражданство съ нѣкоторыми

¹⁾ Выселеніе.

ограниченіями. Такимъ образомъ, намѣчался великій планъ постепеннаго распространенія римскаго права на весь міръ въ зависимости отъ распространенія римской образованности. Кругозоръ Цезаря былъ слишкомъ широкъ для того, чтобы подчинить интересы міра эгоизму одного города или одной области. Самую римскую образованность онъ понималъ не какъ исключительное господство чисто римскихъ началъ: въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ онъ признавалъ превосходство эллинизма и содѣйствовалъ его усвоенію самими римлянами¹⁾. Онъ даже заботился о возрожденіи культурныхъ и торговыхъ центровъ, разрушенныхъ римскимъ оружіемъ: Коринѣ и Карфагенъ должны были возникнуть вновь въ прежнемъ величіи. Тѣмъ не менѣе Цезарь цѣнилъ значеніе римскихъ учреждений и права. Его муниципальный законъ (*Lex Julia municipalis*) представлялъ тщательный пересмотръ городского устройства и много содѣйствовалъ развитію муниципальной общины, распространеніе и вліяніе которой сдѣлалось самымъ могущественнымъ средствомъ для перенесенія римской культуры въ провинціи. Для обузданія произвола провинціальныхъ намѣстниковъ были изданы строгія правила противъ вымогательствъ и насилій. Наконецъ, Цезарь составилъ обширныя планы для поднятія благосостоянія различныхъ областей и въ особенности Италіи. Имѣлось въ виду проложить новыя дороги, устроить водопроводы, осушить болота.

По сравненію съ этими великими мѣрами и предпріятіями дѣятельность Цезаря въ самомъ Римѣ представляется второстепенной. Стѣснены были раздачи хлѣба, изданы постановленія противъ роскоши и насилій (*Lex Julia sumptuaria*, *lex Julia de vi*). Сенатъ, уже много потерявшій во время гражданскихъ войнъ, былъ поставленъ въ совершенно зависимое положеніе: число членовъ его было сразу увеличено до 900. Въ него было записано много незнакомыхъ съ государственными дѣлами офицеровъ и только что получившихъ гражданство провинціаловъ. Очевидная цель Цезаря была отнять у сената его прежнее значеніе и обратить его въ юсударственный советъ при себѣ. Комиціи были сохранены, хотя выборы магистратовъ и за-

¹⁾ При помощи александрійскихъ ученыхъ Цезарь произвелъ, между прочимъ, исправленіе календаря. Юліанскій календарь, какъ извѣстно, до сихъ поръ дѣйствуетъ у насъ, въ Россіи.

ководительство направлялись указаніями Цезаря. И въ сохраненіи комицій, и въ самомъ характерѣ присвоенной побѣдителемъ власти—въ соединеніи нѣсколькихъ республиканскихъ должностей—сказывалось могущественное вліяніе вѣковыхъ преданій республики. *Цезарь былъ и диктаторомъ, и консуломъ, и цензоромъ, и императоромъ, но не былъ царемъ.* Его статую поставили рядомъ со статуями царей, его сторонникъ М. Антоній предлагалъ ему на форумѣ царскую корону. Но Цезарь не рѣшался ее взять въ виду ропота народа. Это отреченіе было, впрочемъ, только отсрочкой. Цезарь подготавливалъ мало-по-малу почву для возстановленія царской власти. Онъ собирался въ походъ на парянъ и по этому случаю распространялъ предсказаніе, что надъ парянами одержитъ побѣду царь. *Но республика коренилась не въ одномъ настроеніи простаго народа; отъ нея трудно было отказаться руководящимъ семьямъ и людямъ,* которые привыкли управлять государствомъ, а не подчиняться государю. Среди сенаторовъ составилъ заговоръ, въ который вступило около шестидесяти человѣкъ помилованныхъ приверженцевъ Помпея, надѣявшихся выдвинуться послѣ паденія диктатора. Во главѣ стояли: хитрый, завистливый Кассій и безукоризненно честный М. Юній Брутъ, котораго Цезарь особенно полюбилъ и приблизилъ въ послѣднее время. Успѣху заговора содѣйствовало презрѣніе Цезаря ко всякимъ мелкимъ мѣрамъ предосторожности. Какъ многіе великіе люди, онъ вѣрилъ въ свое историческое назначеніе и былъ фаталистомъ ¹⁾ относительно своей личной жизни. Онъ былъ выше мести и выше подозрѣній. Но какъ ни великъ человѣкъ, его смертная личность подвергается всѣмъ случайностямъ обыкновеннаго людского существованія. Цезарю предсказывали смерть въ „Иды марта“, ему было дано нѣсколько предостереженій, но онъ не обратилъ на нихъ вниманія, и въ „Иды марта“ (15 марта) 44 года отправился въ сенатъ. Заговорщики убили его тамъ кинжалами. 15 марта 44.

Смерть Цезаря произвела въ первое время всеобщее смутеніе и полный безпорядокъ: всѣ приниженные имъ силы и второстепенные дѣятели поднялись со своими притязаніями. Убийцы Цезаря, умѣренная партія среди сенаторовъ, Маркъ Второй триум-
виратъ.

¹⁾ Человѣкъ, который считаетъ, что жизнь направляется не планами и мѣрами людей, а независимой отъ кого судьбой.

Антоній, какъ ближайшій къ убитому императору военначальникъ, девятнадцатилѣтній Октавіанъ, какъ племянникъ и пріемный сынъ Цезаря ¹⁾—все и каждый преслѣдовали свою особую политику—сражались и вступали въ соглашенія между собою. Но мало-по-малу выяснилось одно главное условіе. *Императоръ былъ убитъ, но его войско осталось, и оно требовало утвержденія его распоряженій и наказанія убійцъ.*

43. На этой почвѣ составился второй триумvirатъ (43 г.) между Антоніемъ, Октавіаномъ и М. Лепидомъ, проконсуломъ Испаніи и южной Галліи. Въ отличіе отъ перваго, этотъ второй триумvirатъ не былъ простымъ частнымъ соглашеніемъ, а признанъ былъ народомъ, который въ комиціяхъ передалъ триумвирамъ полномочіе устроить государство (*triumviri rei publicae constituendae*). Главная сила все-таки была въ войскѣ, и, если Цезарю удалось держать свою армию въ повиновеніи и порядкѣ, то этого не въ состояніи были сдѣлать триумвиры. Притомъ они не прочь были нагнать страхъ на общество, такъ какъ великодушіе Цезаря оказалось неудачнымъ. *Первымъ послѣдствіемъ союза были проскрипціи*, которыя ужаснымъ кровопролитіемъ и грабежомъ не уступали расправѣ Суллы. Затѣмъ обратились противъ убійцъ Цезаря. Собравшееся въ Греціи подъ начальствомъ Брута и Кассія республиканское войско было разбито триумвирами при Филиппахъ, и оба вождя его сами покончили съ собою (42 г.).
42. Послѣ этой побѣды оставалось только дѣлить міръ. Незначительнаго Лепида скоро устранили, Октавіанъ взялъ Западъ съ Италіей, Антоній—Востокъ съ Греціей. Первый уничтожилъ послѣдніе остатки помпеянцевъ побѣдой надъ Секстомъ Помпеемъ, сыномъ триумвира, утвердившимся было въ Сициліи и Сардиніи; затѣмъ онъ усмирилъ полудикія племена въ восточныхъ Альпахъ и Далмаціи. Антоній хуже воспользовался своей властью. Это былъ человекъ даровитый, но грубый и чувственный. Онъ такъ увлекся египетской царицей Клеопатрой, что ради нея пренебрегалъ важнѣйшими государственными дѣлами. Попытался онъ покорить пароянъ, но не сумѣлъ справиться съ затрудненіями похода и повернулъ назадъ. Отношенія его къ Октавіану становились съ года на годъ все болѣе натянутыми. *Когда онъ сталъ*

¹⁾ Сынъ родной племянницы и К. Октавіа.

раздаривать римскія провинціи своимъ дѣтямъ отъ Клеопатры, произошелъ открытый разрывъ. Антоній располагалъ громаднымъ войскомъ и большими матеріальными средствами, но Октавіанъ, помимо арміи, имѣлъ за себя непобѣдимое имя Цезаря. Военными дѣйствіями руководилъ за него отличный полководецъ, М. Випсаній Агриппа, которому онъ былъ уже обязанъ побѣдой надъ С. Помпеемъ. Въ рѣшительномъ морскомъ сраженіи при Акціумѣ (31 г.) Клеопатра со своими галерами послѣ перваго-же столкновенія обратились въ бѣгство. Антоній бросился за нею. Оставшійся безъ начальнива флотъ былъ, конечно, разбитъ. Сухопутное войско семь дней простояло въ ожиданіи Антонія, а затѣмъ перешло на сторону Цезаря Октавіана. Послѣднему осталась только легкая задача покоренія Египта, а Антоній и Клеопатра покончили самоубійствомъ. Такимъ образомъ было возстановлено единство римскаго міра, а вмѣстѣ съ тѣмъ единовластіе Цезаря.

31.

Паденіе республики было вызвано не случайнымъ успѣхомъ какого-нибудь честолюбца, а силою обстоятельствъ. Совершилось оно не сразу: диктатура Суллы, исключительныя полномочія Помпея подготовили императорскую власть Цезаря и его пріемнаго сына. Главнымъ орудіемъ противъ республики было, конечно, войско, поставившее своего полководца выше государственныхъ учрежденій. Но войско рѣшилось на это не изъ однихъ своекорыстныхъ побужденій. Чтобы вести міровыя войны, въ родѣ галльской или борьбы съ Митридатомъ, сосредоточеніе власти въ однихъ рукахъ было, дѣйствительно, лучше, чѣмъ постоянныя смѣны командованія подъ вліяніемъ измѣчиваго настроенія сената и комицій. Самое понятіе римскаго гражданства получило совершенно новый смыслъ благодаря колонизаціонной политикѣ и принятію союзниковъ въ римское общество. Связь между гражданскими правами и участіемъ въ комиціяхъ по необходимости разрушилась, когда громадное большинство римлянъ очутилось вдали отъ Рима и потеряло возможность подавать свой голосъ. Комиція, какъ собраніе развращенной столичной черни, сенатъ, какъ собраніе немногочисленныхъ столичныхъ аристократовъ или случайно набранныхъ пособниковъ какого-нибудь полководца, не имѣли никакаго нравственнаго права на господство въ государствѣ. *Геніальный Цезарь вполнѣ угадалъ сущность совершавшагося переворота, когда въ противоположность интересамъ римскаго юрода выдвинулъ пользы и нужды римскаго міра.* Въ лицѣ республики пало правительство столичнаго города. Оставалось посмотреть, въ какой степени вышедшая изъ войска императорская власть справится съ задачей управленія міромъ.

Паденіе республики.

Глава VIII.

П Р И Н Ц И П А Т Ъ.

Власть Августа. Побѣда при Акціумѣ передала власть въ руки человѣка, мало похожаго на великаго Цезаря. Октавіанъ былъ совсѣмъ не гевій, не обладалъ ни быстротой мысли, ни изобрѣтательностью, ни кипучей энергіей. Но это былъ все-таки крупный и умный дѣятель, который бралъ здравымъ смысломъ, расчетливостью, постоянствомъ и неутомимой рабочей силой. Въ устроении государства онъ держался постоянно одного основного направленія—онъ *сосредоточилъ въ своихъ рукахъ все существенныя права монарха, но не уничтожилъ республиканскихъ формъ, а сохранилъ даже дѣйствительное значеніе за многими республиканскими учрежденіями, подчинивъ ихъ своему общему надзору.* Монархія Октавіана такъ же, какъ и единовластіе Цезаря, произошла вслѣдствіе того, что побѣдонесному полководцу было передано нѣсколькихъ высшихъ магистратуръ и чрезвычайныхъ полномочій.

27 до Р. X. Въ 27 году онъ возвратилъ сенату и народу переданную ему еще какъ триумвиру власть „устроить государство“. Въ благодарность сенатъ далъ ему названіе *Августа* ¹⁾, которое должно было обозначать его величіе, или, какъ теперь говорятъ въ обращеніи къ монархамъ: „Величество“ ²⁾. Затѣмъ, новый монархъ, конечно, сохранилъ *титულъ и права императора*, т. е. главнаго начальника римскихъ войскъ. Все финансовое управленіе, поскольку оно касалось главнаго государственнаго расхода—содержанія арміи, перешло къ нему. Кромѣ того, онъ распоряжался, въ силу той же военной власти, государственными землями для надѣленія ветерановъ и вывода колоній. *Въ гражданскомъ управленіи постоянной основой монархіи сдѣлалась трибунская власть*, поставленная выше обыкновеннаго трибуната. Въ силу ея Августъ могъ созывать сенатъ и народъ, останавливать дѣйствія магистратовъ, помогать обиженнымъ. Когда требовалось произвести народную перепись, пополненіе сената, оцѣнку имущества, *Августъ принималъ цензорскую власть.* Консульствомъ онъ пользовался рѣдко. Какъ всякій магистратъ, онъ имѣлъ *право суда*, но не обязанъ былъ при этомъ держаться опредѣленныхъ рамокъ въ выборѣ дѣлъ, а могъ рѣшать окончательно всякія дѣла, какъ

¹⁾ Отъ одного корня съ аугео—умножаю.

²⁾ Ср. выраженіе „Августѣйшій“, которое до сихъ поръ употребляется относительно особы Государя и членовъ царствующаго дома.

гражданскія ¹⁾, такъ и уголовныя ²⁾. Опять-таки, какъ всякій магистратъ, онъ могъ издавать *обязательныя постановленія*, и никто не имѣлъ права отиѣнить или стѣснить эти постановленія, которыя поѣтому имѣли значеніе закона, съ той разницей, однако, что они дѣйствовали только, пока правилъ издавшій ихъ императоръ.

Такая власть была, конечно, громаднa, и не могло быть сомнѣнія въ томъ, что Августъ есть глава государства. *Но сенатъ и комиціи сохраняли при немъ опредѣленныя права. Прежде всего, управление провинцій было подѣлено между императоромъ и сенатомъ*—первый взялъ на себя только тѣ провинціи, которыя находились въ осадномъ положеніи, напр., Галлію, которой угрожали германцы, Сирію съ защитой противъ парянъ, сѣверную Испанію, въ которой бунтовали иберскія племена. Кромѣ того, онъ присвоилъ себѣ различныя царства, которыя, какъ напр., Египеть, были присоединены Римомъ, но не обращены въ римскую провинцію, а оставлены при старомъ порядкѣ. Большая половина провинцій была оставлена въ завѣдываніи сената, и императоръ вмѣшивался въ ихъ управление только въ исключительныхъ случаяхъ. Затѣмъ сенатъ пріобрѣлъ значеніе уголовного судилища, котораго не имѣлъ во время республики. Для общаго веденія дѣлъ императоръ постоянно совѣтовался съ нимъ или съ комиссіей избранныхъ изъ него 15—20 членовъ. *Что касается до народнаго собранія, то его права были сведены скорѣе на формальность.* Комиціи попрежнему имѣли право выбора магистратовъ и утвержденія законовъ, но выборы направлялись рекомендаціей императора, да и въ законодательномъ отношеніи приходилось слѣдовать его указаніямъ.

Хотя Августъ оставилъ себѣ, такимъ образомъ, львиную долю, и никто не могъ тягаться съ нимъ въ государствѣ, но его власть подвергалась все-таки существеннымъ и своеобразнымъ ограниченіямъ: *все-таки онъ оставался магистратомъ, т. е. поставленникомъ римскаго народа.* Власть свою онъ получалъ по внѣшности отъ сената и комицій, а по существу отъ войска, которое смотрѣло на себя, какъ на вооруженный народъ. *Оттого эта власть все время сохраняла непрочный, исключительный характеръ.*

¹⁾ Т. е. споры о правѣ.

²⁾ Т. е. преслѣдованія за обиды и нарушенія правъ.

Ее возобновляли черезъ каждыя десять лѣтъ новыми народными рѣшеніями, и не могло быть рѣчи о наследственности. Чтобы обезпечить ея переходъ къ лицу изъ своего дома, Августъ долженъ былъ позаботиться о передачѣ ему подобныхъ же чрезвычайныхъ полномочій еще при своей жизни. Очень замѣчательно, что новая монархія не имѣла опредѣленнаго имени—какъ разъ потому, что она состояла изъ нѣсколькихъ магистратуръ. Слово „императоръ“ обозначало только одну ея часть, хотя и важную. Самымъ обыкновеннымъ обозначеніемъ сталъ титулъ *princeps*, который собственно указывалъ только на первенство среди римскихъ гражданъ ¹⁾. Наконецъ, вслѣдствіе страннаго соединенія монархіи и республики, *государь не имѣлъ въ своемъ распоряженіи необходимаго ему служебнаго состава исполнителей*. Большая часть должностей попрежнему замѣщалась сенаторами, а этотъ классъ, несмотря на всѣ пораженія и униженія, сохранилъ большой запасъ самостоятельности. Въ противоположность этимъ сенаторскимъ должностямъ, Августъ начинаетъ выдвигать вполнѣ зависѣвшее отъ него сословіе чиновниковъ пополнявшееся изъ всадниковъ, плебеевъ и вольноотпущенныхъ; но въ данномъ случаѣ онъ положилъ только начало. Точно также намѣчаются при немъ первые признаки другого важнаго явленія.

Императору начинаютъ воздавать божескія почести, какъ сверхъестественной силѣ, отъ которой зависитъ порядокъ и благосостояніе общества. Въ этомъ сказывались не только дѣль и низкопоклонство: съ точки зрѣнія римскаго политеизма это было естественно, такъ какъ онъ придавалъ божественность всѣмъ главнымъ явленіямъ природы и человѣческой жизни. Сначала причислили къ богамъ великаго Цезаря, котораго стали называть *Divus Julius*. А затѣмъ въ Римѣ и въ особенности въ муниципіяхъ и провинціяхъ стали поклоняться генію Августа, т. е. божеству-покровителю Августа. Отсюда былъ легокъ переходъ къ обоготворенію самого Августа, и онъ совершился еще при его жизни.

Внутреннее
управленіе.

Августъ пользовался своей громадной властью для блага подданныхъ. Онъ неустанно трудился на пользу государства и положилъ основанія политикѣ послѣдующихъ императоровъ. Главными помощниками его были: Агриппа—для военныхъ дѣлъ и управленія, Цильвій Мecenать—для примиренія партій и образованія новаго круга высшаго общества. Значеніе послѣдняго было очень велико, хотя онъ не имѣлъ никакого официальнаго положенія и даже не вступилъ въ сенатъ,

¹⁾ *Princeps civium Romanorum*. Ср. *princeps senatus*—первый изъ сенаторовъ.

а остался всадникомъ. Благодаря ему, главнымъ образомъ, дожь Августа сдѣлался литературнымъ центромъ, къ которому примкнули талантливые писатели, поэты и историки. Этотъ *блескъ образованности* много содѣйствовалъ тому, что остатки республиканской аристократіи примирились со своимъ подчиненнымъ положеніемъ и втягивались въ жизнь при дворѣ новаго государя. Много было сдѣлано также, чтобы *укрѣпить религію*, пришедшую въ упадокъ въ смутное время. Но особенное вниманіе было обращено, по примѣру Цезаря, на подъемъ *матеріальнаго благосостоянія и производительныхъ силъ*. Установленіе мира и порядка вокругъ Средиземнаго моря оказалось въ данномъ случаѣ несравненнымъ благодѣяніемъ: римскій миръ (Pax Romana) обезпечивалъ плодотворныя сношенія между областями, съ ихъ различными способностями, привычками, продуктами и богатствами. Послѣ тяжкихъ междоусобныхъ войнъ, наступило время производительнаго труда и живого обмѣна. Помимо того что установленъ былъ твердый порядокъ, Августъ много содѣйствовалъ хозяйственному процвѣтанію проведеніемъ цѣлой сѣти прекрасныхъ дорогъ и учрежденіемъ надзора за нѣкоторыми важнѣйшими отраслями промышленности и торговли. Въ особенности заботилось государство о хлѣбной торговлѣ, водоснабженіи и общественныхъ постройкахъ. Великое значеніе ваннъ въ образѣ жизни итаіанскаго населенія вызвало, между прочимъ, постройку цѣлаго ряда „термъ,“ въ которыхъ, кромѣ роскошныхъ бань, устроены были сады и портики ¹⁾ для гулянья.

Забота о провинціяхъ выражалась строгимъ наблюденіемъ за губернаторами и распространеніемъ въ нихъ римскихъ порядковъ и учреждений. Особенно много было сдѣлано въ этомъ отношеніи для *Галліи*. Изъ полудикаго состоянія она быстро превратилась въ совершенно римскую страну. Агриппа разбилъ ее на шестьдесятъ областей, городскіе центры которыхъ сохранили свое значеніе даже въ современной Франціи. Тяжелой обязанностью была оборона культурнаго міра противъ напора варваровъ. Для этой цѣли служила армія въ 250,000 человекъ, расположенная, главнымъ образомъ, по Рейну, Дунаю и Эвфрату. Этого числа было достаточно для обороны, но для завоеваній слишкомъ мало. Поэтому Августъ ограничился по-

Внѣшняя дѣятельность.

¹⁾ Крытыя колоннады.

кореніємъ придунайскихъ странъ и окончательнымъ усмиреніемъ Испаніи. Противъ главныхъ враговъ Рима—паренъ и германцевъ—онъ держался, главнымъ образомъ, обороной. Для поддержанія страха между германцами, пасынки Августа, Друзъ и Тиберій, нѣсколько разъ совершали удачные походы 9 по Р. X. внутрь Германіи. Но въ 9 году по Р. X. римская армія, подъ начальствомъ Квинтілія Вара, была въ Тевтобургскомъ лѣсу совершенно уничтожена германцами, подъ начальствомъ херуска Арминія. Несмотря на то, что Тиберій и сынъ умершаго Друза, Германикъ, жестоко отомстили за это пораженіе, римская граница была окончательно отведена къ Рейну и Дунаю ¹⁾ и дѣйствія римлянъ за этими предѣлами получили характеръ временныхъ вторженій.

Семья Авгу-
ста.

При великомъ значеніи личности императора въ управленіи, крайне важнымъ являлся вопросъ о томъ, къ кому перейдетъ его власть. Семейная жизнь Августа сложилась несчастливо. Сыновей у него не было, а между внуками—сыновьями дочери Юліи и М. Випсанія Агриппы, съ одной стороны, третьей женой Ливіей и ея сыномъ, Тиберіемъ ²⁾, съ другой,—начались раздоры, которые кончились смертью внуковъ, какъ говорили въ Римѣ,—отъ яда. Августъ не любилъ Тиберія, но принужденъ былъ признать его административныя ³⁾ и военныя способности и въ старости намѣтилъ его своимъ преемникомъ, даровавъ ему трибунскую и проконсульскую власть.

Тиберій.
14 по Р. X.

Въ 14 году по Р. X. умеръ Августъ, и Тиберій по приглашенію сената и послѣ нѣкотораго притворнаго колебанія вступилъ въ его права. Легіоны на Рейнѣ и Дунаѣ дали при этомъ почувствовать, что они смотрятъ на себя, какъ на главную основу правительства. Солдаты потребовали сокращенія сроковъ службы, прибавки жалованья, а рейнская армія собиралась даже провозгласить императоромъ своего полководца, Германика; подавленіемъ этого опаснаго движенія

¹⁾ За исключеніемъ юго-западнаго угла Германіи (отъ Регенсбурга до Майнца), который былъ защищенъ укрѣпленіями и засѣками. Это—такъ называемые *agri decumates*.

²⁾ Ливія была сначала замужемъ за Т. Клавдіемъ Нерономъ и имѣла отъ этого брака сыновей—Тиберія и Друза. Послѣдній умеръ еще при жизни Августа.

³⁾ Администрація—управленіе.

Тиберій былъ, главнымъ образомъ, обязанъ самому Германику. Въ государственномъ управленіи Тиберій оказался достойнымъ преемникомъ Августа — осторожнымъ, бережливымъ, внимательнымъ къ нуждамъ провинцій и хорошо знакомымъ съ ихъ особенностями. Не измѣняя по существу правительственной власти, онъ устранилъ два противорѣчія между новой монархіей и остатками республики: *передача имперіи на десятилѣтній срокъ была уничтожена; выборы магистратовъ были переданы изъ комицій въ сенатъ. Законодательство также было сведено на постановленія сената и указы императора.* Поэтому со времени Тиберія комиціи окончательно потеряли значеніе, а сенатъ, напротивъ, получилъ еще большую важность, чѣмъ при Августѣ. Къ сожалѣнію, Тиберій соединялъ съ несомнѣнными достоинствами подозрительность и жестокость. Едва онъ сдѣлался императоромъ, какъ начались въ сенатѣ процессы объ оскорбленіи величества. Было два, три случая, что члены знатныхъ семействъ, въ особенности родственники дома Цезарей, увлекались честолюбивыми замыслами и составляли заговоры противъ Тиберія; но большая часть преслѣдованій возникали изъ необдуманнаго поступка или неосторожнаго слова. Одного всадника обвиняли въ томъ, что онъ продалъ вмѣстѣ съ имѣніемъ статую Августа; историка Кремуція Корда осудили за то, что онъ съ уваженіемъ высказался о Брутѣ и Кассіи. Политическими обвиненіями занимались доносчики, которые готовы были изъ корысти погубить всякаго, такъ какъ въ награду за доносъ имъ доставалась часть конфискованнаго имущества жертвы. Главнымъ пособникомъ Тиберія въ этихъ кровавыхъ расправахъ былъ префектъ преторія (начальникъ гвардіи) Сеянъ. Но онъ самъ возмечталъ породниться съ императоромъ и получить права на наслѣдованіе: тогда Тиберій послалъ сенату приказаніе заключить его въ тюрьму, и сенаторы, только что преклонявшіеся передъ Сеяномъ, съ удовольствіемъ приказали казнить его. Послѣдніе годы Тиберій не жилъ въ Римѣ—онъ поселился на живописномъ островѣ Капри, противъ Неаполя и оттуда сносился по дѣламъ съ сенатомъ. Люди стали ему ненавистны, и онъ иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ не выходилъ изъ дому. Семейныя отношенія Тиберія сложились не радостнѣе, чѣмъ у Августа: сынъ Друзъ умеръ, племянникъ Германикъ, военнымъ успѣхамъ и популярности котораго

онъ самъ завидовалъ, также внезапно скончался въ Египтѣ; вдова его Агриппина, внучка Августа ¹⁾, подозрѣвала Тиберія въ убійствѣ мужа и относилась къ нему съ нескрывае-мой ненавистью. Тиберій заточилъ ее на пустынный островъ, гдѣ она сама себя уморила голодомъ; старшіе сыновья ея были умерщвлены. Третьяго сына Германика и Агриппины, Кая Калигулу, Тиберій приблизилъ, однако, къ себѣ и назна-чилъ своимъ преемникомъ.

Кай Калигула.

37.

Въ 37 году умеръ Тиберій; сенатъ немедленно провозгла-силъ императоромъ Калигулу. Новый государь скоро показалъ, что онъ понимаетъ свое положеніе совершенно иначе, не-жели его предшественникъ. Тотъ отказался отъ божескихъ почестей; *Калигула больше всего гордился тѣмъ, что по прямой линіи происходитъ отъ Цезаря и Августа, считалъ себя богомъ* и проявлялъ свою божественность произволомъ и сумасброд-ствомъ въ обращеніи съ людьми и дѣлами. Особенно охотно называлъ онъ себя латинскимъ Юпитеромъ (Jupiter Latiaris). Жизнь и честь подданныхъ, конечно, не имѣли для него ни-какого значенія; казни и убійства сдѣлались еще болѣе ча-стыми, чѣмъ при Тиберіи, и производились съ какой-то дерз-кой насмѣшливостью; разъ, напримѣръ, Калигула велѣлъ казнить утромъ одного молодого человѣка, а къ обѣду при-гласилъ его отца. Но сумасбродный тиранъ властвовалъ только четыре года. Противъ него составился заговоръ и онъ былъ убитъ.

Клавдій.

На этотъ разъ новаго императора провозгласилъ не се-натъ, а преторіанцы. Они выбрали Клавдія, брата Герма-ника, кропотливаго ученаго, который до тѣхъ поръ старатель-но держался вдали отъ опасныхъ государственныхъ дѣлъ. Сдѣлавшись императоромъ, онъ сталъ заниматься управлені-емъ съ такимъ же добросовѣстнымъ трудолюбіемъ, какъ прежде своими книгами. Во внѣшней политикѣ онъ оставилъ память устройствомъ римской провинціи въ *Великобританіи*; во внутренней—при немъ усовершенствовалась *император-ская канцелярія*, многочисленныя дѣла которой распредѣлялись между вольноотпущенными. Великимъ зломъ оказались опять интриги и преступленія въ семьѣ императора. Первая его жена, Мессалина, проводила время въ позорныхъ кутежахъ,

1) Родителями ея были М. Випсаній Агриппа и Юлія, дочь Августа.

которыхъ не замѣчалъ одинъ Клавдій. Дерзость ея дошла до того, что она даже обвѣнчалась съ однимъ римскимъ всадникомъ. Вольноотпущенники, наконецъ, донесли обо всемъ Клавдію, и онъ велѣлъ ее казнить. Второй разъ онъ женился на своей племянницѣ, Агриппинѣ Младшей, дочери Германика и Агриппины Старшей. Тутъ повторилась исторія Ливіи. Агриппина отстранила отъ Клавдія его сына отъ перваго брака, Британника, и побудила его усыновить пасынка ¹⁾). Этотъ приемный сынъ сталъ знаменитъ подъ именемъ Нерона.

Послѣ смерти Клавдія, его провозгласили императоромъ преторіанцы. Безчеловѣчный произволъ Калигулы соединялся въ немъ съ легкомысленнымъ тщеславіемъ. Онъ отравилъ Британника, погубилъ мать, жену, своего воспитателя Сенеку, префекта преторіанцевъ, которому былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, и тысячи другихъ, менѣе извѣстныхъ лицъ, вызвавшихъ его гнѣвъ или корыстолюбіе. *Его злодѣянія отзывались не только на приближенныхъ или римлянъ, но и на провинціалъ.* Послѣ пожара, уничтожившаго большую часть Рима, онъ выстроилъ городъ въ гораздо лучшемъ видѣ, но для этого подвергъ провинціи всевозможнымъ вымогательствамъ. Вышнимъ честолюбіемъ этого изверга было одерживать побѣды въ состязаніи колесницъ и прослыть великимъ цѣвцомъ. Увѣряли, что во время римскаго пожара онъ любовался имъ съ крыши своего дворца и при этомъ воспѣвалъ разрушеніе Трои. Римскій императоръ открыто предпочиталъ грековъ римлянамъ за то, что они умѣли лучше цѣнить его артистическія дарованія. Заговоры въ столицѣ не имѣли сначала успѣха, но возстаніе испанскихъ и галльскихъ легионовъ вызвало отпаденіе преторіанцевъ, и тогда сенатъ объявилъ Нерона врагомъ отечества. Неронъ тотчасъ обратился въ бѣгство и, когда его стала наступать погоня, покончилъ съ собою. вмѣстѣ съ нимъ прекратилась династія императоровъ изъ дома Юліевъ и Клавдіевъ (68 г.).

Неронъ.

68.

Флавій.

Несмотря на злодѣянія императоровъ, все населеніе римскаго міра было проникнуто сознаніемъ, что имперія необходима для поддержанія порядка. Вопросъ былъ только въ томъ, кому удастся захватить бразды правленія. Сенатъ провозгласилъ императоромъ испанскаго проконсула Гальбу, преторіанцы

¹⁾ Сына Агриппины и Домиція Агенобарба.

выставили Оттона, германскіе легіоны — Вителлія, сирійскіе легіоны — Т. Флавія Веспасіана. Послѣ смуть, продолжавшихся около года, послѣдній одержалъ верхъ. Принципаль его былъ утвержденъ сенатомъ и комиціями въ формѣ опредѣленнаго закона (*Lex regia*), по которому Веспасіанъ получилъ власть Цезаря, Августа и Клавдія. О Каѣ Калигулѣ и Неронѣ упомянуто не было. Новый государь принялъ названія Цезаря и Августа, какъ обозначенія своего достоинства. Онъ былъ незнатнаго происхожденія и выдвинулся службою въ легіонахъ. Какъ правитель, онъ принесъ великую пользу, потому что *возстановилъ порядокъ и поправилъ финансы*. На его денежныя взысканія жаловались, но они были необходимы. При немъ окончилась упорная іудейская война. Палестина находилась со времени Помпея въ положеніи зависимаго отъ Рима государства, сохранившаго, однако, собственное управленіе. Военная власть принадлежала династіи Иродовъ, но Іерусалимъ и его храмъ, какъ народныя святилища, находились въ завѣдываніи священническаго сословія. Религія являлась самой могущественной силой въ жизни народа, и, хотя по практическимъ соображеніямъ евреи старались примириться съ высшей властью римскаго Цезаря и вмѣшательствомъ проконсуловъ и прокураторовъ ¹⁾, но они презирали языческое многобожіе, и, время отъ времени, ненависть ихъ къ чужеземному господству прорывалась возстаніями. Вымогательства Нерона и сирійскихъ проконсуловъ вызвали самое сильное изъ этихъ возстаній, которое сначала ознаменовалось пораженіями римлянъ. Но, конечно, маленькая Іудея не могла успѣшно сопротивляться силѣ Рима. Веспасіанъ покорилъ страну и стѣснилъ населеніе въ Іерусалимѣ. Когда онъ сдѣлался императоромъ, войну продолжалъ его сынъ, Титъ, и послѣ отчаяннаго сопротивленія взялъ Іерусалимъ. Даже послѣ того, какъ римляне ворвались въ городъ, его защитники продолжали отбиваться въ храмѣ и сіонскомъ замкѣ. Они не принимали пощады; послѣдніе оставшіеся сами убивали себя и бросались на копья римлянъ. Раздраженные побѣдители разрушили храмъ и городъ (70 г.).

70.

¹⁾ Прокураторомъ назывался управляющій императора, которому поручень былъ сборъ его доходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ могли быть переданы военныя и судебныя полномочія. Понцій Пилать былъ прокураторомъ Тиберія въ Іудеѣ и Галилеѣ.

Другой важный успѣхъ былъ одержанъ надъ возставшими при-рейнскими племенами галловъ и германцевъ. Вызвано было это движеніе беспорядками во время борьбы за императорскую власть, когда рейнскіе легіоны, поддерживавшіе Вителлія, оставили границу и двинулись въ Италію. Во главѣ возставшихъ стоялъ Батавъ Цивилисъ, долго командовавшій германскимъ отрядомъ въ римскомъ войскѣ. Для привлеченія кельтовъ мятежники провозгласили „Галльскую имперію (Imperium Galliarum). Полководецъ Веспасіана, Цереаль, разъединилъ кельтовъ и германцевъ и этимъ обезпечилъ себѣ побѣду.

Третья война эпохи Флавіевъ велась въ Британніи и закончилась только при младшемъ сынѣ Веспасіана, Домиціанѣ, получившемъ власть послѣ короткаго господства Тита ¹⁾. Завоеваніе Клавдія было непрочно и ограничивалось только южной частью острова. При Неронѣ бритты избили римскихъ переселенцевъ, и съ тѣхъ поръ борьба не прекращалась. Полководецъ Флавіевъ, Агрикола, добился, наконецъ, рѣшительныхъ успѣховъ, а главное, положилъ начало романизациі ²⁾ острова. Домиціанъ, однако, не далъ ему довершить его полезное дѣло. Изъ ревности къ заслугамъ Агриколы онъ отозвалъ его изъ Британніи.

При Домиціанѣ возобновились жестокости и насилія, которыя привели къ уничтоженію дома Юліевъ и Клавдіевъ. Онъ не былъ похожъ на отца, вѣрнаго служителя государства, и на брата, который говорилъ, что считаетъ потеряннымъ день, когда не пришлось совершить добраго дѣла. Отъ Домиціана бѣжали, какъ отъ дикаго звѣря. Въ 96 году онъ палъ отъ руки убійцы.

96.

На мѣсто Домиціана былъ избранъ Нерва, старый сенаторъ, который при своемъ вступленіи далъ присягу не казнить сенаторовъ по произволу, безъ суда. Но онъ скоро почувствовалъ, что не въ состояніи будетъ справиться съ тяжелыми обязанностями императора и усыновилъ самаго знаменитаго изъ полководцевъ того времени — Ульпія Траяна. Нерва и Траянъ.
Возвышеніе послѣдняго было замѣчательно въ томъ отношеніи, что онъ былъ уроженецъ не Рима и даже не Италіи, а родился въ Испаніи, въ семьѣ римскихъ колонистовъ, поселенныхъ тамъ еще Циціономъ Старшимъ. Траянъ вполне оправдалъ выборъ Нервы — онъ довелъ военное могущество имперіи до его крайнихъ предѣловъ и не менѣе успѣшно управлялъ

¹⁾ При послѣднемъ произошло изверженіе Везувія, отъ котораго погибли Помпеи и Геркуланумъ.

²⁾ Романизациі — распространеніе въ покоренной странѣ римской культуры.

внутренними дѣлами государства. Главнымъ его военнымъ подвигомъ было уничтоженіе царства даковъ, занимавшихъ теперешнюю Румынію, Бессарабію и Трансильванію. На колоннѣ, которая была воздвигнута въ Римѣ по случаю его триумфа, изображены различные эпизоды этой войны. Императоръ не ограничился побѣдами: онъ заселилъ лѣвый берегъ Дуная колонистами изъ всѣхъ частей римскаго міра, и его слѣды остались до сихъ поръ въ Европѣ въ видѣ румынскаго народа, созданнаго въ это время и сохранившаго свой романскій характеръ, языкъ и имя, несмотря на всѣ перевороты исторіи. Изъ неутомимыхъ заботъ Траяна о населеніи имперіи особенно замѣчательна *организация благотворительности*: государство открывало кредитъ нуждающимся землевладѣльцамъ, а на проценты съ отданныхъ займы капиталовъ воспитывало тысячи бѣдныхъ дѣтей. Въ концѣ своего принципата, Траянъ предпринялъ походъ для возстановленія римскаго могущества въ Азіи. Онъ завоевалъ Арменію, двинулся противъ паряевъ и одержалъ надъ ними нѣсколько побѣдъ; но ему все-таки не удалось покорить ихъ окончательно. Онъ принужденъ былъ отступить въ Малую Азію и во время отступленія умеръ (117).

117.
Адрианъ.

Преемникомъ его сирійскіе легіоны провозгласили также испанскаго римлянина Элія Адриана. Онъ не счелъ возможнымъ продолжать военные предпріятія Траяна, помирился съ парянами и старался только о томъ, чтобы удержать прежнія границы. Зато онъ съ большимъ рвеніемъ занимался внутреннимъ управленіемъ. Подобно Траяну, онъ поддерживалъ отличныя отношенія съ сенатомъ и не допускалъ вліянія придворныхъ интригъ на дѣла. *Особенно много было сдѣлано для развитія чиновничьяго класса, зависѣвшаго прямо отъ императора* и мало-по-малу вытѣснявшаго старыя магистратуры изъ управленія: были установлены правила дѣлопроизводства, старшинство по службѣ, учреждены многочисленныя новыя должности. Адрианъ почти все время проводилъ въ путешествіяхъ, былъ и въ Египетѣ, и на Дунаѣ, и въ Британніи, и въ Месопотаміи; это давало ему возможность повсюду провѣрять дѣятельность своей администраціи. Но императоромъ кромѣ того руководила ненасытная любознательность. Онъ *былъ проникнутъ идеей великаго культурнаго единства подчиненныхъ ему странъ*, которыя, при всемъ разнообразіи климата и природы, при глубокихъ противорѣчіяхъ въ обычаяхъ и въ-

рованіяхъ, при вѣковой борьбѣ историческихъ теченій, всѣ соединились въ римской имперіи, какъ рѣки входятъ въ море.

Если въ Траянѣ вновь возсталъ строгій образъ древняго римлянина—полководца и законодателя, то Адрианъ былъ убожденнымъ космополитомъ, гражданиномъ міра: онъ, конечно, проводилъ начала римскаго права и управленія, но въ то же время увлекался глубокомысленными теоріями и словесной ловкостью грековъ, преклонялся передъ религиозными преданіями и суевѣріями востока. Умъ Адриана напоминалъ тотъ садъ, который императоръ устроилъ себѣ въ окрестностяхъ Рима: въ причудливыхъ аллеяхъ были нагромождены сокровища искусства со всего міра, вырванные изъ естественной обстановки и какъ бы удивленные, что встрѣтились другъ съ другомъ.

Вслѣдъ за Адрианомъ управляли съ такимъ же рвеніемъ и съ большимъ благодушіемъ Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій. Послѣдній оставилъ по себѣ память не только, какъ императоръ: онъ былъ философъ стоической школы, которая выше всего цѣнила самообладаніе и служеніе разумно сознанному долгу. И Маркъ Аврелій былъ во всемъ вѣренъ своему философскому идеалу — *въ императорской власти онъ видѣлъ не удовлетвореніе самолюбія, не средство для осуществленія личнаго желанія, а тяжелую обязанность и отвѣтственность*. Онъ сравнивалъ себя съ солдатомъ, который поставленъ въ безсмѣнный караулъ—его освободить только смерть. Не одинъ разъ ему приходилось пользоваться принудительными мѣрами, но его мечта была—руководить свободными и равноправными людьми, разумно подчиняющимися закону, а не принужденію. Этому идеалисту, человѣку слабого здоровья и не любившему войны, досталась на долю постоянная борьба съ врагами внутренними и внѣшними. Сначала пришлось отражать паренянь, затѣмъ защищаться противъ новаго передвиженія германцевъ, въ промежуткѣ подавлять возстаніе сирійскаго войска. Маркъ Аврелій справился со всѣми этими задачами, но здоровье его было подорвано постояннымъ напряженіемъ. Онъ умеръ въ дѣлѣ—во время похода противъ напиравшихъ на дунайскую границу маркоманновъ (180).

Антонинъ Пій
и Маркъ Аврелій.

180.

Его смертью заканчивается лучшая эпоха римской имперіи. Восемьдесятъ лѣтъ управляли искусные и доблестные государи. Сынъ Марка Аврелія, Коммодъ, опять впалъ въ распущенность и жестокость, которыя отличали Калигулу, Нерона, Домициана.

Возвышеніе
Северовъ.

Особенно пострадалъ при немъ сенатъ, съ которымъ такъ согласно жили предшественники Коммода. Императоръ по своему стремилъ къ славѣ—онъ считалъ себя новымъ Геркулесомъ и принималъ участіе въ состязаніяхъ цирка, какъ простой гладиаторъ. Послѣ короткаго правленія, онъ палъ жертвой придворнаго заговора, но положеніе государства отъ этого не улучшилось. Правильный переходъ власти былъ нарушенъ, и возстановленіе ея вызывало новыя усобицы. Заговорщики выставили заслуженнаго полководца, Пертинакса, но онъ показался преторіанской гвардіи слишкомъ строгъ. Солдаты убили его и продали императорское достоинство богачу Дидію Юліану. Этотъ позорный торгъ возмутилъ даже римскую чернь. Не подчинились ему и пограничныя легіоны.

193.

Дунайская армія въ 193 году выставила Септимія Севера, который и утвердился императоромъ, но только послѣ кровопролитныхъ войнъ противъ кандидатовъ сирійскихъ и британскихъ войскъ. Новый государь происходилъ изъ африканской колоніи римлянъ, какъ Траянъ и Адрианъ изъ испанской. Онъ не могъ соперничать съ государями II вѣка въ образованности или государственной мудрости, но все-таки много сдѣлалъ для поддержанія порядка и охраны имперіи. Онъ самъ руководилъ тяжелыми походами противъ парянъ и бриттовъ. Во время послѣдняго онъ и умеръ. Но главное значеніе его времени въ римской исторіи состоитъ въ томъ, что при немъ Римъ подпалъ влиянію провинцій. Септимій Северъ уничтожилъ преторіанскую гвардію, на вербованную изъ уроженцевъ Рима и Италіи и замѣнилъ ее отрядомъ, составленнымъ изъ всѣхъ легіоновъ. Самыя имена новыхъ гвардейцевъ показываютъ, что они происходили изъ всѣхъ племенъ тогдашняго міра, включенныхъ въ имперію. На гвардіи отразилось, наконецъ, постепенное измѣненіе войска, сохранившаго римскій строй и латинскій языкъ, но пополнявшагося не изъ римлянъ, а изъ болѣе или менѣе романизированныхъ провинціаловъ. А на войска опять-таки сказывалось общее перерожденіе римскаго гражданства. Пропастъ, отдѣлявшая первоначально гражданина побѣдоноснаго города отъ побѣжденныхъ, все болѣе заравнивалась. Распространялась римская культура, распространялось и гражданство, и при сынѣ Септимія Севера, Антонинѣ Каракаллѣ, исчезла послѣдняя преграда между римлянами и подчинившимися римскимъ учрежденіямъ провинціалами: указомъ императора римское гражданство было даровано свободнымъ жителямъ имперіи, принадлежавшимъ къ

какой-нибудь городской общины, между прочимъ—и сельскимъ обывателямъ, приписаннымъ къ городамъ. Исключались только варвары, жившіе племенами и не принявшіе римскаго городского порядка.

Этотъ указъ составляетъ великую заслугу Каракаллы. Вообще же онъ дѣйствовалъ согласно совѣту, который отецъ далъ на смертномъ одрѣ ему и брату: „*Одаряйте солдатъ; остальныхъ можете презирать*“⁴. Отъ брата Каракалла избавилъ себя убійствомъ, подданныхъ щадилъ не болѣе Домиціана и Коммода, но за солдатами ухаживалъ и ради войска до крайности увеличилъ подати. Умиротворивъ кое-какъ германскія племена, онъ все вниманіе обратилъ на востокъ. Замышляя онъ походъ въ Индію и даже въ Китай, и для этого предлагалъ пареянамъ союзъ. Но тѣ не привыкли дѣйствовать за одно съ Римомъ и отвѣчали нападеніями. Каракалла не безъ успѣха боролся съ ними, но оказалось, что его поблажки войскамъ ослабили въ нихъ дисциплину: императора зарѣзалъ офицеръ, которому онъ отказалъ въ повышеніи. На нѣсколько мѣсяцевъ власть перешла къ префекту преторія юристу Макрину. Но онъ не нравился арміи и не умѣлъ руководить ею. Въ войнѣ съ пареянами начались неудачи, и солдаты съ восторгомъ примкнули къ племяннику Каракаллы со стороны матери, Геліогабалу. Возвышеніе послѣдняго было любопытно тѣмъ, что *новый императоръ не былъ ни полководцемъ, ни знатокомъ права, ни вліятельнымъ римляниномъ*—это былъ юноша, сириецъ родомъ и первосвященникъ храма Солнца въ Эмесѣ. *Кромѣ родства съ Каракаллой, его выдавало именно жречество*. Восточные культы получали въ это время чрезвычайное распространеніе въ бассейнѣ Средиземнаго моря. Римское и греческое многобожіе потеряло свою силу; население искало *религиозныхъ идей, захватывавшихъ глубже, и обращалось на востокъ*, къ египетской Изидѣ, къ персидскому Митрѣ, къ сирийскому Ваалу. Но появленіе Геліогабала въ Римѣ въ качествѣ наслѣдника Цезаря и Августа, было все-таки странно и привело къ великимъ несообразностямъ. Онъ привезъ съ собою священный камень эмесскаго святилища, упавшій по преданію съ неба, заявилъ желаніе жениться на весталкѣ¹⁾, окружилъ себя женщинами

Каракалла,
Геліогабалъ,
Александръ
Северъ.

¹⁾ Жрица богини очага—Весты, дѣвушка изъ лучшихъ римскихъ семействъ.

и восточными прислужниками, не обнаруживалъ ни малѣйшей охоты заниматься дѣлами и проводилъ время въ пиррахъ. Всѣмъ этимъ Геліогабалъ скоро уничтожилъ расположеніе подданныхъ—его убили, и его мѣсто занялъ двоюродный братъ, Александръ Северъ, отличавшійся совершенно противоположными качествами. Это былъ мягкій, добросовѣстный и благородный труженикъ, который, насколько возможно было, восстановилъ значеніе сената и, кромѣ того, образовалъ ближайшій государственный совѣтъ при себѣ. Его сирійское происхожденіе сказывалось только въ томъ, что онъ съ большимъ уваженіемъ относился къ азіатскимъ вѣрованіямъ и, между прочимъ, съ полной терпимостью смотрѣлъ на христіанъ. Христіанское ученіе онъ понималъ, однако, очень мало и полагалъ, что Христа можно включить въ число языческихъ боговъ. Для арміи Александръ былъ слишкомъ кротокъ и нерѣшителенъ. При немъ совершился переворотъ, который требовалъ напряженія именно военной силы: персидское населеніе свергло пареянскую династію Арсакидовъ, которая была проникнута греческимъ духомъ. *Персидскій домъ Сассанидовъ, напротивъ, восстановилъ преданія враждебныхъ грекамъ Ахеменидовъ, и угрожалъ гибелью эллинистической культурѣ и римскому правленію въ Азіи.* Александръ Северъ предпринялъ противъ новаго персидскаго царства большой походъ. Но эти восточныя экспедиціи вообще плохо удавались римлянамъ: и на этотъ разъ успѣхи были очень недостаточны, и императоръ принималъ мѣры, чтобы стаянуть къ Евфрату новыя войска. Во время этихъ приготовленій, онъ былъ убитъ своими солдатами (235 г.).

235.

Смуты III
вѣка.

Много усобицъ выдержало римское государство до времени Александра Севера; много разъ прерывалась законная передача власти, но прежде всегда удавалось восстановить правительство послѣ довольно короткихъ перерывовъ. Умерщвленіе Александра было началомъ продолжительныхъ безпорядковъ, угрожавшихъ государству гибелью. *Дѣло въ томъ, что, какъ показывали событія при Северахъ, обаяніе Рима было подорвано. Романизация распространилась широко, но поверхностно. Идея единства ослабѣла, а провинціальныя особеннoсти и стремленія выдвинулись впередъ.* Каждая провинція и каждая провинціальная армія провозглашали своего императора. Общимъ послѣдствіемъ была ужасная смута, во время кото-

рой враги—персы, готы, аллеманы—врывались въ имперію, побивали римскія войска, грабили внутреннія провинціи. Среди многочисленныхъ „императоровъ“, смѣнявшихся, враждовавшихъ другъ съ другомъ и погибавшихъ отъ руки солдатъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ, были настоящіе варвары, напримеръ, германецъ Максиминъ, арабъ Филиппъ, пальмирскій царь Оденатъ. Въ 260 году случилось неслыханное происшествіе: Сассанидъ Шапуръ разбилъ большое римское войско и взялъ въ плѣнъ императора Валеріана. Послѣ этого имперія совершенно распалась, и почти каждая провинція дѣйствовала на свой страхъ, не обращая вниманія на сосѣднія области. Эту смутную эпоху называли временемъ тридцати тиранновъ по многочисленности такъ называемыхъ императоровъ, которые появились во всѣхъ мѣстахъ вокругъ Средиземнаго моря. Еще разъ, однако, восторжествовала идея единства: римскій міръ сдѣлалъ великое усиліе, чтобы отстоять свое существованіе. Императору Клавдію удалось нанести пораженіе готамъ, разорявшимъ Балканскій полуостровъ и Малую Азію. *Великій воинъ, Аврелианъ, возстановилъ единую имперію* послѣ ряда побѣдъ надъ варварами и соперниками (270 г.). Онъ отвелъ римскіе гарнизоны изъ Дакии за Дунай, чтобы облегчить оборону границы, но далъ снова почувствовать германцамъ всю силу римскаго оружія, очистилъ имперію отъ самозванцевъ и началъ дѣйствія противъ восточныхъ непріятелей покореніемъ Пальмиры, лежавшей въ пустынѣ между Сиріей и Месопотаміей. Въ виду вторженій и усобицъ онъ обнесъ Римъ стѣною, которая могла выдержать долгую осаду. Но своеволие солдатъ не пощадило даже этого образцоваго полководца—его убили во время приготовленій къ походу на персовъ (275 г.) Послѣ нѣкоторыхъ замѣшательствъ, императоромъ сдѣлался Пробъ, который оставилъ внутреннее управленіе въ рукахъ сената, а самъ ограничился начальствомъ надъ войсками. Онъ первый сталъ примѣнять на границахъ мѣру, имѣвшую большое вліяніе на дальнѣйшую судьбу имперіи—именно началъ селить германцевъ цѣлыми племенами на римской территории, обязывая ихъ защищать пограничные округа отъ нашествія другихъ варваровъ. Мѣра была рискованная, но необходимая, потому что сила имперіи не хватало для борьбы съ напиравшими все сильнѣе непріятелями. Такимъ образомъ, власть Рима еще расширилась и охватила часть германцевъ;

280.

270.

275.

но въ то же время римская культура опускалась все ниже, римское гражданство и войско все больше проникалось чуждыми элементами. Въ арміи это выразилось ясно въ измѣненіи ея состава: сначала получили преобладаніе провинціалы, а затѣмъ императоры стали призывать въ ея ряды варваровъ.

Потребность
въ реформѣ.

Повсюду чувствовалась потребность въ обширной реформѣ. Отдѣльные люди, даже такіе, какъ Авреліанъ, не могли достигнуть прочнаго улучшенія. Всего яснѣе была необходимость *укрѣпить правительственную власть*. Изъ смуть республики она вышла въ формѣ могущественнаго, но шаткаго единовластія. Идея принципата, представительство народа однимъ лицомъ — императоромъ на практикѣ привела къ тому, что солдаты играли высшею властію. Но были и другія затрудненія, менѣе замѣтныя, но не менѣе опасныя. Еще въ хорошее время имперіи *стала замѣчаться среди образованныхъ людей упадокъ политическаго духа, какая-то усталость и отвращеніе къ государственной жизни*. Для того, чтобы получить годныхъ солдатъ, приходилось обращаться уже не къ исконному населенію Италіи и Греціи, а къ полудикимъ племенамъ. Интересъ и энергія, съ которыми граждане принимали участіе въ дѣлахъ своего города, исчезалъ; правительство принуждено было во все вмѣшиваться, всѣмъ руководить, всякому приказывать. Служители правительства, многочисленные чиновники и юристы, занимались своимъ дѣломъ со рвеніемъ и знаніемъ, но *все чаще становились жалабы, что они отчуждаются отъ населенія и его жизни, притѣсняють его и злоупотребляютъ властью*. Быстрый подъемъ благосостоянія, наступившій вслѣдствіе замиренія Средиземнаго моря, пріостановился, когда начались смуты и почувствовалось возраставшее давленіе варваровъ. Древній міръ переживалъ *хозяйственный переворотъ: ввозъ рабовъ прекратился вмѣстѣ съ завоеваніями, рабское населеніе въ имперіи вымирало вслѣдствіе своего тяжелаго положенія или переходило въ число вольноотпущенниковъ*. Государство принуждено было считаться съ измѣняющимся положеніемъ, и Адрианъ сдѣлалъ первую попытку охранить рабовъ отъ произвола господина: онъ запретилъ убивать ихъ безъ суда. *Вмѣстѣ съ тѣмъ, крупные помѣщики принуждены были переходить отъ обработки полей отрядами рабовъ къ сдачѣ участковъ въ мелкую аренду¹⁾; оброчный крестьянинъ становился на мѣсто раба.*

¹⁾ Наемъ земли.

Въ духовномъ отношеніи происходило измѣненіе не мѣтѣе глубокое. Наивная вѣра въ мѣстныхъ боговъ, покровителей римскаго очага, римскихъ холмовъ, римской вѣрности и удачи, была подорвана простымъ распространеніемъ кругозора съ Рима на міръ, знакомствомъ съ многообразными проявленіями религіи у различныхъ племенъ. Неотразимо являлась потребность въ болѣе широкомъ и безусловномъ поклоненіи божеству, и взоры всѣхъ обращались на Востокъ, гдѣ богопочитаніе издавна имѣло захватывающій, величественный характеръ. Всѣхъ боговъ Востока испытывали на Западѣ—и сирийскую Великую Мать или египетскую Изиду, какъ выраженіе вѣчно юной кормилицы природы, которая переживаетъ смерть всѣхъ существъ и никогда не устаётъ производить на свѣтъ новыя существа, и семитскаго Ваала, грознаго повелителя вселенной, и иранскаго Митру, спутника Ормузда въ борьбѣ за правду. Наконецъ возсіялъ труждающимся и обремененнымъ свѣтъ Христовъ, и новая религія безъ шума раздилась по міру, начиная отъ Іерусалима и еврейскаго „разсѣванія“, черезъ эллинистическій Востокъ и романизованный Западъ и до самихъ варваровъ, осаждавшихъ имперію. *Христіанство окончательно разрушало древнее государство, потому что отнимало у него языческую основу, — подрывало тождество между гражданской и религіозной общиной.*

Сократа казнили въ Афинахъ, потому что онъ распространялъ новыя ученія о богахъ и тѣмъ вредилъ самому городу: *Римъ долженъ былъ возстать противъ христіанства, потому что оно учило повиноваться властямъ, но Кесарево не считало Божіимъ.* А между тѣмъ—поклоненіе государству, его представителю—императору и его официальнымъ покровителямъ—богамъ было въ Римѣ догматомъ гражданского и религіознаго общежитія. Съ точки зрѣнія убѣжденных римскихъ патриотовъ, христіане, отвергавшіе такое стождествленіе, были враги Рима и, слѣдовательно, враги рода человѣческаго. Здѣсь кроется причина гоненій на христіанъ. Уже Неронъ мучилъ ихъ послѣ римскаго пожара. При Домиціанѣ началось систематическое преслѣдованіе. При Маркѣ Авреліи, губернаторы и языческое население погубили немало исповѣдниковъ, и самъ императоръ одобрялъ преслѣдованіе: онъ отстаивалъ языческой Римъ отъ всѣхъ нападеній—какъ отъ силы варваровъ, такъ и отъ проповѣди хри-

Христіанство и
гоненія.

стіанъ. Александръ Северъ и Филиппъ Арабъ первые испробовали политику терпимости. Но при императорѣ Декіи, пытавшемся вывести государство изъ смуты, преслѣдованіе возобновилось съ великой силой: христіанъ бросали на растерзаніе дикимъ звѣрямъ въ циркѣ и подвергали другимъ казнямъ. Валеріанъ также преслѣдовалъ новое ученіе. Но всѣ эти нападенія не могли уничтожить брошеннаго въ хлѣбородную почву зерна: рядомъ съ городами возникали подземныя убѣжища новой вѣры, *катакомбы*, въ которыхъ хоронили мучениковъ, совершали богослуженіе, собирались для поученія и молитвы. *Рядомъ съ имперіей возникала церковь, которая не возбуждала мятежа и не учила сопротивленію, но мало-помалу отвлекала къ себѣ живыя силы общества, давала ему вѣру и идеалы, между тѣмъ какъ за имперіей оставалось принужденіе и военная сила.*

Глава IX.

РАСПАДЕНІЕ ИМПЕРІИ.

Диоклетіанъ.

Необходимыя для имперіи реформы были начаты однимъ изъ преемниковъ Прсба, Диоклетіаномъ. Онъ былъ иллиріецъ родомъ и возвысился изъ самаго ничтожнаго положенія—изъ вольноотпущенныхъ. Въ 284 году онъ сдѣлался императоромъ и тотчасъ принялъ мѣры къ укрѣпленію государственной власти. Для того, чтобы избѣжать вліянія солдатъ и сената, онъ старался искоренить убѣжденіе, что имперія есть должность, *магистратура*; онъ стремился придать ей характеръ *самодержавія* и поставить ее на недосыгаемую высоту восточныхъ монархій. Онъ окружилъ себя азіатскимъ придворнымъ церемоналомъ, сталъ носить вѣнецъ, требовалъ, чтобы передъ нимъ становились на колѣни. Сенатъ окончательно потерялъ свое значеніе. Но въ то же время Диоклетіанъ чувствовалъ, что одному человѣку дѣйствительно трудно поддержать эту громадную власть въ предѣлахъ всей имперіи: чтобы избѣжать розни между областями, усобицъ между арміями, возстаній главныхъ полководцевъ, онъ отказался отъ единства власти и раздѣлилъ имперію между четырьмя правителями, выбравъ себѣ трехъ товарищей изъ наиболее заслуженныхъ полководцевъ того вре-

август { Диоклетиан
Максимиан
Тессарий
Констанцій
Хлоръ
Цезарь

мени. Себѣ онъ оставилъ Грецію, Иллирію и Египеть, съ титуломъ Августа, а ближайшему своему другу, Максимиану, передалъ Италію и Африку, съ тѣмъ же самымъ титуломъ. Галерій, съ названіемъ Цезаря, получилъ Азію; другой Цезарь, Констанцій Хлоръ, — Галлію, Британнію и Испанію. Цезари были до нѣкоторой степени подчинены Августамъ. Благодаря этому раздѣленію, каждый изъ правителей получилъ возможность энергично заняться своими ближайшими задачами, хотя всѣ четверо оказывали другъ другу помощь и уговаривались относительно общихъ постановленій. Этотъ довольно сложный порядокъ успѣшно дѣйствовалъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Удалось умиротворить имперію, справиться съ возстаніями въ Галліи, Египтѣ, Африканской провинціи, разбить аллемановъ, вновь завоевать Британнію, наконецъ, — нанести чувствительное пораженіе персамъ.

Труднѣе было исправить недостатки общественной жизни. *Диоклетианъ, его товарищи и преемники не нашли иныхъ средствъ, кромѣ подчиненія всѣхъ строюму принужденію и какъ бы военной дисциплинѣ.* Подати, въ виду неотложныхъ военныхъ потребностей, были доведены до крайняго предѣла, и правительство постоянно слѣдило, чтобы всѣ имуществва были обложены, чтобы не было утайки и уклоненій. Частная жизнь людей и ихъ занятія были поставлены подъ строгій контроль. Бушцы торговали по приказанію и подъ надзоромъ чиновниковъ и не имѣли права закрыть торговлю или перемѣнить ее безъ особаго разрѣшенія; зажиточные домовладѣльцы и землевладѣльцы были прикрѣплены къ городамъ подъ именемъ *куріаловъ*, чтобы отбывать, какъ повинность, обязанности по городскому управленію и сбору податей; мелкіе арендаторы и рабы, занимавшіеся обработкой полей, были прикрѣплены къ участкамъ, такъ что владѣльцы имѣній были обезпечены рабочими, но, съ другой стороны, послѣдніе потеряли возможность по желанію измѣнять хозяйство на своихъ земляхъ и пользоваться земледѣльческими рабами, какъ простыми орудіями. Такъ возникло сословіе *колоновъ*, крѣпостныхъ крестьянъ, которые платили оброки и производили барщинныя работы на помѣщиковъ, но пользовались неотъемлемо своими участками. Усиленіе надзора за обществомъ потребовало увеличенія числа чиновниковъ и расширенія ихъ власти. Въ помощь имъ, часть полицейскихъ обязанностей была передана крупнымъ помѣ-

щикамъ Военное командованіе было при этомъ отдѣлено отъ гражданскаго управленія и суда. *Населеніе утратило интересъ и сочувствіе къ жизни государства и стало смотрѣть на него, какъ на враждебную силу, производящую поборы и вымогательства, хотя классъ рабовъ несомнѣнно вымиралъ отъ правительственной жмущаго гнета.*

Имперія и
церковь.

Всего неудачнѣе была политика Діоклетіана относительно христіанъ. Онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ иновѣрцевъ, отказывавшихъ въ поклоненіи государственнымъ богамъ. Жрецы объясняли политическія неудачи и опасности присутствіемъ среди общества такихъ враждебныхъ господствовавшей религіи элементовъ, указывали особенно на то, что христіане не присоединялись къ почитанію генія императора (numen imperatoris). Діоклетіанъ и его соправители издали указъ о томъ, чтобы христіанскія церкви, которыхъ появилось уже не мало, были разрушены, епископы и священники заточены, а всѣмъ подозрѣваемымъ въ христіанствѣ предложено принести жертву передъ алтарями боговъ. Въ случаѣ отказа, всѣмъ грозила тюрьма и ссылка. При исполненіи указовъ гонители шли гораздо дальше и подвергали исповѣдниковъ пыткамъ и смертной казни; особенно усердствовалъ Галерій. Напротивъ, Констанцій Хлоръ уклонялся отъ строгаго исполненія указа. *Гоненіе Діоклетіана, какъ и предшествовавшія, имѣло единственныя послѣдствія: очищеніе христіанской общины отъ неподлыхъ примѣсей: люди шаткаго убѣжденія и слабого характера лицемерили и отставали; истинно вѣрующіе вспоминали страданія Учителя и тѣснѣе смыкались вокругъ крестнаго символа, противъ котораго обращалась ярость языческаго міра. Духовное блаженство исповѣдниковъ среди поруганія и мученій привлекало лучшихъ людей изъ язычниковъ, которые на своей сторонѣ видѣли власть, почетъ, удовольствія—все, кромѣ внутренняго удовлетворенія. Вступая въ борьбу съ непобѣдимой силой христіанскаго идеала, имперія только подкапывала сама себя. Для того, чтобы ея реформы привели къ какимъ—нибудь послѣдствіямъ, необходимо было примириться съ христіанствомъ и опереться на него.* Это было сдѣлано сыномъ Констанція Хлора, Константиномъ, который своимъ подвигомъ заслужилъ названіе Великаго и оказалъ на судьбу міра не меньшее вліяніе, чѣмъ Александръ и Цезарь.

Диоклетіанъ отрекся отъ имперіи еще при жизни (305 г.). 305. Константинъ Великій.
Несмотря на блестящіе вѣдшіе успѣхи, онъ чувствовалъ себя усталымъ и неудовлетвореннымъ. вмѣстѣ съ нимъ отрекся Максиміанъ.

Констанцій Хлоръ вскорѣ умеръ. Правителями остались Галерій и Лициній на Востокѣ, сынъ Максиміана—Максенцій и сынъ Констанція—Константинъ, на Западѣ. Старикъ Максиміанъ, правда, пытался вновь захватить власть, но потерпѣлъ неудачу и въ Римѣ, и въ Галліи. Точно также неудачно было нападеніе на Римъ Галерія, который хотѣлъ распространить свою власть на Западѣ. Вскорѣ послѣ отступленія изъ Италіи онъ умеръ. Но и между оставшимися правителями не было согласія, и неудобство устройства, введеннаго Диоклетіаномъ, сказывалось ясно. Согласіе между четырьмя государями удавалось установить только въ видѣ исключенія, обыкновенно же каждый преслѣдовалъ только свои интересы и стремился подчинить товарищей.

Всемирно-историческая важность борьбы, возгорѣвшейся между Константиномъ и остальными императорами, заключалась въ томъ, что онъ пустилъ противъ нихъ въ ходъ совершенно новое оружіе—христіанство. До тѣхъ поръ христіане, хотя и представляли великую силу въ государствѣ, но не вмѣшивались въ политику и не пытались улучшить свое положеніе заговорами или междоусобной войной. Константинъ отъ отца и матери унаслѣдовалъ сочувствіе къ христіанскому ученію. Но онъ первый изъ императоровъ имѣлъ смѣлость открыто разорвать съ языческимъ освященіемъ власти, отказаться отъ ауспичій и разрѣшить воинамъ-христіанамъ изобразить на своихъ щитахъ первыя буквы имени Христова. Наконецъ, онъ самъ выставилъ крестъ на своемъ знамени (labarum). Это былъ шагъ рѣшительный, повлекшій за собой необыкновенно важныя послѣдствія. Армія Константина сдѣлалась средоточіемъ новаго ученія, и ея военная сила возросла отъ присутствія въ ней религіознаго одушевленія. Побѣда надъ Максенціемъ повела къ взятію Рима, и современники видѣли въ этомъ побѣду Христа надъ Юпитеромъ Капитолійскимъ. Въ 312 году Константинъ и Лициній вмѣстѣ издали миланскій эдиктъ ¹⁾, которымъ всякому въ имперіи разрѣшалось слѣдовать своему религіозному убѣжденію. Съ христіанъ снимались всѣ принужденія и кары, которымъ они подвергались

Галерій
Лициній
Максенцій
Констанцій

312.

¹⁾ Указъ.

до тѣхъ поръ. Христіанство еще не было провозглашено государственной религіей, но, по крайней мѣрѣ, было уравнено въ правахъ съ язычествомъ. Противъ этого переворота возсталъ продолжатель политики Галерія, Цезарь Азія, Максиминъ Даза. Сражавшіяся противъ него войска Лицинія молились передъ битвой Единому Богу, правителю міра. Въ этой молитвѣ могли соединиться христіане и просвѣщенные язычники, которые утратили вѣру въ челоуѣкообразныхъ боговъ Олимпа и Капитолія. Къ послѣднимъ принадлежалъ и побѣдитель Максимина—Лициній. Онъ остался государемъ Востока, между тѣмъ какъ Константинъ сдѣлался государемъ Запада. Они пытались установить между собою согласіе, и для этого Лициній женился на сестрѣ Константина. Но разница между ними была слишкомъ велика: *одинъ все болѣе склонялся къ исключительному предпочтенію христіанства, другой оставался на точкѣ зрѣнія нейтральности* ¹⁾ и равнодушія. Въ пограничныхъ спорахъ и столкновеніяхъ честолюбія также не было недостатка, и въ концѣ концовъ между Константиномъ и Лициніемъ рѣшилъ мечъ: побѣда осталась за Константиномъ. вмѣстѣ съ тѣмъ было возстановлено отмѣненное Діоклетіаномъ единовластіе.

Перешла сто-
лицы.

Константинъ былъ созданъ для него. Простой, обходительный и милостивый, какъ челоуѣкъ, онъ былъ неумолимъ въ дѣлахъ, касавшихся его государственнаго достоинства. Не только тестя Максиміана или брата жены Максенція онъ казнилъ, потому что этого требовала политика, но даже сына Криспа велѣлъ убить за попытку захватить власть. Рѣшенія свои Константинъ подготавливалъ издали и приводилъ въ исполненіе, не смущаясь противорѣчіями. Исторія показала, что онъ обладалъ глубокимъ пониманіемъ міровыхъ отношеній. Послѣ побѣды надъ Лициніемъ онъ не вернулся на Западъ, хотя тамъ собралъ силы для своихъ успѣховъ; онъ сознавалъ необходимость по двумъ причинамъ удалиться отъ Рима: *въ Римѣ были слишкомъ сильны преданія республики и принципата*, чтобы утвердить въ немъ, какъ слѣдуетъ, новую самодержавную имперію. Поэтому уже Діоклетіанъ ушелъ изъ Рима и надѣлъ вѣнецъ въ Сирміумѣ въ Иллиріи. Для Кон-

¹⁾ Нейтральнымъ называется тотъ, кто не примыкаетъ ни къ той, ни къ другой изъ спорящихъ сторонъ.

стантина присоединялось еще второе соображеніе. *Онъ слишкомъ рѣзко разорвалъ съ капитолійскими богами, чтобы чувствовать себя хорошо вблизи Капитолія.* Своей столицей онъ сдѣлалъ Византію, которая вслѣдствіе господства надъ Босфоромъ давно уже считалась важнымъ городомъ. *Въ Византіи Константинъ находился въ соприкосновеніи съ греческой образованностью, съ богатымъ азіатскимъ міромъ, съ Иллиріей и Фракіей, которыя поставляли имперіи лучшихъ солдатъ.* Для наблюденія за движеніями варваровъ въ сѣверной Европѣ пунктъ этотъ также казался выбраннымъ удачно, и Константинъ лично нанесъ оттуда страшныя пораженія готамъ и сарматамъ. Въ 330 году была торжественно освящена новая столица, Константинополь.

330.

Въ гражданскомъ управленіи Константинъ продолжалъ политику Діоклетіана, но, вслѣдствіе перехода его на сторону христіанъ, предстояла важная задача устроить отношенія государства къ церкви. *Константинъ не могъ думать объ искорененіи язычества, но онъ отдавалъ открытое предпочтеніе христіанамъ въ назначеніи на должности и запрещалъ чиновникамъ изъ язычниковъ совершать жертвы богамъ отъ лица государства.* Культы, съ которыми были связаны оргіи и распутство, были запрещены, и посвященные имъ храмы закрыты. Конфискованныя у христіанъ имѣнія были возвращены, и государство стало заботиться о построеніи и украшеніи церквей. Нечего и говорить, что іерархія ¹⁾ епископовъ и священниковъ, установившіеся обычаи ихъ избранія, ихъ власть въ церковныхъ дѣлахъ были признаны государствомъ. *Вслѣдствіе этого, единство церкви получило вышнее утвержденіе.* Имперія не относилась безучастно и къ спорамъ, возникавшимъ въ самой церкви. *Константинъ призналъ единую всушественную корпорацию и старался о поддержаніи въ ней согласія.* Онъ не вмѣшивался въ подробности богословскихъ споровъ, но этой объединительной политикой сильно повліялъ на установленіе вѣроученія. Въ трудныхъ случаяхъ онъ собиралъ епископовъ и учителей церкви на соборы. Такимъ образомъ, въ 325 году былъ созванъ первый вселенскій соборъ въ Никее, осудившій ересь Арія ²⁾. Императоръ самъ открылъ его

Церковныя ре-
формы.

325.

¹⁾ Порядокъ должностей.

²⁾ Ересь эта обращалась противъ догмата Троичности, такъ какъ Арій отрицалъ Единосущность Иисуса Христа Отцу.

рѣчью и всячески убѣждалъ собравшихся сговориться и установить обязательное для всей церкви рѣшеніе. Какъ покровитель церкви и блюститель ея единства, Константинъ любилъ называть себя общимъ епископомъ. Противъ осужденныхъ церковью еретиковъ онъ пускалъ въ ходъ свѣтскую силу, конфисковалъ ихъ имущество, отправлялъ ихъ въ ссылку.

337. Констанцій
и Юліанъ.

Въ 337 году Константинъ умеръ, оставивъ трехъ сыновей, которые управляли имперіей не безъ раздоровъ. Средній, Констанцій, пережилъ двухъ другихъ. Онъ еще ревностнѣе, чѣмъ отецъ, дѣйствовалъ противъ язычниковъ, но зато *церковь много потерпѣла отъ его вмѣшательства въ религіозныя споры.* Онъ принялъ сторону Арія, жестоко преслѣдовалъ православныхъ и, въ особенности—главнаго поборника никейскаго символа, святаго Аѳанасія Александрійскаго. Послѣ него вступилъ на престолъ его двоюродный братъ Юліанъ, при которомъ церкви пришлось выдержать еще болѣе тяжкое испытаніе. Юліанъ выдвинулся еще при Констанціи побѣдами надъ вторгавшимися въ Галлію аллеманами. Онъ былъ патріотъ и образованный человекъ, по симпатіямъ болѣе грекъ, чѣмъ римлянинъ. Постоянныя занятія философіей и риторикой (ученіемъ о краснорѣчій) внушили ему глубокое уваженіе къ древней культурѣ. На христіанство онъ смотрѣлъ, какъ на чуждую силу, преобладаніе которой вело древній міръ къ гибели. Во время своего короткаго царствованія (всего 1½ года) Юліанъ сдѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы разрушить дѣло Константина: онъ возвратилъ язычеству его официальное значеніе, возстановилъ храмы боговъ, старался вытѣснить христіанъ изъ должностей и преподаванія. Но Юліанъ сознавалъ, что нельзя просто вернуться безъ измѣненій къ порядку діоклетіановской эпохи; вліяніе христіанства сказалось даже въ дѣйствіяхъ этого противника новой религіи. *Оно выразилось попыткой примѣнить къ язычеству рядъ требованій, которая прежде къ нему не предъявлялись.* Въ противоположность христіанскому богословію, была выдвинута догматика язычества, составленная при помощи философій такъ называемыхъ нео-платониковъ. Въ этой философій творцомъ міра являлся единый высшій богъ, а всѣ остальные божества представлялись отдѣлившимися отъ него и зависимыми духами; въ виду строгихъ нравственныхъ требованій христіанства, выработано было языческое нравственное ученіе, также требо-

вавшее побѣды надъ чувственностью. Наконецъ, Юліанъ сдѣлалъ попытку устроить іерархію жрецовъ, распредѣлить ихъ по областямъ, подчинить другъ другу по образцу епископовъ и священниковъ. Но было, во всякомъ случаѣ, уже поздно для такихъ реформъ, не говоря о томъ, что въ нихъ чувствовалась искусственность, устройство по заказу. Юліанъ погибъ на берегахъ Тигра въ неудачномъ походѣ противъ персовъ (363), и вся его политика возстановленія язычества обрушилась вмѣстѣ съ нимъ.

363.

Съ Юліаномъ прекратилась династія Констанція Хлора. Войска выбрали сначала Ювіана, а послѣ его смерти Валентиніана I. Первымъ дѣломъ новаго императора было назначить себя товарища по управленію. Онъ остановился на своемъ братѣ Валентѣ и передалъ ему восточныя области. Такимъ образомъ, идея раздѣленія имперіи была вновь осуществлена, и на этотъ разъ въ такой формѣ, которая отвѣчала основнымъ условіямъ исторической жизни и оказала вліяніе на все послѣдующее развитіе: *кругъ областей, расположенныхъ около Средиземнаго моря и объединенныхъ римской имперіей, естественно распадался на двѣ половины: Западъ былъ романизованъ—въ немъ преобладали латинскій языкъ и культура, пошедшая отъ Рима; Востокъ оставался эллинистическимъ.* Хотя онъ былъ подчиненъ римскому управленію, но переродившіеся греческій языкъ и образованность были въ немъ все-таки со времени Александра Македонскаго главною культурною силою. Раздѣленіе на Западную и Восточную имперію опиралось, поэтому, не на случайный капризъ, а на глубокое историческое различіе. Въ важнѣйшемъ вопросѣ того времени — въ церковныхъ дѣлахъ—Валентиніанъ держался неопредѣленно, устранился отъ догматическихъ споровъ и не принималъ рѣшительно стороны ни аріанъ, ни православныхъ, хотя самъ исповѣдывалъ никейскій символъ. Валентъ, напротивъ, склонялся къ аріанству.

Валентиніанъ I
и Валентъ.

Главное вниманіе императоровъ было обращено на борьбу съ варварами, которая со дня на день становилась тяжеле. Отчасти для болѣе успѣшнаго ея веденія, а отчасти вслѣдствіе недовѣрія ко все еще полуязыческому и своевольному Риму, Валентиніанъ перенесъ столицу въ Миланъ. Его борьба съ франками, бургундами, алеманнами была въ общемъ успѣшна, причемъ особенно въ ней отличился одинъ

Гунны и Готы.

Турини

375.

испанецъ—Θеодосій. На востокѣ главными врагами были готы. Валентъ защищалъ противъ нихъ дунайскую границу до 375 года. Въ этомъ году онъ принужденъ былъ принять на римскую сторону цѣлое племя такъ называемыхъ вестготовъ, которые были вытѣснены изъ мѣстъ своего поселенія великимъ передвиженіемъ народовъ. Туравское племя гуяновъ двигалось изъ Азіи по южно-русскимъ степямъ, осиливая всѣ встрѣчныя народности. Къ нему волею и неволею примкнули массы аланъ, родственныхъ иранцамъ, сарматовъ, готовъ. Вестготы бѣжали передъ нашествіемъ и бросились къ римскимъ владѣніямъ. Валентъ принялъ ихъ, слѣдуя политикѣ, которую императоры примѣняли въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ со времени Проба, когда не только вербовали воинственныхъ варваровъ для арміи, но и селили ихъ вдоль границъ цѣлыми племенами. *На этотъ разъ допущеніе готовъ привело къ великому бѣдствію:* раздраженные несправедливостями римскихъ чиновниковъ варвары возстали и при Адриано-полѣ изрубили римское войско вмѣстѣ съ самимъ императоромъ (378 г.).

378.

Балканскій полуостровъ подвергся страшному разграбленію, но Константинополя готы не сумѣли взять и прибывшій на выручку Θеодосій разъединилъ и усмирилъ ихъ. Онъ сдѣлался восточнымъ императоромъ, а родственникъ Валентиніана и Валента—Граціанъ—западнымъ. Кроме того, былъ провозглашенъ сынъ Валентиніана I, малолѣтній Валентиніанъ II.

Θеодосій Вели-
ній.

Главнымъ образомъ благодаря энергіи и ловкости Θеодосія въ послѣднія десятилѣтія IV вѣка, имперія успѣшно держалась противъ варваровъ—надо прибавить, что держалась при ихъ же собственной помощи, такъ какъ безъ вербованія франковъ, готовъ, вандаловъ на римскую службу обойтись было нельзя. Наибольшая опасность грозила отъ самозванцевъ, изъ которыхъ двое, Максимъ и Евгеній, чуть не овладѣли всѣмъ Западомъ. Но Θеодосій восторжествовалъ и надъ этими усобицами, и своей побѣдой онъ былъ въ значительной степени обязанъ поддержкѣ, оказанной ему церковью. Между нимъ и православіемъ установился самый тѣсный союзъ, а съ язычествомъ онъ разорвалъ окончательно.

Турини
395

Оно было особенно сильно въ Римѣ. Но еще по приказанію Граціана статуя Побѣды, вылитая изъ золота, захваченнаго при взятіи Тарента, была вынесена изъ залы сенатскихъ

засѣданій. Это глубоко огорчило язычниковъ; они видѣли въ этомъ предназначеніе погибели Рима и всячески добивались ея возвращенія. Самозванецъ Евгеній, дѣйствительно, велѣлъ поставить ее на старое мѣсто и возстановить языческіе культы. Но они прoderжались всего 3 мѣсяца и были низвергнуты Θεодосіемъ.

Θеодосій сталъ также рѣшительно на сторону Никейскаго символа и всѣми мѣрами, находившимися въ его распоряженіи, способствовалъ укрѣпленію православной іерархіи. Тотчасъ по вступленіи на престолъ и онъ, и Граціанъ начали преслѣдовать еретиковъ. При этомъ пришлось преодолевать значительное сопротивленіе даже въ придворныхъ кругахъ. Валентиніанъ II и его мать склонялись къ арианству; на Востоцкѣ, и особенно въ Константинополѣ, ариане имѣли преобладаніе. Θεодосій не скупился на мѣры принужденія—зачоленіе епископовъ, конфискація имущества, лишеніе гражданскихъ правъ играли видную роль. *Но паденіе ереси обусловливалось также духовной побѣдой православія.* Главнымъ поборникомъ его былъ миланскій епископъ Амвросій, который ставилъ выше всего значеніе церкви и, при случаѣ, неустрашимо отстаивалъ его даже отъ свѣтской власти. Онъ побѣдоносно отразилъ посягательства Валентиніана II и его матери. Самъ Θεодосій призналъ его пастырскій авторитетъ. Это случилось послѣ страшной рѣзни въ Салоникахъ: народъ убилъ тамъ одного изъ полководцевъ императора; послѣдній собралъ населеніе въ циркъ и велѣлъ солдатамъ рубить безъ суда и разбора. Послѣ этой кровавой расправы Амвросій отказалъ Θεодосію въ причащеніи, и императоръ покаялся въ своемъ преступленіи.

Вообще, при Θεодосіи церковь окончательно заняла общественную роль церкви. *Несмотря на реформы Діоклетіана и его преемниковъ, гражданскій строй имперіи становился все меньше и меньше удовлетворительнымъ.* Чиновничество росло числомъ и могуществомъ, но все далѣе отдѣлялось отъ народа и въ своей обособленности, среди поражений и смуть, теряло идеальное пониманіе своего служенія, впадало въ узкій формализмъ, казнокрадство, взяточничество, утѣсненіе подданныхъ. Послѣднимъ государствомъ представлялось какой-то страшной машиной для вымоганія крови и денегъ. Населеніе культурнаго міра отъ своего усовершенствованнаго государства начинало убѣгать къ вар-

варамъ. Уже Валентиніанъ I и Валентъ учредили выборную должность „защитниковъ“ (*defensores*), которые должны были охранять провинціаловъ отъ вымогательствъ императорскихъ чиновниковъ. Но недостаточно было создать должность на бумагѣ — надо было придать ей дѣйствительную силу. А единственной силой, которая въ состояніи была обуздать притѣснителей, охранить слабыхъ, выступить съ нравственными требованиями и высокими идеалами противъ развращеннаго себялюбія — была церковь. И она въ самомъ широкомъ смыслѣ слова воспользовалась своимъ могуществомъ на общее благо: въ виду суровости и пристрастія судей она стала защищать отъ произвольнаго задержанія тѣхъ, кто бѣжалъ въ храмъ, а послѣ явки на судъ обращалась къ властямъ съ просьбами о помилованіи и снисхожденіи; благотворительность, помощь нищимъ, больнымъ, безпріютнымъ, всецѣло почти перешла въ ея руки; относительно рабовъ и полусвободныхъ она послѣдовательно проводила взглядъ, что они такіе же люди, какъ и другіе, и потому должны пользоваться охраной законовъ; въ имѣніяхъ, принадлежащихъ церквамъ, положеніе рабочаго люда было болѣе выносимое и обеспеченное, чѣмъ на земляхъ частныхъ лицъ; наконецъ, епископы сдѣлались главными дѣятелями въ городскихъ общинахъ, потому что только они могли дѣйствительно оказывать нуждающимся покровительство. Рядомъ съ администраціей имперіи возникла, такимъ образомъ, церковная администрація, которая совсѣмъ не ограничивалась своими ближайшими обязанностями по дѣламъ духовенства, а распространяла свои дѣйствія на весь вопросъ суда и управленія. И эта церковная администрація находилась въ живой связи съ народомъ, входила въ его нужды и выражала его стремленія.

Паденіе запад-
ной римской
имперіи.
395.

Феодосій пережилъ обоихъ своихъ товарищей и въ послѣдніе два года жизни снова соединилъ подъ своей властью всю имперію. Но послѣ его смерти, въ 395 году, раздѣленіе на восточную и западную половины было восстановлено. Востокъ получилъ старшій сынъ Феодосія, Аркадій, Западъ — младшій, Гонорій. Съ ихъ царствованія открывается рядъ нападений варваровъ, которые продолжаются въ теченіе всего пятаго вѣка и оканчиваются уничтоженіемъ Западной имперіи. Наиболѣе знамениты вторженія вестготскаго вождя, Алариха, который въ 410 году взялъ и разграбилъ Римъ, и короля ванда-

ловъ, Гензериха, который также разграбилъ „вѣчный городъ“ въ 430 году, а затѣмъ переправился со своимъ племенемъ въ Африку. Въ началѣ пятидесятихъ годовъ гунны, подъ предводительствомъ Атиллы, такъ опустошили Галлію и Италію, что прежнія нападенія германцевъ стали казаться ничтожными, а Атилла заслужилъ прозваніе „бича Божія“. Въ 451 году полководцу императора Валентиніана III, Аэцію, удалось разбить гунновъ на Каталаунскихъ поляхъ (теперь Шалонъ на Марнѣ). Но это не помѣшало Атиллѣ вторгнуться въ Италію и взять Аквилею, главный оплотъ римлянъ на сѣверо-востокѣ полуострова. Онъ пошелъ и на Римъ, но, по преданію, отказался отъ своего намѣренія вслѣдствіе увѣщаній римскаго епископа Льва Великаго. Восточная имперія меньше страдала отъ нашествій, хотя ей пришлось принять въ свои предѣлы племя остготовъ. *Зато Западъ былъ совершенно разстроенъ:* титулъ императора еще сохранялся нѣкоторое время, но имъ распоряжались вожди германскихъ дружинъ, составлявшихъ лучшую часть такъ называемаго римскаго войска; едва замѣтнымъ событіемъ было сверженіе въ Равеннѣ одного изъ безвластныхъ императоровъ, Ромула Августула, предводителемъ геруловъ, Одоакромъ. 476 годъ, когда этотъ германецъ принялъ титулъ короля Италіи, приходится, однако, считать годомъ, когда прекратила свое существованіе Западная римская имперія. *Порвалась послѣдняя нить, закрѣплявшая юсподство Рима надъ міромъ.* Цѣлая половина имперіи еще держалась, но Италія и Западъ, отъ которыхъ пошло римское могущество и съ которыми была связана романская культура, получили вслѣдствіе вторженія германцевъ совершенно новый видъ. Новое теченіе принадлежитъ уже средневѣковой исторіи. Заканчивая исторію древняго міра, слѣдуетъ отмѣтить, что *паденіе западной римской имперіи обуславливалось столько же внутреннимъ вырожденіемъ, сколько напоромъ извнѣ.* Лучшія силы общества, правда, сохранились въ церкви, но она не могла спасти разлагавшагося государства и должна была думать о сохраненіи своей цѣлости и вліянія среди варваровъ. Менѣе задѣтая нашествіемъ Восточная имперія устояла, но и тамъ, чтобы придать жизненность одряхлѣвшему государству, необходимы были глубокія измѣненія.

430.

451.

476.

Глава X.

РИМСКАЯ КУЛЬТУРА.

Римляне и греки. Между двумя классическими народами, греками и римлянами, было глубокое различіе въ духовномъ отношеніи: у римлянъ не было и слѣда изобрѣтательности, богатой фантазій, которая отличала грековъ: они брали послѣдовательностью мысли, практичностью, выдержкой характера. Военный духъ и пренебреженіе ко всему, что не имѣетъ прямой цѣли и пользы, сближало нѣсколько римлянъ съ суровыми, скупыми на слова дорянами, но земледѣльческія занятія и сильное развитіе семейнаго начала придавало римской жизни особый отпечатокъ патріархальной простоты и семейной замкнутости, котораго не имѣла казарменная обстановка Спарты. Къ грекамъ истый римлянинъ всегда относился съ нѣкоторымъ презрѣніемъ за ихъ подвижность, легкомысліе, коварство, болтливость; но безъ грековъ онъ съ очень раннихъ поръ не могъ обойтись и въ своей образованности совершенно подпалъ ихъ вліянію. Уже въ царскій періодъ и въ началѣ республики вліяніе это сказалось принятіемъ греческихъ культовъ и мѣровъ: сами римляне, какъ мы уже видѣли, придали своимъ богамъ отвлеченный характеръ и для оживленія ихъ принуждены были обратиться къ помощи греческихъ сосѣдей въ Южной Италиі; въ храмѣ Цереры, напримѣръ, гдѣ держали свой архивъ и казну плебейскіе эдилы, богослуженіе совершали греческія жрицы. А живое культурное движеніе начинается въ Римѣ, когда была завоевана Великая Греція, и особенно послѣ македонскихъ войнъ и покоренія Балканскаго полуострова.

Греческая образованность у римлянъ. Совершившееся въ это время сближеніе съ греками и азіатами имѣло двоякаго рода вліяніе на римлянъ. Вмѣстѣ съ указанными раньше условіями политической жизни, оно способствовало разложенію старая строя, крушенію наивной простоты въ образѣ жизни, непоколебимой набожности, безкорыстнаго патріотизма, нравственной сдержанности. Въ 186. 186 году сенатъ счелъ необходимымъ открыть строгое преслѣдованіе противъ вакханалій, занесенныхъ въ Римъ греками, потому что эти празднества сдѣлались необузданными, безобразными оргіями. Но ни эти полицейскія мѣры, ни старанія ревнителей старины, въ родѣ цензора Катона, не могли

остановить начавшееся движеніе. Оставалось извлечь изъ него хорошіе плоды въ противовѣсъ дурнымъ, а *хорошей стороною* ея было *распространеніе искусства и знаній*. Ради этого дорожили Греціей такіе люди, какъ Сципіоны, Старшій и Младшій, Фламиній, Эмилиій Павелъ. Ранѣе всего пустила корни у римлянъ *комедія*. Плавтъ и Теренцій писали подъ вліяніемъ позднѣйшей аттической комедіи—ихъ пьесы интересны, какъ картины нравовъ и быта. Самыми живыми типами въ нихъ являлись рабы съ ихъ подобострастіемъ, хитростью, вліяніемъ на господъ. Эти типы имѣли международное значеніе—они играли одинаково важную роль, какъ въ греческомъ, такъ и въ римскомъ обществѣ. Въ послѣднемъ ихъ значеніе даже возросло, потому что они являлись воспитателями молодого поколѣнія, представителями умственной культуры среди грубой римской обстановки.

Другой видъ литературы, также зародившійся въ это время,—*исторія*. Хотя римляне охотнѣе совершали великія дѣла, чѣмъ рассказывали о нихъ, однако любовь къ славѣ и обиліе подвиговъ должны были рано или поздно выдвинуть историческое повѣствованіе. Сначала дѣло ограничивалось восхваленіемъ предковъ въ знатныхъ семьяхъ, перечисленіемъ ихъ должностей, походовъ, побѣдъ. Кромѣ того, рано появились сухія погодныя записи о всякаго рода достопримѣчательныхъ дѣяніяхъ. Сближеніе съ греками вызвало первыя попытки связнаго историческаго разсказа: Фабій Пикторъ, цензоръ Катонъ оставили обширныя сочиненія такого рода. Нельзя умолчать въ данномъ случаѣ и о греческой работѣ Полибія, описавшаго эпоху пуническихъ войнъ. потому что она вызвана обратнымъ вліяніемъ Рима на Грецію. Полибій былъ близко знакомъ съ римскими порядками—онъ былъ уполномоченнымъ ахейскаго союза при римскихъ войскахъ во время второй македонской войны и участвовалъ послѣ нея въ устройствѣ греческихъ отношеній. Его замѣчательное сочиненіе представляетъ *первую попытку передать теченіе всеобщей исторіи въ противоположность исторіямъ національнымъ: побѣда Рима объединяетъ для него исторію Италии, Греции, Азии и Африки,—главныхъ частей образованнаго міра*.

Страшная смута гражданскихъ войнъ естественно задержала культурное развитіе Рима. Греческая образованность проникала все глубже въ римское общество, но способные

люди были слишком поглощены борьбой, чтобы отдавать свое время литературѣ и произвести въ ней что-нибудь значительное. Единственная отрасль, которая сдѣлала въ это время крупные успѣхи—это *краснорѣчіе*, которое рано достигло блестящихъ результатовъ благодаря значенію политическихъ собраній и судебныхъ засѣданій въ жизни римлянъ. Гракхи, Лициній Крассъ Старшій, Гортензій, особенно Цицеронъ, достигли высоты, на которой они могли соперничать даже со знаменитыми греческими ораторами: природныя дарованія, тщательная выучка, постоянная практика, интересъ и вкусъ окружающаго общества—все соединялось въ данномъ случаѣ.

Культурное влі-
яніе имперіи.

Истинная культурная жатва началась во время имперіи, послѣ замиренія. Въ громадной исторической работѣ ¹⁾ *Титъ Ливій поставилъ памятникъ славнымъ воспоминаніямъ республики*. Великіе военные подвиги, упорная борьба партій, черты гражданской доблести, простоты и строгости нравовъ, были переданы имъ съ патриотическимъ жаромъ и краснорѣчіемъ, полнымъ достоинства и блеска. Подобною же патриотическою цѣлью задавалась Энеида Вергилія. Онъ попытался создать для римлянъ такой же эпосъ, какой греки имѣли въ гомеровскихъ поемахъ. Для описанія странствованія Энея послѣ разрушенія Трои послужила образцомъ Одиссея, для разсказа о битвахъ съ латинянами послѣ высадки Энея въ Италію—Иліада. Понятно, что этотъ нарочно придуманный эпосъ не можетъ сравниться съ гомеровскимъ по непосредственности чувства, образности и наблюдательности. Но интересна общая точка зрѣнія Вергилія: главные качества его героя—*набожность, уваженіе къ религіи и нравственности (pius Aeneas)*. Цѣль поэмы—возбудить такое же уваженіе среди привыкшаго къ беззаконіямъ и распутству римскаго общества, а главное средство—указаніе на связь между религіознымъ преданіемъ и могуществомъ Рима: Эней уноситъ изъ Трои древнихъ боговъ своего дома, и передача этого таинственнаго богопочитанія его потомкамъ въ Альбѣ-Лонгѣ и Римѣ служить залогомъ всякаго успѣха въ жизни государства.

Другой великій поэтъ эпохи Августа, Горацій, рѣдко обращается къ такимъ серьезнымъ мотивамъ. Его оды, эподы,

¹⁾ 142 книги, изъ которыхъ до насъ дошли 1—10 и 21—45.

сатиры, стихотворныя посланія выражаютъ другую потребность времени. Онъ участвовалъ въ послѣдней гражданской войнѣ, и притомъ на сторонѣ республиканцевъ, но съ тѣхъ поръ, какъ бросилъ щитъ въ битвѣ при Филиппи, онъ оставилъ и политическіе интересы. Боязнь проскрипціи, страхъ передъ возможными новыми волненіями, привязанность къ сабинскому имѣннику, которое подарилъ ему Меценатъ, преклоненіе передъ властью, которая обезпечиваетъ миръ и порядокъ—вотъ къ чему сводятся политическія идеи Горація. Онъ радуется всѣмъ удовольствіямъ жизни, предается имъ съ разборчивостью и тонкимъ вкусомъ знатока, одинаково воспримчиваго для духовныхъ, какъ и для чувственныхъ наслажденій. Мысли и заботы частной жизни у него на первомъ планѣ, такъ же, какъ и у другихъ лирическихъ поэтовъ эпохи Августа.

Нельзя, однако, сказать, чтобы интересъ къ общественнымъ вопросамъ исчезъ изъ литературы имперіи. Пылкій Катуллъ рѣзко высказывался противъ старшаго Цезаря. При Неронѣ Петроній осмѣялъ (въ Satyricon) провинціальное общество, съ его разбогатѣвшими вольноотпущенными, паразитами¹⁾, кривлявшимися для забавы богачей, неуклюжими попытками перенять роскошь и изящество Рима. Сатиры Ювенала при Домиціанѣ захватываютъ гораздо шире. Съ негодованіемъ описываетъ онъ развратъ всего общества—невѣжество, суевѣріе, извращенные вкусы, всевозможные пороки. Его желчная сатира не даетъ пощады никому—она задѣваетъ даже императора и его дворъ,—конечно, уже послѣ смерти Домиціана.

Сатира.

Недовольство произволомъ императоровъ и нравственнымъ паденіемъ общества нашло себѣ наиболѣе талантливое выраженіе въ историческихъ работахъ Корнелія Тацита, писавшаго при Траянѣ, но испытавшаго всю тяжесть правленія Домиціана. До насъ дошло нѣсколько книгъ его Анналь и Исторій, посвященныхъ времени Тиберія, послѣднимъ годамъ Клавдія, Нерону и смутамъ послѣ его смерти. Кромѣ того, остались—разговоръ объ ораторскомъ искусствѣ, біографія тестя Тацита, Агриколы, и описаніе нравовъ и учреждений германцевъ. Ни одно изъ этихъ сочиненій не отличается безпристрастіемъ. Тацитъ пишетъ съ сокрушеніемъ сердца

Тацитъ.

¹⁾ Паразитъ—человѣкъ, который живетъ на чужой счетъ.

и злобою: въ немъ все еще живетъ независимый духъ знатнаго республиканца, хотя онъ признаетъ необходимость монархіи и невозможность республики. Но онъ не въ состояніи примириться съ безумной свирѣпостью Нерона, лицемѣрной жестокостью Тиберія, малодушіемъ сената, своеволіемъ войска, распущенностью всего общества. Въ урокъ соотечественникамъ, онъ сопоставляетъ съ ихъ извѣженностью и пороками грубое, непочатое здоровье германскихъ варваровъ. Нѣтъ сомнѣнія, что картина Тацита страдаетъ преувеличеніями и односторонностями, что онъ слишкомъ сосредоточилъ свое вниманіе на жизни высшихъ классовъ въ Римѣ и пренебрегъ менѣе замѣтными провинціями. У него нѣтъ способности Фукидида показать въ частныхъ явленіяхъ вліяніе общихъ условій; его особенно интересуетъ изученіе характеровъ, страстей, нравовъ, и, какъ психологъ ¹⁾, онъ едва ли имѣетъ равнаго между историческими писателями.

Пластическія
искусства.

Мы можемъ исправить одностороннія сужденія Тацита. Не возвращаясь къ тѣмъ матеріальнымъ успѣхамъ, о которыхъ было сказано раньше, отмѣтимъ цѣлый рядъ крупныхъ заслугъ императорскаго періода. Римское господство содѣйствовало, во-первыхъ, распространенію эллинистической образованности на всѣ страны вокругъ Средиземнаго моря. Если Западъ былъ романизованъ по языку, если даже и на Востокѣ утвердились римскія учрежденія, то наука и искусство повсюду имѣли эллинистическій характеръ. Какъ сами римляне учились въ этомъ отношеніи у грековъ, такъ стали учиться у нихъ испанцы, галлы, британцы, африканцы. Въ это время пластическія искусства на Западѣ достигли высшаго процвѣтанія, причемъ римлянамъ лучше удавалась архитектура, чѣмъ скульптура. Последняя утратила идеальное содержаніе и красоту греческихъ образцовъ и стала обращаться къ точному изображенію дѣйствительности, къ портретной статуѣ и бытовымъ сценамъ (напр., рельефы на колоннѣ Траяна, на триумфальной аркѣ Тита). Архитектура не выработала совершенно новаго стиля; она воспользовалась этрусскимъ обычаемъ возводить куполъ надъ зданіемъ и соединила его съ колонными постройками грековъ. Замѣчательный примѣръ этого соединенія представляетъ Пантеонъ, построенный Агриппой.

¹⁾ Психологія—наука о душѣ.

Большой запросъ на увеселенія привелъ къ построенію многочисленныхъ театровъ и цирковъ. И тѣ, и другіе располагались подъ открытымъ небомъ амфитеатромъ возвышающихся другъ надъ другомъ скамеекъ со сценой въ серединѣ. Великій циркъ въ Римѣ (circus maximus) былъ рассчитанъ на 260,000 зрителей. Амфитеатръ Флавіевъ получилъ за свою громадность названіе Колоссея, и его развалины до сихъ поръ могутъ дать понятіе о размѣрахъ, прочности и великолѣпіи этихъ сооружений. Надо прибавить, что памятники Рима и провинцій ясно свидѣтельствуютъ не только о процвѣтаніи I и II вѣковъ, но и объ упадкѣ образованности, начиная съ III вѣка: триумфальныя арки Септимія Севера и Константина, напримѣръ, обнаруживаютъ своими украшеніями и рельефами все возрастающее одичаніе: подробности нагромождаются безъ внутренней связи, теряется способность вѣрно наблюдать и искусно изображать дѣйствительность.

Въ наукѣ отпечатокъ эллинизма не менѣ замѣтенъ, нежели въ искусствѣ. Собираніе свѣдѣній, интересъ къ естественно историческимъ знаніямъ продолжаютъ, хотя императорское время и не выставило такого великаго числа первоклассныхъ ученыхъ, какъ александрійская образованность II и III вѣковъ до Р. Х. Плиніи Старшій собралъ при Неронѣ и Веспасіанѣ въ своей „Естественной Исторіи“ массу интересныхъ наблюдений по минералогіи, ботаникѣ, зоологіи, сельскому хозяйству, хотя его замѣтки и не сведены въ продуманное цѣлое. Галенъ сдѣлался основателемъ научной медицины, потому что первый поставилъ способъ лѣченія въ зависимость отъ физиологіи ¹⁾ чловѣка. Самое глубокое вліяніе имѣли работы александрійскаго ученаго Клавдія Птолемея ²⁾, установившаго основы ученія о планетахъ и математическую географію, которой ученые держались болѣе, чѣмъ тысячу лѣтъ послѣ него. Онъ, между прочимъ, убѣдился, что поверхность земли не плоская, а округлая и разрушилъ предположеніе, что океанъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ населенный людьми материкъ.

Наука.

Въ одномъ направленіи—въ области права—римляне положили безусловно новый путь и совершили дѣло, которое

Право.

¹⁾ Физиологія—наука о жизни организмовъ.

²⁾ Жилъ при Августинѣ.

оказываетъ рѣшительное вліяніе даже на наше время. Греческія государства познакомились съ самыми разнообразными отношеніями между людьми и выработали для приведенія ихъ въ порядокъ очень замѣчательныя формы права. Но греки были слишкомъ разрознены и слишкомъ измѣнчивы, чтобы составить обширную и продуманную юридическую систему; притомъ занятіе правомъ попало у нихъ въ руки людей не особенно уважаемыхъ въ обществѣ, софистовъ и ораторовъ по ремеслу, которые старались только нажиться и выдвинуться этимъ дѣломъ. *Римскій народъ былъ какъ бы созданъ для разработки права.* Послѣдовательность и логичность мышленія отличаютъ его съ перваго появленія въ исторіи. Упорная сословная борьба приучила самыхъ мелкихъ людей понимать правовыя опредѣленія и дорожить ими. Завоеваніе Италіи и провинцій сдѣлало римлянъ главными посредниками въ разрѣшеніи судебныхъ споровъ всего міра. Могучая постановка магистратской власти ручалась за то, что разъ постановленныя рѣшенія не будутъ оспариваться. Древнѣйшіе юридическіе обычаи стояли въ прямой связи съ религіей и сохранялись жрецами (*pontifices*). Въ магистратской службѣ судоговореніе играло такую же роль, какъ и военное командованіе, и смѣнялось съ нимъ. Наконецъ, отношенія патрона къ прибѣгавшимъ къ его покровительству кліентамъ, — знатнаго римлянина къ обращающимся за его помощью иностранцамъ и провинціаламъ, — вызывали къ адвокатской дѣятельности людей наиболѣе знатныхъ, заслуженныхъ и уважаемыхъ въ государствѣ.

Развитіе римскаго права.

Суды далеко не ограничивались прамѣненіемъ утвержденныхъ народомъ законовъ или постановленій сената (*senatus consulta*), такъ какъ и тѣ, и другія охватывали весьма незначительную часть случаевъ, по поводу которыхъ возникали споры. Во время республики *пре-торъ*, вступавшій въ должность, объявлялъ *указомъ (эдиктомъ)*, какихъ началъ онъ будетъ держаться при судоговореніи; а такъ какъ и указомъ нельзя было предусмотрѣть всего, и, притомъ, магистратъ могъ быть лично человѣкомъ мало свѣдущимъ въ правѣ, то онъ призывалъ себѣ въ помощь засѣдателей — хорошихъ юристовъ или обращался за разрѣшеніемъ трудныхъ вопросовъ къ извѣстнымъ авторитетамъ ¹⁾ въ области права.

Чѣмъ болѣе осложнялись гражданскія отношенія и накопились законы, обычаи, указы, рѣшенія, отвѣты знаменитыхъ юристовъ

¹⁾ Авторитетъ — вліяніе; а въ переносномъ смыслѣ — человѣкъ, который пользуется уваженіемъ и вліяніемъ, какъ знатокъ какого-нибудь дѣла.

(*responso prudentum*), тѣмъ настоятельнѣе чувствовалась необходимость разобраться въ этой массѣ, выяснить основныя начала, поставить частности въ зависимость отъ этихъ началъ. Первымъ замѣчательнымъ представителемъ такой научной работы былъ первый плебей, достигшій должности верховнаго жреца, Тиберій Корунканий (*Pontifex maximus* въ 252 г. до Р. Х.). Онъ изложилъ юридическіе обычаи, благодѣтелями которыхъ были жрецы. Богѣе обширенъ былъ кругозоръ Муція Сцеволы, погибшаго во время захвата Рима Маріемъ: онъ уже принялъ во вниманіе всѣ разнообразныя источники права своего времени.

Послѣ учрежденія имперіи право стало развиваться еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ при республикѣ. Гордость имперіи состояла въ томъ, что она поддерживала миръ и порядокъ среди разноплеменнаго населенія культурнаго міра. Ростъ матеріальнаго благосостоянія, оживленіе торговли, разнообразный обмѣнъ услугъ, множество сдѣлокъ, обязательствъ—все это требовало усиленной дѣятельности юристовъ, которые умѣли бы тонко различать отношенія, опредѣлять и расчленять понятія, строить выводы, разграничивать права сторонъ, подводить жизненные случаи подъ общія начала закона и науки. Затѣмъ наступило то существенное измѣненіе сравнительно съ республикой, что имперія стала противо-дѣйствовать крайнему раздробленію права и проводить объединительную политику. Уже Августъ сдѣлалъ шагъ въ этомъ смыслѣ: онъ запретилъ обращаться за совѣтомъ къ любому юристу: *разрѣшеніе давать „ответы“* стало выдаваться изъ императорской канцеляріи извѣстному небольшому числу лицъ. По порученію Адріана, Сальвій Юліанъ замѣнилъ различныя преторскіе указы однимъ, такъ называемымъ постояннымъ эдиктомъ: въ него были включены существенныя положенія предшествовавшихъ эдиктовъ, и отброшено все лишнее и противорѣчивое. При Маркѣ Авреліи Гай составилъ „*Институціи*“, краткое руководство, излагавшее главныя начала права. Онъ при этомъ имѣлъ въ виду не положенія, составлявшія особенность римскаго народа, а тѣ общія правила, которыя казались вытекающими изъ общаго всѣмъ людямъ разума и чувства справедливости и потому были одинаково примѣнимы ко всѣмъ городамъ. Это разумное право называлось *общенароднымъ* (*ius gentium*). По мѣрѣ того, какъ римское гражданство распространялось на всѣ подвластные имперіи народы, общенародное право все болѣе и болѣе становилось правомъ гражданскимъ (*ius civile*).

Великое значеніе юриспруденціи¹⁾, ея первенствующая роль въ имперіи выразилась, наконецъ, въ томъ, что *префектами преторія и, следовательно, ближайшими помощниками императоровъ стали назначать знаменитыхъ юристовъ*. Такое положеніе занималъ при Септиміи Северѣ—Папиніанъ, при Каракаллѣ и Геліогабалѣ—Юлій Павелъ, при Александрѣ Северѣ — Ульпіанъ; всѣ

¹⁾ Примѣненіе права учеными юристами

три—выдающіяся свѣтила римскаго права, отвѣты которыхъ въ большомъ количествѣ сохранились въ собраніи отрывковъ изъ римскихъ юристовъ, извѣстномъ подъ именемъ Дигестъ Юстиніана.

Послѣ возстановленія имперіи, въ концѣ III вѣка начинается новая эпоха въ исторіи римскаго права. Уже не отдѣльные ученые юристы опредѣляютъ право своими мнѣніями; *руководящая роль переходитъ прямо къ императору и его канцеляріи*. Большая часть законовъ, указовъ, постановленій IV и V вѣковъ, вѣроатно, составлены были не безъ участія хорошихъ знатоковъ права, но участіе это остается незамѣтнымъ. Диоклетіанъ, Константинъ, Θεодосій, Аркадій и Гонорій говорятъ отъ своего лица и даютъ не мнѣніе или ученіе, а приказанія. По юридическому интересу и талантливости эта работа поздней имперіи не можетъ сравниться съ дѣятельностью „классическихъ“¹⁾ юристовъ II и III вѣковъ. Но и этому періоду принадлежитъ неотъемлемая слава: постановленія императоровъ IV вѣка совершенно пересоздали сословное положеніе гражданъ и много содѣйствовали разрушенію рабства, этой позорной основы древней культуры.

Естественное
право.

Римское гражданское право есть главный вкладъ римлянъ въ исторію человѣчества. Его значеніе лучше всего выясняется изъ того обстоятельства, *что ученіе юристовъ имперіи не умерло до сихъ поръ, и не только не умерло, а признается лучшей подготовкой для современной юриста и главнымъ основаніемъ дѣйствующихъ въ европейскихъ странахъ правовыхъ положеній*. Для того, чтобы объяснить себѣ причины такой необыкновенной живучести, такого перенесенія въ XIX вѣкѣ понятій II вѣка, мало указать на выдающуюся способность римлянъ къ юридическому мышленію и на богатство отношеній, которое представляла для юридической обработки имперія. Семнадцать столѣтій прошли не даромъ, и во всѣхъ отрасляхъ жизни произошелъ рядъ измѣненій, иногда очень глубокихъ; если тѣмъ не менѣе римское право сохранило жизненную силу, то оно обязано этимъ высокой точкѣ зрѣнія, которая была уже отмѣчена въ руководствѣ Галя. Классическіе юристы старались создать общее всѣмъ народамъ право и для этого опирались не на случайныя постановленія римлянъ, афинянъ, сирійцевъ, а на природу челоука вообще, на то, что естественно, разумно и справедливо въ отношеніяхъ между людьми. При этомъ національныя и сословныя осложненія, хотя и не уничтожались, но отступали на второй планъ; римлянинъ и грекъ, гражданинъ, вольноотпущенный и рабъ рассматривались прежде всего, какъ люди. Оттого и получилась возможность до извѣстной степени подставить на мѣсто этихъ давно отжившихъ подраздѣленій новыя общественныя группы и влички французовъ и нѣмцевъ, полноправныхъ и неполноправныхъ,—и все-таки сохранить глав-

¹⁾ Слово „классическій“ часто употребляется почти въ смыслѣ русскаго „образцовый“.

ное—попытку построить естественное право людей на разумной природѣ человѣка.

Надо прибавить, что исходнымъ пунктомъ служили интересы Индивидуализмъ.
и воля отдѣльнаго человѣка. Въ этомъ отношеніи право классическихъ юристовъ сильно отличается какъ отъ взглядовъ времени республики, такъ и отъ идей, получившихъ ходъ въ концѣ имперіи. Въ республиканскую эпоху человѣкъ разсматривался преимущественно, какъ гражданинъ; каждый представитель привилегированнаго меньшинства, такъ называемыхъ гражданъ, есть прежде всего часть высшаго цѣлага—городской общины. Интересъ этой общины и связь ея частей принимались болѣе во вниманіе, чѣмъ интересъ и воля человѣка, взятаго въ отдѣльности: и чѣмъ ранѣе эпоха, которую мы беремъ, тѣмъ сильнѣе вліяніе города, рода, семьи. Съ другой стороны, въ IV и V вѣкахъ, имперія сильно подчиняетъ интересъ и право отдѣльныхъ лицъ своей опецѣ, а рядомъ возникаетъ церковь, которая опять-таки ищетъ не только спасенія отдѣльныхъ лицъ, а крѣпкаго соединенія ихъ въ одно церковное цѣлое, которое есть тѣло Христова. Въ промежуткѣ стоятъ имперія первыхъ трехъ вѣковъ, которая, конечно, многога требовала отъ своихъ подданныхъ, но все-таки разсматривала государство, какъ стоящую выше общества и, значитъ, внѣ общества охранительную силу, а самое общество, какъ рядъ постоянно возникающихъ и разлагающихся отношеній между отдѣльными лицами. Семья, родъ, корпорація, сословіе, городъ, религиозное сообщество—всѣ эти группы признавались, но только какъ временныя и обусловленныя государствомъ соединенія отдѣльныхъ лицъ. Значительное развитіе какого-либо изъ этихъ соединеній казалось опасностью для всемогущаго государства столько же, сколько посягательствомъ на свободу отдѣльной личности. Императоры оттого такъ и преслѣдовали христіанскую церковь, что она выступила изъ рамокъ общаго подчиненія и утверждалась на совершенно самостоятельномъ началѣ. Римское право классической эпохи проводитъ начало *индивидуализма*—раздробленія общества на слабо связанна другъ съ другомъ отдѣльныя личности.

Общія идеи, проникавшія римское право, выработались не только вслѣдствіе благопріятной имъ государственной обстановки и успѣховъ юридической науки: имъ сильно содѣйствовало движеніе философское, которое, какъ и вся духовная культура Рима, началось въ Греціи, а затѣмъ распространилось на Западъ. Мы видѣли, какъ софисты, Сократъ, Платонъ и Аристотель, разбирали вопросы о человѣческомъ знаніи и основахъ міра. Римляне были народъ преимущественно практической. Поэтому ихъ менѣе, чѣмъ грековъ, интересовали эти отвлеченные вопросы. *Они въ философіи обращали особенное вниманіе на ту часть, которая имѣетъ непосредствен-*

Этиа.

ное значеніе въ жизни, на такъ называемую этику, или ученіе о нравственности. Чѣмъ долженъ человекъ руководствоваться въ своемъ поведеніи? Что такое счастье, къ которому всѣ люди стремятся? Этими задачами преимущественно занимались философы временъ римской имперіи. Предлагалось, главнымъ образомъ, два разрѣшенія. Со временъ грека Эпикура нѣкоторые держались взгляда, что счастье можетъ быть достигнуто во многихъ—если не во всѣхъ—случаяхъ искуснымъ выборомъ удовольствій въ жизни и устраненіемъ неприятнаго. Стихотворенія Горация принадлежать именно такому тонкому, образованному эпикурейцу. Но, хотя среди высшаго римскаго общества много было людей, склонныхъ къ подобному пониманію жизни, характеръ народа подсказывалъ другое. Римъ возвысился не благодаря малодушному исканію удовольствій, а самоотверженнымъ исполненіемъ долга, готовностью каждаго гражданина претерпѣть всякія невгоды и опасности ради общаго блага. И даже когда большинство гражданъ утратило свой нравственный законъ, лучшіе люди все-таки склонялись преимущественно къ *стоической философіи*, которая проводила глубокое различіе между счастьемъ и удовлетвореніемъ пожеланій; ни роскошь, ни всевозможныя удовольствія не даютъ спокойствія человеку; ихъ пріятность быстро притупляется и оставляетъ горькій осадокъ; напротивъ, человекъ больной, бѣдный, лишенный всѣхъ внѣшнихъ наслажденій, можетъ быть счастливъ—счастливъ сознаніемъ, что живетъ по долгу и правдѣ; *равнодушіе къ внѣшнимъ благамъ, невозмутимое отношеніе къ случайностямъ жизни, исполненіе разумнаго долга стали заповѣдями стоицизма*. При такихъ взглядахъ внѣшнее могущество теряло свою цѣну. Учитель Нерона, Сенека, старается представить себѣ землю, какъ она должна показаться человеку, который высоко поднялся бы надъ нею: большая часть покрыта водами, нѣкоторыя области лежатъ въ палящемъ зноѣ, другія покрыты льдомъ... Стоитъ ли постоянно воевать изъ-за земли? Какими ничтожными покажутся движущіеся по поверхности полки со своими знаменами, конные отряды, переправляющіеся черезъ рѣки! Съ другой стороны, теряютъ значеніе разницы между бѣднымъ и богатымъ, знатнымъ и рабомъ: самымъ вліятельнымъ изъ стоическихъ философовъ былъ простой рабъ Эпиктетъ. *Разумъ и служеніе долгу дѣлаютъ человека сво-*

боднѣмъ, а не наложенная извѣтъ отличія. Что пользы, если кто самъ консулъ и происходитъ отъ консуловъ? Онъ можетъ быть рабомъ своихъ страстей. И наоборотъ: никакое внѣшнее принужденіе не въ состояніи связать души, потому что душа человѣка божественна, и никакая власть не имѣетъ силы надъ божествомъ. У стоиковъ сказывается, такимъ образомъ, во всей силѣ направлявшая римское право идея, что въ основѣ отношеній между людьми должна лежать разумная природа человѣка. И у Эпиктета, и у Марка Аврелія заимѣтна еще другая черта: гражданинъ обязанъ служить по мѣрѣ силъ государству, но власть, почетъ, успѣхъ не должны увлекать его. Надо все это считать второстепеннымъ, чтобы имѣть возможность спокойно отнестись къ пораженію, пониженію, неудачѣ. Отъ всѣхъ случайностей жизни стоикъ уходитъ въ самого себя и старается достигнуть прежде всего невозмутимости своего личнаго духа.

Тяжелы были такія требованія для большинства людей. Религіозное движеніе.
Оно нуждалось въ увѣренности, что жизнь міра, какъ цѣлаю, представляетъ стройный порядокъ и благословленіе свыше, что счастье не есть простое отреченіе отъ всякихъ возбужденій— какъ радостныхъ, такъ и горестныхъ. Подобную увѣренность могла дать только религія. И мы уже видѣли, какъ упорно искалъ римскій міръ религіи, какъ испробовали всевозможныя соединенія культовъ, оказавшихся безсильными въ отдѣльности, какъ перешли мало-по-малу отъ трезваго, разсудочнаго западнаго богопочитанія къ могучимъ восточнымъ поклоненіямъ. Это движеніе сопровождалось переворотомъ въ философіи. Распространяется, особенно въ третьемъ вѣкѣ, такъ называемая *неоплатоническая школа* (ново-платоновская). Она представляла себѣ Бога, какъ великаго мірового духа, отъ котораго отдѣлился цѣлый рядъ второстепенныхъ духовъ. Человѣкъ можетъ приблизиться къ Богу праведной жизнью, чистотой нравственной и физической, исполненіемъ различныхъ обрядовъ. При этомъ самые праведные и мудрые люди еще до смерти выходятъ изъ подчиненія обычнымъ законамъ природы и становятся чудотворцами; такимъ чудотворцемъ считали Пифагора, а про одного изъ философовъ этой школы, Аполлонія Тианскаго, еще при его жизни сложился цѣлый рядъ сказаній,—приписывали ему всевѣдѣніе, способность исцѣлять больныхъ, воскрешать мертвыхъ и т. п.

Аскетизмъ.

Принятіе христіанства дало, наконецъ, выходъ напряженнымъ религіознымъ потребностямъ человѣчества. И въ самомъ христіанствѣ, помимо еретическихъ ученій и борьбы съ ними, обозначились два главныхъ религіозно-нравственныхъ направленія. Еще во время гоненій на Востокъ образовалось монашество; отшельники уходили въ страшную пустыню Ѳиваиды, отрекались отъ міра, бѣжали людей, вступали въ ежечасную борьбу съ потребностями и искушеніями плотскаго существованія, чтобы этимъ „упражненіемъ“ (аскезъ) достигнуть полнаго равнодушія къ вѣшнимъ страданіямъ и утѣхамъ и жить только для души — созерцаніемъ Божества, молитвою и покаяніемъ. Торжество христіанства при Константинѣ не уничтожило этого аскетическаго направленія. Жизнь была такъ полна золъ, общество было такъ испорчено и полно соблазна, природа человѣка оказывалась такой порочной и слабой, что *борьба противъ „міра, плоти и діавола“* не теряла смысла и продолжала привлекать подвижниковъ. Монашество все развивалось и перешло съ Востока также и на Западъ. Рядомъ съ отшельниками (еремитами-пустынниками) появились такъ называемые *кинотиты* ¹⁾, которые жили вмѣстѣ и подчинялись извѣстнымъ общимъ правиламъ.

Церковь.

Рядомъ съ этимъ шло развитіе церкви, какъ совокупности вѣрующихъ. Всемирная исторія указываетъ на громадное вліяніе церковныхъ идеаловъ въ жизни человѣчества. Можно сказать, что съ перваго появленія христіанства въ мірѣ поставленъ былъ вопросъ о томъ, какъ измѣнится отъ этого судьба народовъ, какимъ образомъ церковь можетъ содѣйствовать проведенію справедливости и благоустройства на землѣ. Не было недостатка въ людяхъ, которые понимали это вмѣшательство очень непосредственно и грубо — ожидали, на примѣръ, что Христосъ воцарится, какъ государь земнаго міра, и введетъ въ немъ правду и счастье. Но сама церковь не раздѣляла такой точки зрѣнія — она учила, что ея задача — духовное воспитаніе и руководство, а не свѣтское управленіе, хотя послѣднее все-таки должно находиться въ извѣстной зависимости отъ перваго.

¹⁾ Κοινὸς βίος — общая жизнь.

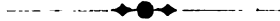
Самымъ замѣчательнымъ истолкователемъ этой зависимости былъ блаженный Августинъ, епископъ африканскаго города Гиппо, жившій въ первой половинѣ V вѣка. Онъ получилъ самое лучшее эллинистическое образованіе, какое только можно было дать въ ту эпоху и нѣкоторое время блисталъ, какъ свѣтскій человекъ и искусный литераторъ. Но довольно рано онъ отбросилъ всѣ свѣтскія занятія, сдѣлался главнымъ поборникомъ православія на Западѣ и всецѣло предался заботамъ о разъясненіи христіанскаго ученія и идеаловъ.

Его сочиненіе „О государствахъ Божіемъ“ имѣетъ всемірно-историческое значеніе. Оно положило основаніе воззрѣній, которыми руководствовалось западное христіанство въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. По важности, его можно поставить рядомъ съ ученіемъ о государствахъ Аристотеля, съ тою разницею, что Аристотель даетъ преимущественно оцѣнку уже закончившагося греческаго развитія, Августинъ же устанавливаетъ идеи для будущаго. Оба автора сходны въ томъ отношеніи, что видятъ среди развалинъ тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежать. Августинъ былъ свидѣтелемъ страшныхъ вторженій варваровъ и постепеннаго крушенія римской имперіи на Западѣ. Онъ ставитъ ее въ рядъ великихъ монархій исторіи — за ассирійской послѣдовала персидская, затѣмъ македонская, наконецъ, римская.

Всѣ эти попытки объединить міръ были замѣчательны, но всѣ привели только къ минутнымъ успѣхамъ и окончательному паденію, потому что у зданія строителей не хватало краеугольнаго камня. Всѣ строили „государство дьявола“, возводимое борьбой, страстями, пороками людей. *Въ противоположность ему воздвигается государство Божіе, основанное на таинственномъ Промыслѣ, который вновь и вновь даетъ себя чувствовать среди беззаконій и насилій. Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ люди получили указанія свыше для праведной жизни. Спаситель своимъ пришествіемъ на землю положилъ начало истинной церкви, которая должна хранить и проводить его завѣты въ человечествѣ. Пусть распадается слава Рима! Она украшала насильственное устройство дьявола. Какъ отдѣльный человекъ не можетъ спастись безъ сообщенія ему благодати Божіей черезъ посредство церкви, такъ и общество людей можетъ сдѣлаться государствомъ Божіимъ только при помощи церкви.*

Она обязана принять на себя воспитаніе отдѣльныхъ людей и высшее руководство всѣми людскими учрежденіями. Безпорядокъ и бѣдствіе полезны, потому что они указываютъ, гдѣ надо искать спасенія.

Такимъ образомъ намѣчались двѣ великія черты средне-вѣковаго пониманія міра: *осужденіе грѣховной природы челоуѣка и призваніе церкви для руководства гражданскими отношеніями.*

Важнѣйшія опечатки.

<i>Страница.</i>		<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
VI	строка 22 сверху	нее	нея
VII	» 7 »	10	9
VII	» 8 »	15	14
25	» 11 »	Ольвія	Ольбія
25	» 12 »	Пантикалея	Пантикалей
52	» 5 »	перси сямъ	персидскимъ
64	» 18 снизу	Вслѣдствіе	Вслѣдствіе
158	» 10 сверху	Калугулу	Калугулу.
